

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

26 2020
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (316) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахронов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Гвидо ван Россум* (1956), нидерландский программист, известный прежде всего как автор языка программирования Python.

Ван Россум родился и вырос в Нидерландах, где он закончил Амстердамский университет по специальности «математика и информатика». Затем он работал в различных исследовательских институтах, в том числе в Голландском центре математики и информатики (Амстердам), Национальном институте стандартов (США) и Corporation for National Research Initiatives (США).

Еще во времена работы в Центре математики и информатики Гвидо создал язык программирования Python, ориентированный на повышение производительности разработчика и читаемости кода. В 2005 году ван Россум был принят на работу в Google, где он работал на Python веб-приложение для рецензирования кода Mondrian. Он также принимал активное участие в разработке компанией Google сервиса хостинга сайтов и web-приложений Google App Engine.

В 2013 году ван Россум перешел из Google в Dropbox, где стал работать сразу по нескольким направлениям, в том числе помогал отлаживать инструменты для тестирования и создавать систему проверки типов Муру. Он же настоял на упрощении кода, чтобы его понимали и

могли поддерживать другие разработчики. До этого в Dropbox, по словам Гвидо, использовали «умный» код. В нем разбирались только те уникамы, которые его сами и написали. Такой метод оказался неэффективным, когда в штат начали нанимать все больше людей.

В свое время за ван Россумом закрепилось звание «великодушного пожизненного диктатора», но в июле 2018 года он сложил с себя эти полномочия. Ван Россум объяснил свое решение тем, что устал принимать все решения по развитию Python и ему нужен долгий перерыв.

У Гвидо ван Россума есть брат — Юст ван Россум, шрифтовой дизайнер и программист. Именно Юст создал шрифт, который используется в логотипе Python Powered. В настоящее время сам Гвидо живет в Калифорнии с женой-американкой Ким Нэп и их сыном Орлейном.

Ван Россум — почетный обладатель премии Free Software Award, а также премии Нидерландской ассоциации профессионалов UNIX. В 2006 году он был признан Ассоциацией вычислительной техники «выдающимся инженером». В начале 2019 года СМИ признали Python самым популярным языком программирования в мире.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Алиева Ф. Р.

Проблемы квалификации неоказания помощи и оставления в опасности и ограничение от смежных составов 141

Витковская Е. О.

Наложение ареста на имущество в рамках уголовного процесса 143

Выскарева Т. С.

Существенные условия договора международной купли-продажи 145

Ганюшкина С. Д.

Ответственность водителя за дорожно-транспортные нарушения: всегда ли виноват водитель?..... 148

Гелиева И. Н., Каминская К. В.

Роль суда при реализации примирительных процедур в гражданском процессе 150

Гуляева И. В.

Уголовно-правовые аспекты защиты авторских и смежных прав в российском законодательстве 152

Елисанов Е. А.

Ситуалогическая экспертиза по делам, связанным с применением огнестрельного оружия 154

Елькина А. С.

К вопросу об особенностях профессиограммы следователя в Российской Федерации 157

Жукова Е. О.

Правосубъектность граждан с ограниченной дееспособностью 158

Занчурин Э. Р.

О некоторых проблемных вопросах организации обеспечения антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел Российской Федерации 160

Землянская А. С.

К вопросу о теневой экономике в регионах и основных мерах противодействия данному явлению 162

Игнатов Е. А.

Реформа российского законодательства в сфере регистрации прав на недвижимое имущество: от идеи к практике реализации 163

Калантай А. Н.

Некоторые особенности принципов адвокатской этики..... 166

Корелова Е. М.

Принципы судебной деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации 169

Кривошея С. А.

Юридическая характеристика договора займа 173

Маткаримова Д. К.

О некоторых тенденциях коррупциогенной ситуации в России 175

Меджидли А. А.

Зарубежное законодательство об ответственности за рабский труд 177

Меджидли А. А.

Об объекте использования рабского труда 180

Михайлюкова В. С.

Причинно-следственная связь при привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника при банкротстве . 182

Самурханов М. С.

Психологический и криминологический портрет личности киберпреступника 184

Утеуов Б. С.

Основные проблемы института необходимой обороны в России и ее сущность 186

Утеуов Б. С.

Зарубежный опыт правового регулирования необходимой обороны 188

Чаплинский В. Б.

Проблемы реализации прав граждан при проведении публичных мероприятий на территории Российской Федерации 190

Чувашова А. А.

Правовые основы деятельности военной полиции вооруженных сил 196

Шурыгин Ф. Ф.

Проблема толкования термина «коррупция»: особенности отечественных и зарубежных подходов 198

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы квалификации неоказания помощи и оставления в опасности и отграничение от смежных составов

Алиева Фатима Рафиговна, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В статье рассмотрены особенности и сложности разграничения таких статей Уголовного кодекса как «Неоказание помощи больному» (ст. 124 УК РФ) и «Оставление в опасности» (ст. 125 УК РФ).

Ключевые слова: причинение смерти по неосторожности, ненадлежащее исполнение обязанностей, оставление в опасности, неоказание помощи больному.

Сложность применения статьи 124 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее — УК РФ) неоказание помощи больному связана со спецификой медицинской деятельности и особенностями расследования подобных преступлений. Как показывает судебная практика, чаще всего подобные дела квалифицируются по другим статьям. Это ст. ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности» и 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», ст. 125 УК РФ «Оставление в опасности» и ст. 293 УК «Халатность».

В теоретическом плане в настоящее время отсутствует единство относительно соотношения составов «Неоказание помощи больному» и «Оставление в опасности». Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ, также может быть больной, поскольку в тексте самой статьи в качестве одного из вариантов беспомощного состояния указана болезнь потерпевшего. Разница между составами, по мнению Н. И. Пикурова, в том, «что в первом случае потерпевшим может быть только больной человек, а во втором и больной и другие лица, находящиеся в беспомощном состоянии» [1].

Неосторожное причинение смерти медицинским работником вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей предполагает конкуренцию двух норм: общей (ч. 2 ст. 109 УК РФ) и специальной (ч. 2 ст. 124 УК РФ), где предпочтение отдается специальной. Различия между данными составами А. И. Пискун проводит по признакам объективной стороны: «при неоказании помощи больному имеет место только уголовно-правовое бездействие — воздержание от действий, которые виновный должен был и мог совершить, а при неосторожном причинении смерти (ч. 2 ст. 109 УК РФ) — как действие, так и частичное бездействие» [2].

При ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей ответственность наступает только в случае наступления смерти или причинения тяжкого вреда здоровью, тогда как отказ от исполнения обязанностей (неоказание помощи больному) влечет уголовную ответственность при наличии последствий в виде средней тяжести вреда здоровью (ч. 1 ст. 124 УК РФ).

Профессиональные обязанности медицинского работника в некоторых случаях тесным образом связаны со служебными функциями должностного лица. Анализ судебно-следственной практики применения ст. 293 УК РФ показывает, что трудно провести разграничение между профессиональными и должностными обязанностями. А. И. Пискун считает, что «неоказание помощи больному должностными лицами медицинских учреждений (главным врачом, его заместителями, заведующими отделениями) должно рассматриваться как должностное преступление» [3].

Объективная сторона оставления выражается в бездействии. Законодателем выделены два объективных основания привлечения к ответственности за бездействие: обязанность виновного иметь заботу о потерпевшем и поставление виновным потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние. Субъективное основание заключается в том, что виновный реально мог оказать помощь лицу, находящемуся в опасном состоянии.

М. А. Горбатова полагает, что оставление в опасности в результате неосмотрительного поведения самого потерпевшего или третьих сил, сил природы «не может «конкурировать» с преступлениями против жизни, поскольку бездействие не может быть признано причиняющим, а преступный результат может наступить лишь в результате действия каких-либо активных сил» [4]. Такое оставление в опасности, даже приведшее к наступлению смерти

потерпевшего, подлежит квалификации только по ст. 125 УК РФ.

Состав оставления в опасности по конструкции объективной стороны является формальным, то есть оконченным преступление следует считать только с момента оставления в опасности, независимо от реального наступления опасных для жизни потерпевшего последствий. Согласимся с мнением Ю. С. Хаврошиной, что «в определенных ситуациях, несмотря на наличие всех признаков состава, квалификация по данной статье должна исключаться, в других ситуациях квалифицировать следует по совокупности» [5].

Рассмотрим соотношение ст. ст. 105 и 125 УК РФ подробнее. Проблема разграничения данных составов возникает тогда, когда вследствие умышленного бездействия лица, которое обязано было оказать помощь потерпевшему, находящемуся в беспомощном состоянии, и которое имело возможность ее оказать, наступает смерть потерпевшего (мать оставляет своего новорожденного ребенка в опасной для его жизни и здоровья ситуации и тот вследствие этого погибает)..

Состав преступления «Оставление в опасности» предусматривает специального субъекта, достигшего возраста 16 лет. Субъект исследуемого состава является лицом, на которого возложена правовая обязанность заботы о потерпевшем либо лицом, поставившим потерпевшего в опасность, а также имеющим возможность оказания помощи. Субъект преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, — физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14 лет. Субъективная сторона оставления в опасности выражается в преступном бездействии — субъект причиняет вред не своими активными действиями, а использует для достижения цели третьи силы, что делает проблематичным установление прямого умысла по отношению к наступлению вредных последствий.

Согласно ст. 105 УК РФ убийство есть умышленное причинение смерти другому лицу, т. е. данный состав предполагает как прямой, так и косвенный умысел по отношению к последствиям. Направленность умысла определяется исходя из объективной вероятности предвидения субъектом наступления определенных последствий, что может показать анализ окружающей обстановки, фактор времени и наличие у субъекта возможности дей-

ствовать для устранения грозящей опасности. Если окружающая обстановка позволяет предвидеть наступление смерти или вреда здоровью потерпевшего, то бездействие субъекта следует рассматривать как посягательство на жизнь или здоровье. Наибольшая вероятность точного определения умысла существует, если субъект своими действиями умышленно поставил потерпевшего в опасность и оставляет его в соответствующей обстановке, желая наступления последствий или относясь к этому безразлично. В настоящее время в судебной практике часто возникают трудности, связанные с правильным установлением психического отношения виновных лиц к возможным общественно-опасным последствиям.

Ст. 124 УК РФ встречается в судебной практике крайне редко, доля преступлений, предусмотренных этой статьей, в Российской Федерации ничтожно мала. Как показывает судебная практика, в основном подобные дела квалифицируются по другим статьям. Чаще всего встречаются проблемы, связанные с отграничением ст. 125 УК РФ от ст. 124 УК РФ. Состав «Оставление в опасности» предусматривает не только неоказание помощи, но отсутствие заботы. Неоказание помощи больному следует отличать от оказания неквалифицированной медицинской помощи, повлекшей по неосторожности смерть больного (ч. 2 ст. 109 УК) или причинение ему по неосторожности тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 118). При неоказании помощи медицинский работник бездействует, не исполняет возложенные обязанности, в то время как в указанных в ст. 109 и 118 УК случаях вред причиняется в результате ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей.

Таким образом, при отграничении оставления в опасности от убийства (ст. ст. 105, 106 УК РФ) необходимо учитывать форму бездействия и наличие (отсутствие) умысла по отношению к смерти потерпевшего. Если имеет место бездействие, создающее опасность для жизни, то при разграничении преступлений учитывается психическое отношение лица, к возможной смерти потерпевшего. Бездействие лица не может быть квалифицировано по ст. 125 УК РФ, а квалифицируется по ст. ст. 105 или 106 УК, если виновный умышленно поставил потерпевшего в опасное для жизни состояние, а затем оставил его в таком состоянии, при этом желал наступления смерти потерпевшего или допуская ее, либо относится к ней безразлично.

Литература:

1. Пикуров, Н. И. Неоказание помощи больному: квалификация и отграничение от смежных составов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2011.
2. Пискун, А. И. Проблемы квалификации неоказания помощи больному // Вестник Академии. 2011.
3. Пискун, А. И. Проблемы квалификации неоказания помощи больному ун // Вестник Академии. 2011.
4. Горбатова, М. А. Отграничение оставления в опасности от преступлений против жизни // Процессуальные, криминалистические, уголовно-правовые и криминологические проблемы ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в России и Германии: материалы Международного научно-практического форума в рамках Года Германии в России 2012/13, 4–5 апреля 2013 г.
5. Хаврошина, Ю. С. Соотношение статьи 125 УК РФ с иными составами преступлений // // Молодёжь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых

учёных [Электронный ресурс]. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section10.html>.

Наложение ареста на имущество в рамках уголовного процесса

Витковская Евгения Олеговна, следователь
УМВД России по г. Омску

В статье рассматриваются некоторые пробелы правового регулирования института ареста в уголовном судопроизводстве. Автор исследует складывающуюся судебную практику, анализирует проблемы, связанные с конкуренцией норм частного права, выявляет некоторые ключевые особенности правового режима, складывающегося в рамках уголовного судопроизводства и его отличия от залога в любом ином споре.

Ключевые слова: арест, залог, реализация имущества, уголовное судопроизводство, конкурсное производство, банкротство гражданина, исполнительное производство, реализация имущества.

Защита права собственности является одним из приоритетных направлений правовой политики отечественного государства [2]. В рамках уголовного судопроизводства одним из проблемных аспектов в течение некоторого времени является обеспечение имущественных интересов лица, которому нанесен тот или иной ущерб при совершенном преступлении. Необходимо отметить, что не всегда такой человек, который впоследствии становится гражданским истцом в рамках уголовного процесса, совпадает в одном лице с потерпевшим. При этом, в силу ограничения в порядке уголовно-процессуального закона, очень часто подсудимый/ обвиняемый/ подозреваемый лишается возможности возместить имущественный вред. По аналогии с гражданским процессуальным законодательством в законе в качестве гаранта обеспечения имущественных требований закреплено в качестве специальной меры арест в рамках уголовного судопроизводства.

В соответствии с положениями ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] по ходатайству следователя суд в праве наложить на имущество подозреваемого арест, с целью обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска.

Несмотря на закрепление в законодательстве подобной нормы, в то же время, на сегодняшний день остается значительное число вопросов о возможности и порядке ее применения.

Так, в частности, не раскрытым остается вопрос о возможности применения приоритета гражданских интересов над публичными. В порядке ст. 81 УПК РФ вещественные доказательства, изъятые в процессе расследования преступления, как то: предметы, служившие орудием преступления, предметы, на которые были направлены преступные действия и деньги и ценности, полученные в результате совершения преступления подлежат конфискации в пользу государства. При этом, мы допускаем ситуации, когда изъятое в качестве вещественных доказательств имущество может уже находиться под арестом в качестве обеспечения чьих-либо обязательств в пользу

третьих лиц, либо после наложения ареста, такое имущество в ходе расследования оказывается добытым преступным путем либо орудием преступления.

Учеными-процессуалистами ведется активное обсуждение мнения, в соответствии с которым правом на обращение с ходатайством в суд о наложении ареста на имущество наделяется непосредственно сам потерпевший (гражданский истец) [3].

В этой связи следует отметить, что в уголовно-процессуальном законе прямо не установлена обязанность следователя разъяснять потерпевшему (гражданскому истцу) право на обращение последнего с данным ходатайством. Потерпевший (гражданский истец) в целом имеют право заявлять ходатайства и отводы в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 42 и п. 4 ч. 4 ст. 44 УПК РФ. Одновременно озвученное выше мнение И. С. Дикарева не соответствует требованиям ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Поэтому, если имущественные права потерпевшего (гражданского истца) были нарушены, и он желает их защитить, ему необходимо обратиться к следователю с ходатайством о наложении ареста на имущество лица, несущего материальную ответственность за причиненный в результате преступления вред. Заявленное ходатайство рассматривается и разрешается в соответствии с гл. 15 УПК РФ.

Формально правовой режим ареста в уголовном судопроизводстве сопоставим с залогом в гражданско-правовых отношениях. Тем не менее, существуют существенные различия. В то же время, неоднократно при обращении граждан в суды общей юрисдикции с имущественными требованиями к подсудимому, в отношении которого наложен арест, суды отказывали в рассмотрении вопроса о принятии обеспечительных мер, в то время как определяли необходимость рассмотрения данного вопроса в уголовном деле. Несмотря на то, что правовой режим залога не запрещает возможность двойного залога одного имущества, суды не допускают конкуренцию ареста в уголовном процессе и гражданско-правовом споре.

В то же время, при обращении с виндикационным требованием на имущество, на которое наложен арест в рамках уголовного дела, практика складывалась куда интереснее. Несмотря на то, что первая и вторая инстанция требования удовлетворила, арест, наложенный в рамках уголовного судопроизводства сняла и разрешила вопрос по существу, кассация развернула дело обратно и пояснила нижестоящим судам о том, что вопрос о снятии ареста может быть рассмотрен только в уголовном деле в порядке ч. 9 ст. 115 УПК РФ [4].

Судебная практика определения разрешения споров о снятии наложения ареста на имущество складывается разнообразно. Коммерческий банк «Э» обратился в суд с иском заявлением к УВД по субъекту РФ, а также к ЗАО МКД «Е» об освобождении имущества от ареста. В обоснование заявленных требований указывал, что по ходатайству следователя в целях обеспечения гражданских исков был наложен арест на нежилые помещения. Приговором районного суда Ф. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 201 УК РФ, однако вопрос о судьбе арестованного имущества в приговоре не разрешен. Судом первой инстанции исковые требования ОАО «Э» удовлетворены, имущество освобождено от ареста. Тем не менее, рассматривая кассационную жалобу УВД по субъекту РФ, суд вышестоящей инстанции отметил: данная мера процессуального принуждения применяется на период производства по уголовному делу, при этом судом, по смыслу ст. 397 УПК РФ, в порядке разъяснения сомнений и неясностей в стадии исполнения приговора, могут быть приняты судебные решения, в том числе и об отмене мер обеспечения гражданского иска. Поскольку заявленные ОАО «Э» требования о снятии ареста на имущество, наложенного судом в рамках уголовного судопроизводства, подлежат рассмотрению по нормам УПК РФ (ч. 9 ст. 115) — решение суда в рамках гражданского судопроизводства подлежит отмене, а производство по делу — прекращению [5].

Так, постановлением районного суда, вынесенным в рамках рассмотрения уголовного дела, отказано в удовлетворении ходатайства С. об отмене наложенного ареста на автомобиль в связи с возбуждением уголовного дела в отношении Ф. по обвинению в совершении мошеннических действий. Апелляционная инстанция областного суда оставила постановление районного суда без изменения. В кассационной жалобе С. ставил вопрос об отмене состоявшихся судебных решений, указывая, что согласно решению районного суда по гражданскому делу между бывшими супругами произведен раздел совместно нажитого в браке имущества, и за ним признано право собственности на вышеуказанный легковой автомобиль. Президиум, исследовав материалы дела и обсудив доводы, приведенные заявителем С. в жалобе, нашел кассационную жалобу подлежащей частичному удовлетворению. По мнению вышестоящей судебной инстанции, суды не приняли во внимание разъяснения, содержащиеся в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда

СССР от 31 марта 1978 г. № 47. Суд кассационной инстанции посчитал, что данное Постановление Пленума является действующим на территории Российской Федерации и в настоящее время в части, не противоречащей национальному законодательству. В силу этого акта все споры об освобождении имущества от ареста суды рассматривают по правилам искового производства независимо от того, наложен ли арест в порядке применения мер обеспечения иска, обращения взыскания на имущество должника во исполнение решения или приговора суда, наложенного в том числе в рамках предварительного расследования. В связи с вышеизложенным апелляционное постановление областного суда было отменено [6].

Интересным также представляется конкуренция норм уголовно-процессуального законодательства с банкротным регулированием в процессе конкурсного производства должника, когда в отношении него в период расследования уголовного дела начинается процедура банкротства. В порядке ст. 96 Федерального закона «Об исполнительном производстве» с момента введения наблюдения/внешнего управления прекращается производство в отношении должника-банкрота [8]. Также в соответствии с п. 1 ст. 136 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» после введения конкурсного производства прекращается исполнение по исполнительным документам, в том числе по исполнительным документам, исполнявшимся в ходе ранее введенных процедур, применяемых в деле о банкротстве [9]. В рамках этой же нормы снимаются ранее наложенные аресты на имущество должника и иные ограничения распоряжения имуществом должника. Основанием для снятия ареста на имущество должника является решение суда о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Наложение новых арестов на имущество должника и иных ограничений распоряжения имуществом должника не допускается.

В то же время, по мнению Конституционного суда РФ, выраженного в Постановлении № 1-П, ч. 3 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, данные нормы не предполагают наложение ареста на имущество должника, находящегося в процедуре конкурсного производства, либо сохранение ранее наложенного в рамках уголовного судопроизводства ареста на имущество должника после введения данной процедуры для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска в отношении отдельных лиц, являющихся конкурсными кредиторами [10]. Таким образом, можно сделать вывод, что сохранение указанного выше ареста на имущество банкрота, противоречит требованиям действующих норм права в области банкротства, а также правовой позиции конституционного суда. Такая позиция закрепляется обширной судебной практикой. В то же время, закон о банкротстве не презюмирует снятие такого ареста по умолчанию с момента введения процедуры конкурсного производства. Зачастую суды рассматривают ходатайство о снятии ареста с имущества должника с по-

зиции его добросовестного поведения. Открытым также остается вопрос о включении впоследствии в реестр либо удовлетворение в рамках текущих платежей такого потерявшего после вынесения приговора суда, как потерявшего залог и не имеющего иного способа защиты.

Интересным аспектом является также выбор способа защиты в случае несогласия с наложением ареста на имущество должника-банкрота, проходящего в качестве обвиняемого / подсудимого в рамках уголовного дела. Конкуренция норм будет сочетать в себе порядок,

предусмотренный ст. 125 УПК РФ и обжалования в банкротном деле.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует еще достаточное число вопросов, не раскрытых в уголовно-процессуальном законе. Данные пробелы и коллизии связаны в первую очередь с тем, что уголовное и гражданское законодательство до сих пор не систематизированы, а точки соприкосновения, которые на сегодняшний день существуют, все еще не рассмотрены законодателем.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 02.08.2019) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Лодыженская, И. И. Кириллова Н. П. Значение решений Конституционного суда Российской Федерации для законодательного регулирования и практики применения наложения ареста на имущество по уголовным делам // Ленинградский юридический журнал. 2015. с. 197–210.
3. Дикарев, И. С. Проблемы наложения ареста на имущество // Уголовное право. 2009. № 4. с. 81–85.
4. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 15 марта 2017 г. по делу № 33–1717/2017 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Кассационное определение Орловского областного суда от 22 июня 2011 г. по делу № 33–946 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Президиума Рязанского областного суда от 22 ноября 2016 г. по делу № 44У-46/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 6 декабря 2016 г. по делу № 339809/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 17.10.2019) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
9. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 03.07.2019) // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
10. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена» // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
11. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dopustivosti-grazhdansko-pravovogo-osvobozhdeniya-imuschestva-ot-aresta-nalozhennogo-pri-proizvodstve-po-ugolovnomu-delu>

Существенные условия договора международной купли-продажи

Выскарева Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Камалов Олег Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Статья посвящена существенным условиям договора международной купли-продажи. В статье выявлены необходимые условия для признания договора заключенным. Проанализированы положения, содержащиеся в Венской Конвенции и в национальном законодательстве.

Ключевые слова: договор международной купли-продажи, Венская Конвенция 1980 года о договорах международной купли-продажи, условия договора, товар.

С развитием международных отношений немаловажную роль играют вопросы заключения, исполнения и правового регулирования договоров в сфере внешней торговли. Особенность правового регулиро-

вания внешнеторговых сделок заключается в совокупности применения норм национального права, международно-правовых актов и обычаев делового оборота.

Договор международной купли-продажи определяется в международной Конвенции ЮНСИТРАЛ о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (далее — Венская Конвенция), как договор, заключенный между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. Венская Конвенция является одним из приоритетных международных документов, регулирующих договор международной купли-продажи. Главной целью данной Конвенции является устранение барьеров в международной торговле, развитие сотрудничества между странами, увеличение товарооборота.

Применительно к договорам международной купли-продажи товаров на практике нередко встречаются ошибочные суждения относительно того, какие условия договора должны в обязательном порядке в него включаться и какие последствия наступают при невключении тех или иных условий [1, с. 60].

Одним из принципов заключения договоров является автономия воли. Стороны свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (Далее — ГК РФ).

Согласно российскому законодательству договор считается заключенным, если между сторонами договора достигнуто соглашение по всем существенным условиям. Существенным является условие, которому стороны при заключении договора придают такое значение, которое дает все основания говорить о том, что условие относится к самой сути договора [2, с. 80].

Следует отметить, что применительно к договорам международной купли — продажи, квалификация условий в качестве существенных должна осуществляться в соответствии с применимым к договору национальным правом и международными конвенциями [3, с. 47].

В российском законодательстве существенными условиями договора являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (п.1 ст. 432 ГК РФ). Для договора купли-продажи существенными считаются условия, позволяющие определить наименование и количество товара (п. 3 ст. 455 ГК РФ).

Существенными также являются все условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение, даже если такое условие восполнялось бы диспозитивной нормой (абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»).

В Венской Конвенции существенные условия должны быть обозначены в предложении о заключении договора,

которое именуется офертой. Предложение должно быть достаточно определенным, в нем должен быть обозначен товар и прямо или косвенно должны быть установлены количество и цена либо предусмотрен порядок их определения (п. 1 ст. 14).

При этом Венская Конвенция в отличие от ГК РФ содержит нормы по согласованию дополнительных и отличных условий, которые соответственно существенно не меняют условия оферты (п.2 ст. 19), либо существенно изменяют условия оферты (п. 3 ст. 19).

К существенно изменяющим условия оферты относятся условия цены, платежа, качества и количества товара, места и срока поставки, объема ответственности одной из сторон перед другой или разрешение споров (п.3 ст.19 Венской Конвенции).

Предметом договора международной купли-продажи товаров согласно Венской Конвенции и ГК РФ выступает товар, используемый в предпринимательской деятельности не для личного, семейного или домашнего использования.

Условие о товаре считается согласованным, если договор позволяет определить наименование и количество товара (п.3 ст. 455 ГК РФ).

Из положения Венской Конвенции следует, что договор касается товара определенного индивидуальными признаками или неиндивидуализированного товара (ст. 31).

В российском законодательстве товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи (п.1 ст. 455 ГК РФ), как движимые, так и недвижимые (ст. 130 ГК РФ).

Предметом международного договора выступает товар, характеризующийся индивидуальными или родовыми признаками [4, с. 87]. По мнению Розенберга М. Г., предметом договора международной купли-продажи, как правило, являются именно родовые вещи [1].

Следует учитывать, что при недостаточно конкретном определении товара, в частности при указании только родовых признаков, существует риск признания договора незаключенным вследствие несогласования его предмета.

Так, например, при рассмотрении дела № А40-16345/09-25-120 по иску российской организации к германской организации о признании соглашения о продаже материалов незаключенным Арбитражный суд города Москвы признал соглашение незаключенным и удовлетворил иск. Суд установил, что сторонами было заключено соглашение, в соответствии с которым предполагалась поставка ответчиком истцу трех партий материалов: для ремонта кухни, для ремонта ресторана и для покрытия крыши кухни с указанием стоимости за каждую партию товара. Однако, в нарушение положений п.3 ст. 455 ГК РФ в соглашении предмет доставки сторонами не определен: товар в спорном соглашении не поименован и не указано его количество; спорное соглашение, с учетом фактических обстоятельств дела и примененного законодательства, не является акцептом.

Помимо наименования товара, в договоре должно быть определено количество товара.

Из положений Венской Конвенции следует, что при заключении договора международной купли-продажи должно быть прямо или косвенно установлено количество товара. Условие о количестве товара путем установления в договоре порядка его определения может быть согласовано с использованием ставок, коэффициентов, курсов иностранной валюты на дату поставки.

Отсутствие в договоре необходимых показателей для определения количества товара влечёт за собой признание договора незаключенным.

Так, решением Арбитражного суда Калининградской области по делу № А21–2552/2010, оставленным без изменения вышестоящими инстанциями, в удовлетворении исковых требований российской организации к германской компании о взыскании убытков в размере расходов по выполнению контракта купли-продажи товара (шоколадной продукции) и неполученных доходов. Российской организации было отказано в связи с тем, что при заключении контракта стороны не согласовали наименование (ассортимент) и количество поставляемого товара, а также сроки поставки в связи, с чем контракт является незаключенным, наличие причинно-следственной связи между возникшими убытками и незаконными действиями поставщика не доказано.

По мнению Утрина Т. С. чтобы договор считался заключенным, необходимо согласовать как минимум условие о предмете договора и цене товара. Розенберг М. Г. при этом указывал, что уплата за товар определенной денежной суммы (цены) — основная обязанность покупателя по договору международной купли-продажи [1, с. 141].

В соответствии со ст. 14 Венской Конвенции оферта должна содержать условие о цене, которая прямо или косвенно должна быть определена. В случае если в договоре цена прямо или косвенно не установлена или не определен порядок ее определения, считается, что стороны подразумевали ссылку на цену, которая в момент заключения договора обычно взималась за такие товары, продававшиеся при сравнимых обстоятельствах в соответствующей области торговли (ст. 55).

Можно привести следующий пример из решения суда ЕС об определении цены. Итальянская компания и швейцарский производитель часов заключили соглашение, согласно которому первые будут производить и поставлять часовые дисплеи, предназначенные для использования на выставках и других мероприятиях. После доставки товара продавец выставил счет покупателю, но часть цены осталась неоплаченной. Затем продавец подал в суд на покупателя, пытаясь вернуть непогашенную цену плюс проценты. Суд первой инстанции вынес решение в пользу продавца. Покупатель подал апелляцию. Суд согласился с Судом нижестоящей инстанции в том, что цена поставленного товара, хотя и не была прямо установлена сторонами, может быть косвенно определена с учетом переговоров и установившейся между ними практики.

В силу ст. 6 Венской Конвенции, стороны могут отступить от любого из ее положений. Отсутствие в договоре

соглашения о цене следует рассматривать, как договоренность отступить от положения ст. 14 в отношении условия о цене [5, с. 203].

Для договора международной купли-продажи товаров, предметом которого выступает недвижимое имущество, существенным условием договора является цена (ст. 555 ГК РФ). При отсутствии в договоре согласованного сторонами в письменной форме условия о цене недвижимости договор считается не заключенным. Правило определения цены к договорам данного вида, в случае если договором не предусмотрена цена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары (п. 3 ст. 424 ГК РФ), не действует.

В соответствии с российским законодательством, если в ходе переговоров одной из сторон предложено условие о цене, то такое условие является существенным для этого договора. В таком случае отсутствие согласия по условию о цене или порядке ее определения не может быть восполнено по правилу п.3 ст. 424 ГК РФ и договор не считается заключенным до тех пор, пока стороны не согласуют названное условие, или сторона, предложившая условие о цене или заявившая о ее согласовании, не откажется от своего предложения, или такой отказ не будет следовать из поведения указанной стороны (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49).

Между тем, как подметила Сочеева В. Е., для российских и иностранных участников внешнеторговых отношений данный вопрос очень актуален, так как внешнеторговые обязательства, будучи оцененными в иностранных валютах, зависят от их курсов, которые в РФ имеют тенденцию к непрогнозируемым скачкам [5, с. 203].

Стороны обычно согласовывают в договоре и другие необходимые для осуществления поставки условия, такие как сроки поставки, порядок и сроки приемки (осмотра) товара, предъявление претензий при выявлении несоответствия товара требованиям договора и прочие, но Конвенция не относит их к числу обязательных (существенных), и отсутствие в договоре какого-либо из них не влечет по ее правилам признания его незаключенным [6, с. 233].

Условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ) [7, с. 14]. Правила толкования договора судами изложены в ст. 431 ГК РФ, согласно которой: 1) принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений; 2) сопоставление значения условия договора с другими условиями и смыслом договора в целом; 3) выяснения действительной общей воли сторон с учетом цели договора, если применение двух первых правил не позволяет определить содержание договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, обычай.

Литература:

1. Розенберг, М. Г. Международная купля-продажа товаров [Текст]: комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров / М. Г. Розенберг. — М.: Статут, 2010. — 462 с. // СПС Консультант плюс (Дата обращения 05.05.2015 г.). — 247 с.
2. Шмиттгофф, К. М. Экспорт: право и практика международной торговли / Пер. с англ. — М.: Юрид. лит., 1993. — 512 с.
3. Канашевский, А. В. Внешнеэкономические сделки: правовое регулирование / А. В. Канашевский. — М.: Междунар. отношения, 2005. — 300 с.
4. Угрин, Т. С. Договор международной купли-продажи товаров в системе гражданского права Российской Федерации: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Т. С. Угрин — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. — 127 с.
5. Сочеева, В. Е. Цена — как существенное условие договора международной купли-продажи товаров [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 5–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsena-kak-suschestvennoe-uslovie-dogovora-mezhdunarodnoy-kupli-prodazhi-tovarov> (Дата обращения 19.04.2020).
6. Международное частное право: учебник / В. Н. Борисов, Н. В. Власова, Н. Г. Доронина и др.; отв. ред. Н. И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. — 540 с.
7. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 [Текст] // СПС Консультант плюс (Дата обращения 22.04.2020 г.).
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая [Текст]. — Москва: Проспект, 2019. — Ст. 736.
9. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) // <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/sales/cisg/CISG-r.pdf>
10. Путеводитель по договорной работе. Поставка. Рекомендации по заключению договора // СПС Консультант плюс (Дата обращения 25.04.2020 г.). — 203 с.
11. Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 12.12.2011 по делу № А21–2552/2010 [Текст] // СПС Консультант плюс (Дата обращения 26.04.2020 г.).
12. Решение Арбитражного суда Московского округа от 27.04.2010 по делу № А40–16345/09–25–120 [Текст] // СПС Консультант плюс (Дата обращения 26.04.2020 г.).
13. Корт д`апелльский трибунал, Швейцария, 29.02.2016 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.unilex.info/cisg/case/2125>

Ответственность водителя за дорожно-транспортные нарушения: всегда ли виноват водитель?

Ганюшкина Софья Дмитриевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В настоящее время статистика ДТП (в том числе с погибшими и ранеными) ежегодно растет [1]. Это не только связано с тем, что в условиях технического прогресса и развития рыночной экономики растёт число автовладельцев, но и обусловлено сезонами. Так, в летние месяцы 2018 года (июнь, июль, август) на территории Российской Федерации было зарегистрировано 16, 17 и 18 тысяч ДТП соответственно, в них погибли 1916, 1965 и 2041 человек соответственно; пострадали 21 265, 22 380, 21 046 человек соответственно. Самыми «безопасными» месяцами являются февраль, март и апрель: 9647, 10 405 и 10 936 тысяч ДТП, в которых ранения получили 12 278,

10 405 и 10 936 человек, погибли 905, 1011 и 1139 человек соответственно. Такая сезонность объясняется тем, что некоторые водители опасаются управлять автомобилем зимой и ранней весной из-за возможных неблагоприятных погодных условий.

Анализируя эти показатели, законодатель считает, что единственный способ повышения уровня безопасности на дорогах — усиление наказания, предусмотренного законодательством. Примером этого может являться увеличение суммы штрафа для всех правонарушений, введение новых норм, за которые наступает ответственность (например, грязные (нечитаемые) регистрационные знаки),

а также усиление уголовной ответственности за преступления в сфере дорожного движения. Например, федеральным законом от 17.06.2019 № 146-ФЗ ответственность по ч. 4 ст. 264 (нарушение ПДД, повлекшее по неосторожности смерть человека, если лицо, его совершившее, находилось в состоянии алкогольного опьянения или оставило место ДТП) ужесточилась: такое деяние наказывается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права на управление транспортным средством на срок до трёх лет. В редакции Федерального закона от 31.12.2014 № 528-ФЗ ответственность за то же деяние была меньше и заключалась в лишении свободы на срок от двух до семи лет с лишением вышеупомянутого права управления на срок до трёх лет.

Однако, обращаясь к примеру зарубежных стран, можно заметить, что законодатель там не стремится исключительно «наказать сильнее»; наоборот, он стремится устранить причины совершения ДТП. Например, в Японии при росте населения (и одновременном росте числа автовладельцев) количество происшествий не просто статично, но и ежегодно снижается. Такой результат был достигнут ужесточением норм только в определённых аспектах: например, если в ДТП водитель находился в нетрезвом состоянии или не использовал ремни безопасности, или мотоциклетный шлем, или детское удерживающее устройство. При этом факт, кто был виновным в ДТП, не является определяющим [2].

При исследовании проблем профилактики дорожно-транспортных происшествий специалисты всё большее внимание уделяют водителю и его правосознанию, ссылаясь на следующие положения [3]:

механическое транспортное средство — источник повышенной опасности. Беря на себя управление ТС, человек априори должен быть готов к аварийным ситуациям, а также должен уметь их предотвращать;

перед получением права на управление транспортным средством все водители в обязательном порядке проходят обучение в автошколе, где им преподают не только практические знания, но и теоретические. В частности, теоретическая часть экзамена на право управления ТС включает в себя знания не только ПДД (которые полностью отражены в постановлении Правительства № 1090 от 23.10.1993 г.), но и правила безопасности дорожного движения (БДД) (например, действия в случае заноса автомобиля и т. д.). Это, в свою очередь, означает, что водитель всегда подготовлен к различным ситуациям, которые могут произойти на дороге, в отличие от других участников дорожного движения, например пешеходов. Хотя пешеходы и обязаны знать ПДД, на практике пешеход всегда окажется прав, даже если переходил дорогу в неполюженном месте.

Несмотря на это, и в уголовном законодательстве (ст. 268) и в административном (ст. 12.29, 12.30) предусмотрена ответственность пешеходов. В ст. 268 УК РФ и ст. 12.30 КоАП ответственность наступает только в случае наступления общественно опасных последствий (вред здоровью лёгкой или средней тяжести или помеха дорожному дви-

жению — в административном законодательстве; тяжкий вред здоровью или смерть — в уголовном законодательстве). Причём такой вред всегда причиняется опосредованно. Пешеход — всегда пассивный участник движения, и основной вред, который причиняется им, — имущественный. Например, находясь в салоне, пешеход открывает дверь автомобиля, в результате чего проезжающий рядом автомобиль задевает эту дверь. Вина в данном случае будет лежать на пешеходе. У пешеходов нет физических средств, которыми они могли бы причинить вред другим участникам дорожного движения, тогда как все остальные, за исключением водителей, участники дорожного движения (возчик, велосипедист) всё равно будут управлять тем, что так или иначе способно причинить физический вред [4].

Давайте внимательнее рассмотрим ситуации, которые чаще всего происходят на практике с участием пешеходов и водителей, при которых хоть и виноват пешеход, но ответственность будет лежать на водителе.

Пешеход переходит дорогу в неустановленном месте или вне зоны пешеходного перехода, пешеход появляется на дороге либо из-за угла, либо из-за припаркованного автомобиля. Водитель, двигаясь с соблюдением скоростного режима и всех правил дорожного движения, совершает наезд на пешехода. Учитывая реалии российского правоприменения, вина будет возложена на водителя, как на человека, управляющего источником повышенной опасности. К счастью, в данных случаях никто не пострадал, так как в первом случае водитель успел заметить ребёнка, а во втором — скорость автомобиля была слишком низкой, чтобы причинить какой-либо ущерб.

Учитывая тот факт, что организм ребёнка ещё только формируется, является «хрупким», логично, что в одной и той же ситуации причинить ребёнку более тяжкий вред в сравнении со взрослым намного легче.

Именно поэтому в большей степени именно несовершеннолетним причиняется тяжкий вред здоровью или смерть, в результате чего ответственность несёт именно водитель. Но всегда ли виноват водитель, всегда ли он должен подлежать уголовной ответственности? Этот вопрос и следует рассмотреть далее.

Интересной представляется зарубежная практика в сфере преступлений в связи с нарушением правил дорожного движения, а именно — позиция Верховного Суда Украины, которая впервые отразилась в решении, вступившем в силу 26 ноября 2019 г. [5]. Рассмотрение дела длилось 4 года, в результате чего ВСУ пришёл к беспрецедентному решению. Фабула дела заключалась в следующем: водитель автомобиля TLC 200 двигался по улице N., приближаясь к перекрёстку, на котором был пешеходный переход. Водитель продолжил движение на разрешающий сигнал светофора со скоростью, не превышающей допустимую. Однако на проезжую часть выбежал пешеход, который нарушил правила дорожного движения и не убедился в безопасности для себя и других участников дорожного движения. В результате водитель автомобиля совершил наезд на пешехода.

Судом установлено, что водитель не имел технической возможности остановить транспортное средство. При этом так как пешеходом были получены телесные повреждения, то водитель всё же подлежал административной ответственности, но не уголовной — именно потому, что суд установил отсутствие возможности у водителя предпринять необходимые меры для избежания ДТП.

Примечательно, что суд удовлетворил гражданский иск в пользу владельца ТС, который требовал возмещения понесенного материального ущерба, выявившегося в ходе ремонта автомобиля (порядка 100 тыс. грн ≈ 268 тыс. руб.). То есть ВСУ признал, что пешеход не всегда прав. Какое значение это имеет для уголовного права?

Как отмечают украинские юристы, такая позиция ВСУ даст возможность водителю быть защищённым в ходе су-

дебного разбирательства, когда ДТП (даже в случае причинения тяжких повреждений или смерти) произошло по вине пешехода. Исходя из ПДД, пешеходы являются полноправными участниками дорожного движения, поэтому нельзя говорить, что у них отсутствует обязанности.

Сотрудники патрульной полиции считают [6], что можно смело говорить о том, что пешеходы впредь будут намного внимательнее, так как возможная материальная ответственность может заставить их быть внимательнее. Также пешеходов к выполнению ПДД может подтолкнуть и тот факт, что они сами могут быть привлечены к уголовной ответственности в случае, если по их вине водитель попал в другое ДТП. Например, когда водитель ТС уклонялся от столкновения с пешеходом и в результате врезался в другой автомобиль (столб, ограждение и т. д.).

Литература:

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения. Официальный сайт Госавтоинспекции Российской Федерации. URL: <http://stat.gibdd.ru/>
2. Дунаева, О. Н., Полякова С. В. Современные международные тенденции обеспечения безопасности дорожного движения и их реализация на примере Китая и Японии // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 1 (24). с. 156–163.
3. Коваленко, К. Е. Современные подходы к изучению правового сознания водителей автотранспортных средств // Известия АлтГУ. 2018. № 6 (104), с. 27–30.
4. Петров, С. А. Аварийная ситуация, созданная пассажиром или пешеходом, как условие совершения транспортного преступления // Закон и право. 2019. № 8, с. 83–86.
5. Дело № 296/2509/16-ц // Единий державний реєстр судових рішень// URL: <http://reyestr.court.gov.ua/Review/85836172>
6. Панченко, А. Попал под машину — плати: пешеходов заставят оплачивать ремонт авто, которое их сбило. // «Сегодня» от 10.12.2019 // URL: <https://www.segodnya.ua/ukraine/popal-pod-avtomobil-plati-verhovnyy-sud-razreshil-vzyskivat-dengi-na-remont-avtomobiley-s-peshehodov-okazavshih-sya-pod-kolesami-1372570.html> (Дата обращения: 26.02.2020)

Роль суда при реализации примирительных процедур в гражданском процессе

Гелиева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент;
Каминская Кристина Вячеславовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье анализируется место и роль суда в вопросах примирения сторон в гражданском процессе, а также поднимается вопрос о необходимости выделения отдельной стадии гражданского процесса — примирительное производство.

Ключевые слова: гражданский процесс, примирительные процедуры, мировое соглашение, примирение сторон, роль суда.

The role of the court in conciliation in civil proceedings

The article analyses the place and role of the court in matters of reconciliation of the parties in the civil process, and also raises the question of the need to allocate a separate stage of the civil process — conciliation proceedings.

Keywords: civil litigation, conciliation proceedings, amicable agreement, reconciliation of the parties, role of court.

В настоящее время нельзя недооценивать значение альтернативных способов урегулирования правовых

споров в отечественной правовой системе. Гражданское судопроизводство не является исключением, так как

именно суды общей юрисдикции наиболее загружены рассмотрением споров, которые в результате применения примирительных процедур могут быть окончены мировым соглашением.

Однако в правовой действительности немногие прибегают к разрешению правового спора с использованием альтернативных способов, так как правовая грамотность населения является в настоящий момент недостаточной для разрешения указанной проблемы.

В связи с этим суды играют особую роль в повышении качества и эффективности использования примирительных процедур при разрешении гражданско-правовых споров.

Федеральным законом от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Гражданский процессуальный кодекс РФ [4] (Далее — ГПК РФ) была введена гл. 14.1. «Примирительные процедуры», которая внесла значительные изменения в процессуальное законодательство, закрепив возможность реализовать сторонам и третьим лицам в гражданском процессе их конституционное право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Дискуссии о необходимости данных нововведений в науке гражданского процесса велись давно. Однако вопросу роли суда при реализации примирительных процедур как в теории, так и в практике гражданского процесса уделено достаточно мало внимания.

В соответствии со ст. 153.3 ГПК РФ примирительными процедурами в гражданском процессе являются: переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение и другие примирительные процедуры, не противоречащие федеральному закону. Указанные примирительные процедуры, согласно закону, применяются на всех стадиях гражданского судопроизводства.

Так, «право заключения мирового соглашения — исключительная компетенция сторон, однако и суд должен проявлять инициативу в примирении сторон и выяснять о наличии возможности разрешения дела миром на всех стадиях разрешения дела» [2].

Таким образом, особая роль при примирении сторон отведена судье, который должен применять необходимые меры для примирения сторон, содействовать им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства.

В соответствии со ст. 153.2 ГПК РФ суд предлагает провести примирительную процедуру, выражая это в форме определения о принятии искового заявления к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству или в ином определении по делу, а также в устной форме.

К полномочиям суда при реализации сторонами возможности использования примирительных процедур также относится объявление перерыва судебного заседания и отложение судебного разбирательства по делу в порядке, предусмотренном процессуальным законода-

тельством, при этом суд предлагает сторонам использовать примирительную процедуру, в том числе с участием судебного примирителя.

В то же время процессуальный закон не раскрывает пределы полномочий суда, а также не содержит конкретных рекомендаций по вопросу содействия сторонам в урегулировании спора путем применения примирительных процедур.

Данное обстоятельство является упущением со стороны законодателя, ведь эффективность применения примирительных процедур зависит от того, насколько сторонам подробно и четко были разъяснены условия и порядок реализации данного права, их существенные условия, а также их правовые последствия.

Таким образом, нельзя говорить о том, что суду достаточно указанных выше полномочий для эффективного содействия сторонам в урегулировании спора.

В. В. Блажеев придерживается позиции, что «судья, создавая необходимые условия для примирения сторон, выступает в качестве посредника» [1].

Т. В. Сахнова считает, что «в идеале суд в гражданском процессе должен быть заинтересован в поиске «мирного» разрешения спора, в стимулировании сторон к такому поиску» [3]. Данная позиция видится достаточно обоснованной.

В то же время, в силу состязательности гражданского процесса, судья не должен принуждать стороны на урегулирование конфликта мирным путём. Судья должен оставаться в роли беспристрастного и независимого посредника, консультанта, давая возможность сторонам понять тонкости применения и преимущества примирительных процедур в судебном процессе.

Именно поэтому необходимо четко определить место и роль суда при реализации примирительных процедур в гражданском процессе путем законодательного закрепления для суда обязательных условий и пределов содействия сторонам в их волеизъявлении.

Это содействие может выражаться не только в разъяснении сторонам условий урегулирования правового спора, но и в оказании помощи в выборе наиболее приемлемого способа примирения, разъяснении существенных условий и юридической силы мирового соглашения, пояснении допустимых условий распределения судебных расходов в случае окончания дела мировым соглашением, а также последствий применения примирительных процедур для сторон.

Такие разъяснения особенно важны в гражданском процессе, где спорящие стороны обычно не имеют юридического образования. Поэтому необходимо, чтобы судья не только предложил сторонам воспользоваться примирительными процедурами, но и эффективно содействовал в их реализации.

В то же время необходимо, чтобы действия судьи не расценивались сторонами с позиции его пристрастия к разрешению конфликта в пользу какой-либо стороны, следовательно, судья должен субъективно относиться

к действиям участников судопроизводства и быть предельно аккуратным в своих высказываниях, так как любая фраза судьи может быть неправильно истолкована сторонами и повлечь за собой отвод судьи или же подачу жалобы.

Поэтому эффективность применения примирительных процедур в гражданском судопроизводстве во многом зависит от действий судьи, его профессионализма, компетенции, личных качеств, а также мотивации на примирение сторон.

Для этой цели видится необходимым выделить отдельную стадию процесса — примирительное производство. Существование данной стадии позволит максимально помочь сторонам прийти к разрешению

конфликта, а также позволит детально регламентировать действия судьи на данном этапе.

Необходимо отметить, что введение данной стадии в качестве обязательной для всех категорий дел гражданского судопроизводства поможет сэкономить время суда и сторон в случае положительного результата применения примирительных процедур, тем самым увеличив эффективность судопроизводства, а также повысив доверие граждан к суду и к применению примирительных процедур в гражданском судопроизводстве.

Таким образом, суд занимает значительное место при реализации примирительных процедур в гражданском процессе, являясь беспристрастным посредником в урегулировании спора между сторонами.

Литература:

1. Блажеев, В. В. К вопросу о роли арбитражного в механизме судебной защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов // Юридический мир. — 2011. — № 3;
2. Курбанов, Р. А. Гражданское процессуальное право: учебник / Курбанов Р. А., Гуреев В. А., ред. — Москва: Проспект. — 2016. — с. 400;
3. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, — 2014. — с. 784.
4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020)//Собрание законодательства РФ от 18.11.2002, N 46, ст. 4532.

Уголовно-правовые аспекты защиты авторских и смежных прав в российском законодательстве

Гуляева Инна Валентиновна, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

Данная статья посвящена защите авторских и смежных прав в российском уголовном праве. Проводится анализ уголовно-правовой нормы, раскрывается состав преступления, а также анализ литературы по изучаемой теме. В завершении исследования были сделаны выводы, отражающие все выявленные проблемы, существующие в настоящее время.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, смежные права, субъективная сторона преступления, объективная сторона преступления, Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации.

Criminal law aspects of copyright and related rights protection in Russian legislation

Guljaeva Inna Valentinovna, student
Ugra State University (Khanty-Mansiysk)

This article is dedicated to the protection of copyright and related rights in Russian criminal law. An analysis of the criminal law is carried out, the composition of the crime is revealed, as well as the analysis of literature on the topic under study. The study concluded that reflected all the problems identified.

Keywords: intellectual property, copyright, related rights, the subjective side of the crime, the objective side of the crime, the Criminal Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation.

Интелектуальная собственность — один из показателей научной составляющей любой организации.

Как и любой объект находящийся под защитой государства, результаты интеллектуальной деятельности охраня-

ются законом. Права на интеллектуальную собственность регулируются частью IV Гражданского Кодекса Российской Федерации. Тем не менее результаты интеллектуальной деятельности являются объектом посягательства.

Согласно Конституции Российской Федерации (ч. 1, ст. 44) «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом» [1].

Нарушение авторских смежных прав в современной России считается столь серьезным нарушением закона, что за него, кроме гражданской ответственности предусмотрена административная и уголовная. Таким образом, государство обоснованно встало на путь защиты лиц, создающих свои произведения трудом и талантом [2, 66].

Одним из таких посягательств является нарушение авторских и смежных прав. Санкции за это посягательство предусмотрены статьей 146 Уголовного кодекса Российской Федерации [3]. Следует обратить внимание, что потерпевшим в данном случае является не просто физическое лицо, а автор или иной правообладатель.

Автор — это физическое лицо, творческим трудом которого создано какое-либо произведение. Иным правообладателем — признается физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с законом является обладателем авторских прав (на основании договора, наследства и т. д.).

Но следует учитывать тот факт, что авторское право распространяется как на обнародованные, так и на необнародованные произведения науки, литературы и искусства, вне зависимости от их объективной формы. Защита авторских прав не требует регистрации произведения или соблюдения каких-либо формальностей.

Стоит учитывать тот факт, что авторские права не распространяются на идеи, принципы, методы и процессы, а также решения технических и организационных задач, языки программирования, но по желанию автора в рамках статьи 1262 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], могут быть зарегистрированы в качестве программы для ЭВМ или базы данных.

Конструктивно ст. 146 УК РФ включает в себя три части. «Первая предусматривает ответственность за присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю. Вторая — незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозку, контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенных в крупном размере. Третья часть включает в себя квалифицированный состав ранее описанных деяний, т. е. совершенные с группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в особо крупном размере, лицом с использованием своего служебного положения [5, 23]».

Пленум Верховного суда Российской Федерации в Постановлении № 14 от 26.04.2007 г. раскрывает объективную сторону следующим образом: «совершение преступлений

путем присвоения авторства состоит в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем произведение, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени» [6].

Как было сказано ранее, ч. 1 ст. 146 УК РФ выражается в деянии в виде присвоения авторства (плагиат). Плагиат — это перевыпуск произведения, без внесения каких-либо корректив, другого автора, под своим именем. Плагиатом также считается как перевыпуск полного текста произведения, так и его части, а также опубликование произведения в соавторстве, без указания имен соавторов. Считается оконченным с момента причинения материального ущерба.

Согласно статье 1258 ГК РФ соавтором признаются граждане создавшие произведения совместным творческим трудом, независимо от того, образует ли такое произведение неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение.

По сути, ч. 1 ст. 146 УК РФ выведена из массового применения. Действительно, судам гораздо проще подсчитать материальный ущерб, имеющий фактическое значение и подтвержденное документами, чем искать свидетелей, которые прослушав некачественную запись, изменили свое мнение об авторе произведения [2, 66].

Обращая внимание на ч. 2 ст. 146 УК РФ, следует заметить, что санкция данной части предусматривает уголовную ответственность за незаконное использование авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение и т. д. Все перечисленные деяния образуют объективную сторону состава преступления. В данном случае под незаконным использованием подразумевается распространение или воспроизведение предмета авторского права без согласия автора или иного правообладателя. Состав материальный, считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий.

Согласно п.4 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14, незаконным по смыслу ст. 146 УК РФ следует считать умышленное использование объектов авторских и смежных прав, осуществляемое в нарушение положений действующего законодательства Российской Федерации, которым регулируются отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства и т. д.

Исходя из этого следует сделать вывод о том, что норма, является актуальной с теоретической точки зрения, так как она основана на фундаментальных понятиях авторского права, объективная сторона охватывает возможные варианты гипотетически совершенного преступного деяния, размер причиненного ущерба, оцененный в сумму более 100 тыс. рублей, реален и фактически применим.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-го возраста, за исключением деяний, совершенных по ч. 3

ст. 146 УК РФ, где имеет место быть квалифицированный состав преступления — совершенное лицом с использованием своего служебного положения (специальный субъект).

Следует обратить внимание на судебную практику по совершенным преступлениям данной направленности. За сравнительно короткий период существования данной уголовно-правовой нормы в целом появилось не мало судебной практики, и части вторая и третья являются на то примером [7, 84]. В большинстве дел рассматриваются случаи использования программного обеспечения без разрешения правообладателя, с последующим распространением.

Таким образом, современное уголовное право имеет пробелы в защите объектов интеллектуальной собственности, так как законодательство в этой области несовершенно. Теоретически данная норма в уголовном законодательстве существует благодаря гражданскому законодательству, так как посяательства уголовной направленности имеют место быть. Основываясь на судебную практику, следует сделать вывод о том, что наиболее выражена данная норма частями второй и третьей, в тоже время как первая часть не представлена вовсе, что также подтверждает, тот факт, что уголовное законодательство имеет пробелы в данном вопросе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.4665688822621541#026858724956589386> (Дата обращения: 27.11.2019)
2. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности за нарушение авторских прав / А. А. Ценер // Вестник науки и образования, 2016. № 2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-ugolovno-pravovoy-otvetstvennosti-za-narushenie-avtorskih-prav/viewer> (Дата обращения: 29.11.2019)
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. 04.11.2019) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=336788&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7866493137481052#09776956015654255> (Далее — УК РФ) (Дата обращения: 27.11.2019)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=329334&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.9133755383666551#05570453557915076> (Далее — ГК РФ) (Дата обращения: 27.11.2019)
5. Актуальные проблемы реализации уголовно-правовой защиты авторских и смежных прав: новое время авторства / А. И. Золотов, Л. В. Столбина // Актуальные проблемы частного и публичного права, 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-realizatsii-ugolovno-pravovoy-zaschity-avtorskih-i-smezhnyh-prav-novoe-vremya-avtorstva/viewer> (Дата обращения: 28.11.2019)
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68054/ (Дата обращения: 29.11.2019)
7. Присвоение авторства (плагиат) как основание уголовной ответственности часть 1 ст. 146 УК РФ / Р. В. Прилукин, М. В. Кубышко // Вестник Московского университета МВД России, 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prisvoenie-avtorstva-plagiat-kak-osnovanie-ugolovnoy-otvetstvennosti-chast-1-st-146-uk-rf/viewer> (Дата обращения: 30.11.2019)

Ситуалогическая экспертиза по делам, связанным с применением огнестрельного оружия

Елисанов Евгений Андреевич, студент
Челябинский государственный университет

Существует несколько видов экспертиз в криминалистике. Подробно остановимся на проведении судебно-баллистического ситуационного исследования. Следует отметить, что, исходя из современной практики следователи и судьи районных судов, в данном исследовании, особенно когда необходимо провести параллельную экспертизу биологических

и небиологических объектов (например, живых, одежды и других неорганических преград), целесообразно используют одновременно специалистов в области судебной баллистики, судебной медицины и других наук, а также специалистов по физико-химическим исследованиям. Все это заставляет говорить о появлении особого вида экспертизы-комплексной судебно-медицинской баллистической ситуалогической экспертизы.

Нецелесообразно проводить при необходимости несколько отдельных ситуационных исследований указанных выше разнородных объектов в одном случае, так как в большинстве случаев это приводит к их повторному обширному исследованию.

Актуальность подобных исследований во многом обусловлена тем, что принцип конкуренции был в полной мере реализован в действующем российском уголовном праве.

Ключевые слова: баллистика, ситуалогическая экспертиза, огнестрельное оружие.

Ситуалогическая криминалистика имеет очень широкий спектр объектов исследования. Среди его объектов следует выделить: «вещественные доказательства (огнестрельное оружие или аналогичные предметы; патроны и предметы их снаряжения, найденные на месте происшествия или изъятые у подозреваемого, других участников происшествия; предполагаемые орудия нанесения телесных повреждений; транспортные средства; предметы обстановки места происшествия; предметы одежды участников события и др.); материалы уголовного дела (протоколы следственных действий), образцы для сравнительного исследования, материалы и выводы ранее проведенных судебно-медицинских и криминалистических (автомобильных, трасологических, баллистических, взрывных и других) экспертиз, образцы, копии и объективные модели следов; живые лица-фактические участники изучаемых событий и статисты, участвующие в реконструкции обстоятельств, имеющих отношение к анализу ситуации. [1]

Объектами данной экспертизы, помимо материальных носителей информации о фактах и событиях, являются обстоятельства и условия происшествия, однако следует отметить, что большинство этих объектов являются объектами других общепризнанных судебных экспертиз.

Так, при «установлении возможности выстрела в конкретной ситуации реконструируемым объектом является конкретная ситуация на месте происшествия именно в момент выстрела, а реконструируемыми-обстоятельства выстрела, установленные при осмотре места происшествия в результате судебно-баллистических и криминалистических экспертиз (вид, модель оружия, направление, дальность выстрела и др.).).

Предметом ситуационной экспертизы является «разрешение с помощью специальных приемов экспертных задач, основанных на изучении материальных носителей информации для установления обстоятельств конкретного события, факта, а также возможности наступления последствий определенных действий в конкретных условиях».

Одна из главных задач, которую позволяет решать ситуационная экспертиза, — это установление возможных вариантов или установление истинной динамики тех или иных событий. [2]

При проведении ситуационной баллистической экспертизы « ставятся задачи, направленные на установление:

- 1) возможности выстрела из огнестрельного оружия без нажатия на спусковой крючок при определенных условиях;
- 2) расстояния, направления и места выстрела;
- 3) взаимного положения стрелка и потерпевшего в момент выстрела;
- 4) последовательности и количества выстрелов;
- 5) возможности причинения огнестрельных повреждений в конкретной ситуации и условиях. «Проведение баллистических ситуационных экспертиз, особенно если необходимо проводить параллельные исследования биологических и небиологических объектов повреждения (трупов, живых лиц, одежды и других небиологических барьеров), должно быть поручено одновременно экспертам в области судебной баллистики, судебной медицины, а зачастую и экспертам в области физико-химических исследований. [3]

При назначении ситуационной баллистической экспертизы следователь обязан предоставить эксперту объективно зафиксированную информацию о ситуации, отражающую динамику исследуемого события (протоколы исследования места происшествия, исследовательские действия по моделированию обстоятельств и обстоятельств причинения вреда здоровью — протоколы исследовательских экспериментов, проверка показаний на месте, фото-таблицы, видеозаписи исследовательских действий), а также сведения о травмах (их количестве, месте нахождения, характере и индивидуальных особенностях), изложенные в экспертных заключениях по предыдущим судебно-медицинским исследованиям.

Поэтому при назначении ситуационного исследования особое значение имеют проблемы качества предоставляемых эксперту материалов. Протоколы следственных действий (допросы, проверка свидетелей на месте, исследовательские эксперименты) требуют детального выяснения обстоятельств произошедшего; хранение вещественных доказательств до их предоставления эксперту должно осуществляться в условиях, исключающих утрату информативного значения доказательств их преступления. [4]

Следует отметить, что протоколы исследовательских действий были предоставлены исследователем в распо-

ряжение эксперта низкого качества. Зачастую описание объектов обследования дается излишне лаконично, в результате чего теряется значительная часть отражения ситуации на месте осмотра.

В настоящее время широко распространено ситуационное расследование с целью проверки версий о возможности убийства или неосторожной смерти.

В заключение можно констатировать следующие характеристики ситуации в области исследования: природа заключается в том, что в большинстве случаев это сложная область исследования, при реализации которой необходимо учитывать результаты исследования применительно к расследованию ситуации на месте происшествия, а также обстоятельства субъекта, которые непосредственно связаны с предметом доказывания; она отличается тем, что имеет сложный и многоэтапный характер задач, которые должны быть решены, что определяется специфическими особенностями субъектов, то есть событиями с более чем одной составляющей события; и проводимые, на основании результатов расследования и суда, предлагаемые варианты реализации результатов осмотра места происшествия должны быть использованы, а в большинстве случаев, при проведении других исследований, в том числе и при проведении экспериментального исследования, будут учитываться выводы экспертов предыдущих судебно-медицинских экспертиз; понятия «ситуационная экспертиза» и «ситуационно-экспертное исследование» не тождественны, последнее по существу является бредером.

При проведении ситуационного расследования специалисты исследуют определенные ситуации, представляющие собой совокупность фактов, утверждений (информации, которая не всегда носит объективный характер) и данных о состоянии объекта. [5]

Конкретная ситуация представлена исследователем (дознавателем), который поручил это исследование. В ходе изучения обстановки в последующем и представленных объектов эксперт делает выводы относительно установления механизма совершения преступления, его отдельных элементов. Предметом исследования являются

макет места происшествия, а также другие вещественные доказательства.

В связи с возможностью решения задач, связанных с возможностью подтверждения или исключения причинения вреда здоровью при определенных условиях, возникает потребность в ситуационной экспертизе как в предварительном ходе уголовного судопроизводства, так и в ходе судебного разбирательства.

Тем не менее следует отметить, что возможности ситуационной экспертизы не всегда эффективно используются.

При расследовании убийств, совершенных по заказу, положительные результаты получаются от использования возможностей комплексных уголовно-судебных экспертиз. Такие исследования позволяют точно судить о ситуации на месте происшествия и действиях преступников в момент совершения преступления.

На основании заключения эксперта и путем сопоставления с результатами осмотра места происшествия и показаниями свидетелей необходимо смоделировать картину события в динамике его развития и установить всех лиц, участвовавших или присутствовавших при преступном деянии, а также попытаться определить роль и степень вины каждого из них.

Подводя итог, можно отметить следующие особенности ситуационной баллистической экспертизы: по своему характеру в большинстве случаев это комплексная судебно-медицинская экспертиза; при ее проведении должны учитываться результаты следственных действий, связанных с исследованием обстановки места происшествия; ее предметом являются обстоятельства, непосредственно связанные с предметом доказывания; отличается сложный и многоступенчатый характер решаемых задач, определяемый специфическими особенностями объектов исследования, которые являются многокомпонентными событиями происшествия; проводится на основании версий, выдвинутых следствием и судом; при его проведении используются результаты осмотра места происшествия, а также в большинстве случаев других следственных действий, в том числе следственного эксперимента, учитываются заключения экспертов по предыдущим судебно-медицинским экспертизам.

Литература:

1. Современные методы установления дистанции (расстояния) выстрела // Экспертная техника. — 12018 — Вып. 100.
2. Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы. — Вып. 3 и 4. — М., 2016.
3. Корма, В. А. Использование современных возможностей судебной баллистики при расследовании преступлений. — Волгоград, 2015.
4. Светличный, А. А. Значение судебно-баллистической экспертизы при расследовании убийств по найму // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2016. № 4–2. с. 361.
5. Блинникова, Е. Б. Использование возможностей судебной ситуационной экспертизы // Вестник Томского педагогического университета. 2012. № 12. с. 149.
6. Хмелева, А. В. Использование результатов исследования следов выстрела в следственной практике // Евразийский юридический журнал. 2015. № 12. с. 27

К вопросу об особенностях профессиограммы следователя в Российской Федерации

Елькина Алена Сергеевна, студент
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

Вынесение справедливого судебного решения во многом зависит от качества проведенного предварительного расследования, ведь именно следователь уполномочен выносить решение о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству. Очевидно, эффективное раскрытие преступлений возможно лишь в случае компетентности следователя и других лиц, участвующих в процессе расследования. Неоспоримая важность данного факта обуславливает необходимость составления профессиограммы следователя, а также актуальность представленного исследования.

Ключевые слова: профессиограмма, следователь, профессиональные особенности, личностные качества, правоохранительный орган.

Making a fair court decision largely depends on the quality of the preliminary investigation, because it is the investigator who is authorized to make a decision on initiating a criminal case and taking it to production. Obviously, effective disclosure of crimes is possible only if the investigator and other persons involved in the investigation are competent. The undeniable importance of this fact necessitates the compilation of the investigator's professionogram, as well as the relevance of the study.

Keywords: professionogram, investigator, professional features, personal qualities, law enforcement agency.

Под профессиограммой принято понимать совокупность признаков, описывающих определенный вид профессии, а также перечень требований и условий, предъявляемых кандидату на соответствующую должность. Иными словами, профессиограмма служит неким «трафаретом» для отбора работников при появлении вакантного места.

Остановившись более подробно на профессиограмме следователя, необходимо отметить, что она представляет собой сложную иерархическую структуру, в которой все качества личности, психологические особенности работника, навыки и умения должны находиться в тесной взаимосвязи. Это обусловлено тем, что принимаемые следователем решения в процессе профессиональной деятельности, всегда связаны с определенным риском и повышенной ответственностью.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству: «Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу» [1].

Проанализировав Статью 38 Уголовно-Процессуального Кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ), в которой закреплен перечень полномочий следователя, можно характеризовать содержание данной профессии следующим образом: доминирующими видами деятельности выступают: ведение документации по делу; расследование преступлений; организация и проведение следственных действий; кооперация работы иных лиц, участвующих в расследовании; сбор необходимой информации по делу и т. д. Помимо выше указанного, при изучении профессиограммы необходимо обратить внимание на личностные качества работника с точки зрения психологического аспекта, опыта работа в данной сфере,

уровня образования и юридическо-правовых особенностей.

Очевидно, к профессионально важным основным качествам кандидата на должность следователя, независимо от их ведомственной принадлежности, относят: развитое воображение, психологическую выносливость, гибкость и критичность ума, развитое воображение, повышенную наблюдательность, эмоционально-волевую устойчивость, наличие чувства гражданской ответственности и отсутствие деформации правосознания. Общепризнано, что результаты работы сотрудников правоохранительных органов зависят от системности и правильности их правовых установок, так как именно это помогает следователю оценить действительность и принять верное решение, это также помогает лучше осознать перспективы и значимость своей работы [2].

Особенностью требований, предъявляемой к данной профессии, относят их законодательное закрепление. Согласно ФЗ от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О Следственном комитете Российской Федерации», сотрудниками Следственного комитета могут быть граждане Российской Федерации, получившие высшее юридическое образование по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, обладающие необходимыми профессиональными и моральными качествами и способные по состоянию здоровья исполнять возлагаемые на них служебные обязанности [3]. Остановившись на профессиональной подготовке кандидата и получении им высшего юридического образования, отметим, что в Российской Федерации функционирует Академия Следственного Комитета РФ с 2014 года. Главная задача данного учебного учреждения — обучение будущих следователей как базовым юридическим дисциплинам, так и теоретическим и практическим знаниям в области расследования преступлений [4]. Помимо этого, лицензии

на подготовку следователей имеют такие всем известные ВУЗы, как МГЮА и СГАП, а также ведомственные: МВД, ФСБ И ФСИН, некоторые из которых реализуют программы по специальности «Правоохранительная деятельность». [5] Таким образом, будущих следователей готовят гражданские и ведомственные юридические вузы.

В заключении, хотелось бы отметить, что в профессиограмме следователя ведущая роль отведена социальной направленности деятельности, так как именно эта категория способствует корректному отбору кандидатов на должность сотрудника правоохранительного органа.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921
2. Игнатов, С. Д. Требования, предъявляемые к личности следователя // Вестник Удмурдского Университета // Экономика и право, 2014 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trebovaniya-predyavlyayemye-k-lichnosti-sledovatelya/viewer> (дата обращения 20.06.2020)
3. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565 (дата обращения 21.06.2020)
4. Багмет, А. М. Академия Следственного комитета Российской Федерации // Lex Russica // Визитная карточка, № 4 (113) апреля 2016 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akademiya-sledstvennogo-komiteta-rossiyskoj-federatsii/viewer> (дата обращения 22.06.2020)
5. Шишкина, Е. В. Профессиональная подготовка следователей в условиях современной образовательной политики // Российское право ОБРАЗОВАНИЯ ПРАКТИКА НАУКА // Юридическое образование, 2018. № 2 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-podgotovka-sledovateley-v-usloviyah-sovremennoy-obrazovatelnoy-politiki/viewer> (дата обращения 23.06.2020)

Правосубъектность граждан с ограниченной дееспособностью

Жукова Евгения Олеговна, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

В статье автором рассматриваются и анализируются основания для ограничения дееспособности, процессуальные особенности ограничения дееспособности

Ключевые слова: ограниченная дееспособность, правосубъектность, ограничения дееспособности

Институт ограниченной дееспособности связан с основными правами человека. Проблема оценки с точки зрения права этого понятия, с учетом развития гражданских правоотношений как на государственном, так и на мировом уровне, актуальна.

Конституция РФ в части 3 статьи 55 одним из критериев ограничения федеральным законом прав и свобод человека указывает защиту «прав и законных интересов других лиц» [1]. В частности, в статье 30 Гражданского кодекса РФ содержатся такие положения, которые регламентируют основания для ограничения дееспособности граждан [2].

Получить статус ограниченным в дееспособности могут быть как лица, имеющие полную дееспособность, так и лица, имеющие неполную (частичную) дееспособность.

При рассмотрении данной категории дел возникает вопрос о том, что в пункте 4 статьи 26 ГК РФ входит в понятие «достаточные основания». Считаем, что данная формулировка является не совсем точной. Законодатель,

в свою очередь, не раскрыл значения, а Верховный суд РФ не внес какие-либо разъяснения.

К «достаточным основаниям» можно было бы отнести следующие факты:

— такое поведение несовершеннолетнего, ставящее его семью в тяжелое материальное положение;

— неосмотрительность по распоряжению доходами несовершеннолетним;

— расходование денежных средств, которые способствуют ухудшению здоровья (покупка спиртных напитков, наркотических средств, злоупотребление азартными играми).

Также суд может и вовсе лишить несовершеннолетнего права распоряжаться своим заработком и иными доходами. Решение будет зависеть от степени склонности законного распоряжения денежными средствами. Уже на основании решения суда доходы несовершеннолетнего должны будут полностью или частично выдаваться его законным представителям.

Ограничение дееспособности совершеннолетнего гражданина является весьма существенным вторжением в его правовой статус и поэтому допускается законом при наличии серьезных оснований, которые должны быть установлены судом [7].

Поэтому в статье 30 Гражданского кодекса РФ установлены следующие основания для ограничения дееспособности лица [2]:

— злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами: такое употребление, противоречащее интересам семьи, а также приводит к расходам, которые ставят семью в тяжелое материальное положение. Важным моментом является тот факт, что ограничение правоспособности не зависит от признания человека хроническим алкоголиком или наркоманом.

— пристрастие к азартным играм: под этим основанием следует понимать как психологическую зависимость и непреодолимое влечение к игре, которое также характеризуется нарушениями поведения, психического здоровья и благополучия человека, которые проявляются в патологическом влечении к азартным играм, потере контроля над игрой, а также в длительном участии в азартных играх, несмотря на наступление неблагоприятных последствий для материального благополучия членов его семьи.

Разъяснения для вышеуказанных оснований было дано Верховным судом РФ в Постановлении Пленума «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», принятого в июне 2015 года [5].

Также при принятии постановлений, Верховный Суд Российской Федерации исходит из пересмотра сложившейся судебной и коммерческой практики, которая произошла в связи с разъяснением применения пункта 1 статьи 30 ГК РФ. В этом случае были определены некоторые особенности применения этой статьи. В частности, четвертый абзац пункта 17 гласит, что основанием для отказа в удовлетворении иска не может быть факт существования у других членов семьи заработка или другого дохода, если будет установлено, что лицо, которое должно содержать свою семью, но из-за злоупотребления алкоголем, наркотическими веществами, а также пристрастия к азартным играм не оказывает необходимой помощи. Статья 55 Гражданско-процессуального кодекса РФ указывает доказательства, которые необходимо предоставить для подтверждения вышеперечисленных фактов (а именно объяснения сторон, третьих лиц, свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства, экспертные заключения и т. д.) [3].

В связи с возникшими проблемами можно обратиться к наиболее подходящему положению, сформулированному в пункте 2 статьи 36 Гражданского кодекса Украины: «Суд может ограничить гражданскую дееспособность физиче-

ского лица, если оно злоупотребляет спиртными напитками, наркотическими средствами, токсичными веществами, азартными играми и т. п. и тем ставит себя или свою семью, а также других лиц, которых оно по закону обязано содержать, в затруднительное материальное положение» [4].

Также особенности существуют и в подаче искового заявления об ограничении дееспособности лица на вышеуказанных основаниях. В законе [2] перечислен определенный круг лиц, состоящий из членов семьи гражданина, органов опеки и попечительства, наравне с ними и медицинская организация, которая оказывает психиатрическую помощь. Подача иска производится по месту жительства гражданина; но по месту нахождения медицинской организации, если лицо туда помещено.

В случае удовлетворения судом исковых требований истца, то лицо с ограниченной дееспособностью может самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки (п.2 ст.28 ГК РФ) [2]. На совершение остальных сделок (в том числе по распоряжению имуществом), распоряжением своим доходом, гражданину необходимо согласие попечителя. Но такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред. В свою очередь попечитель получает и расходует доходы в интересах подопечного.

Еще одним основанием, указанным в п. 2 ст.30 ГК РФ, для ограничения дееспособности гражданина является психическое расстройство, по причине которого гражданин не может самостоятельно понимать значение своих действий или руководить ими, а только лишь при помощи других лиц [2].

Актуальным является вопрос и об определении того момента, когда гражданин или заинтересованные лица могут подать заявление в суд о восстановлении дееспособности. Для людей, находящихся в стационарных условиях специализированных медицинских учреждений, предполагается освидетельствование, что уже является обеспечением момента для подачи заявления. Однако можно только полагаться на добросовестность опекуна, когда такой гражданин не содержится в медицинском учреждении.

В стране также существует актуальная проблема по созданию единой Всероссийской базы лиц, куда будут внесены сведения о лицах, которые признаны судом недееспособными и ограниченно дееспособными. Многие исследователи поддерживают данную проблему [6].

Подводя итог вышеизложенного, необходимо отметить важность значения института дееспособности граждан. Каждый случай рассмотрения дела об ограничении в дееспособности, восстановлении в дееспособности или признания недееспособным является уникальным, и подлежит тщательному рассмотрению в целях максимально точного установления всех аспектов состояния личности во избежание ошибки и обеспечения прав гражданина.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Российская газета от 25 декабря 1993 года;

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. 5 декабря. № 32. Ст. 3301
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: [в ред. Федерального закона от 01.04.2020 № 98-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Гражданский кодекс Украины. (сайт) URL: <http://meget.kiev.ua/kodeks/grazdanskiy-kodeks> (дата обращения: 17.05.2020);
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
6. Булаевский, Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. // М.: ИЗиСП, 2013. — 240 с.
7. Красавчикова, Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. — Екатеринбург: СГПА, 1998. — с. 65–66.

О некоторых проблемных вопросах организации обеспечения антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел Российской Федерации

Занчурин Эльдар Рашидович, преподаватель

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Домодедово, Московская обл.)

Одним из источников угроз для обеспечения безопасности на современном этапе является деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, которая направлена на подрыв нормального функционирования органов государственной власти, в том числе органов внутренних дел.

Анализ сложившейся обстановки показывает, что объекты органов внутренних дел Российской Федерации остаются в числе объектов повышенной террористической опасности. В целях нарушения функционирования органов внутренних дел, устрашения населения, представители террористических организаций, группировок или отдельные лица совершают террористические акты на объектах территориальных органов МВД России. При этом подобные террористические акты отличает серьезная подготовка, повышенная опасность, а также тяжкие последствия в виде человеческих жертв и материального ущерба (г. Нальчик Кабардино-Балкарской Республики — 2005 г., г. Липецк — 2013 г., г. Красноярск — 2013 г., станция Серноводская Сунженского района Чеченской Республики — 2013 г., село Новоселицкое Новоселицкий район Ставропольского края — 2016 г.).

В аналитических документах МВД России, одними из причин случившегося названы отсутствие на объектах, подвергшихся нападению, специальных планов, с расчетами сил и средств, а при их наличии — формализм при их разработке, недостаточный уровень подготовленности руководящего состава и сотрудников дежурных служб к действиям при нападении, а также слабая инженерно-техническая укрепленность объектов ОВД.

В связи с этим, обеспечение антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел, повышение их инженерно-технической укрепленности является одним из приоритетных направлений в деятельности МВД России.

Антитеррористическая защищенность объекта (территории) — состояние защищенности здания, строения, сооружения, иного объекта, места массового пребывания людей, препятствующее совершению террористического акта.

К основным целям антитеррористической защищенности объектов ОВД целесообразно отнести:

- 1) обеспечение их защиты;
- 2) выявление, устранение и недопущение причин и условий, способствующих совершению террористических актов на них;
- 3) обеспечение готовности руководящего состава и сотрудников к действиям по предупреждению, предотвращению и пресечению террористических актов на объектах территориальных органов МВД России.

В то же время основными задачами обеспечения антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел являются:

- 1) дальнейшее совершенствование нормативного правового регулирования данного направления деятельности;
- 2) определение наиболее вероятных угроз, их предупреждение и минимизация;
- 3) приведение инженерно-технической укрепленности объектов территориальных органов МВД России

в соответствии с требованиями нормативных правовых актов;

4) подготовка руководящего состава и сотрудников к действиям при нападении (угрозе нападения) в ходе учебно-практических мероприятий;

5) постоянный контроль за обеспечением антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел.

В современных условиях повышенное внимание при обеспечении антитеррористической защищенности объектов территориальных органов МВД России, необходимо уделить комплексу инженерно-технических мероприятий, выполняемых заблаговременно по приведению объекта органа внутренних дел в соответствие с требованиями приказа МВД России от 31 декабря 2014 № 1152 «Об обеспечении безопасности объектов органов внутренних дел Российской Федерации от преступных посягательств».

Речь идет о сооружениях и конструкциях, которые препятствуют или затрудняют проникновение (приближение) на объект (ограждение периметра, ворота и входные группы, средства принудительной остановки транспорта), средства досмотра граждан и транспорта, системы видеонаблюдения.

При отражении нападения на объекты органов внутренних дел необходимо активно применять специальные средства и огнестрельное оружие в соответствии с Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

Кроме этого, успешное решение задач по обеспечению антитеррористической защищенности объектов территориальных органов МВД России и при необходимости организации их охраны и обороны при нападении (угрозе нападения) зависит от грамотной организации управления силами и средствами органа внутренних дел, ее устойчивости и скрытности, умелых и слаженных действий личного состава, которые отрабатываются в ходе учебно-практических мероприятий.

Имеющийся практический опыт по обеспечению безопасности объектов органов внутренних дел, как в режиме повседневной деятельности, так и при возникновении чрезвычайных ситуаций показывает, что грамотно организованная система охраны и обороны позволяет органам внутренних дел успешно решать возложенные на них задачи по обеспечению антитеррористической безопасности собственных объектов.

Вместе с тем имеются и проблемные вопросы, среди которых можно выделить следующие:

1. Организация антитеррористической защищенности небольших объектов органов внутренних дел, таких как участковые пункты полиции, территориальные пункты и отделения полиции, которые зачастую находятся в жилых домах или плотной городской застройке. В своей штатной численности они не имеют комендантских подразделений, должностей постовых для обеспе-

чения пропускного режима и досмотровых мероприятий, тем не менее обязаны обеспечить доступ граждан и иных лиц, желающих обратиться в орган внутренних дел с заявлением или сообщением.

2. Организация антитеррористической защищенности объектов органов внутренних дел, не имеющих дежурных служб и систем видеонаблюдения, пропускной режим в которых осуществляется посредством общения через домофон.

3. Инженерно-техническая укрепленность не всех объектов территориальных органов МВД России полностью соответствует требованиям приказа МВД России от 31 декабря 2014 г. № 1152 «Об обеспечении безопасности объектов органов внутренних дел Российской Федерации от преступных посягательств».

4. Результаты инспекторских и контрольных проверок, целевых выездов в территориальные органы внутренних дел и их подчиненные подразделения показывают, что руководящий состав и сотрудники не всегда уверено знают порядок действий и умеют действовать при нападении (угрозе) нападения.

5. Недостаточная бдительность сотрудников дежурных служб территориальных органов МВД России по обеспечению пропускного режима, проведению досмотровых мероприятий и контролю за прилегающей территорией. Учебные тренировки, проводимые сотрудниками подразделений собственной безопасности, показывают, что факты проноса муляжей взрывных устройств на объекты органов внутренних дел по-прежнему возможны.

В условиях имеющихся лимитов штатной численности органов внутренних дел и ограниченных лимитов бюджетных обязательств решение проблемных вопросов видится следующими путями:

1. Проведение анализа необходимых к проведению первоочередных инженерно-технических мероприятий по усилению антитеррористической защищенности объектов, не требующих проведения работ, связанных с проведением капитального ремонта или требующих значительных финансовых затрат.

2. Обеспечение объектов территориальных органов внутренних дел средствами видеонаблюдения и досмотра в зависимости от степени террористической угрозы.

3. Обучение руководящего состава и сотрудников действиям, связанным с отражением нападения (угрозы нападения) на объекты органов внутренних дел в ходе проведения учебно-практических мероприятий, исключая формальный подход к их проведению.

4. Практика проведения внезапных проверок объектов территориальных органов внутренних дел МВД России на предмет бдительности сотрудников дежурных служб (комендантских подразделений) при осуществлении пропускного и досмотрового режимов, контроля за прилегающей территорией.

К вопросу о теневой экономике в регионах и основных мерах противодействия данному явлению

Землянская Анна Сергеевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В условиях глобализации мирового хозяйства теневая экономика приобретает собственную структуру и социально-экономическую системность, что означает и при формировании собственных «законов» и тенденций в развитии. В этой связи теневая экономика в определённой степени является угрозой экономической стабильности и национальной безопасности государства. В связи со сказанным исследование проблем, связанных с теневой экономикой, занимает особое место как в экономической, так и в юридической науке. Это объясняется масштабом и в то же время сложностями в точной оценке названного сектора [3, с. 81].

Термин «теневая экономика» (англ. «shadow economy», «underground economy», «black economy») появился в начале 1970-х гг. для обозначения сокрытия доходов и антиобщественных способов их извлечения. Эксперты в сфере экономики и финансов определяют теневую экономику как экономическую деятельность и полученный от нее доход, которые находятся за пределами системы государственного регулирования, налогообложения или надзора.

По данным информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг» («РБК») [5] Российская Федерация вошла в пятерку крупнейших теневых экономик, заняв четвертое место в рейтинге, куда включены 28 стран. Ее объем составляет 33,6 трлн руб., или 39% от прошлогоднего ВВП страны, отмечается в поступившем в РБК исследовании международной Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров (АССА), посвященном оценке и прогнозу развития глобальной теневой экономики. Показатель теневой экономики в России — один из самых высоких в мире, он почти на 84% выше, чем в среднем по миру. Большой объем экономики в тени лишь у Украины (46% от ВВП, или 1,1 трлн грн), Нигерии (48% ВВП) и Азербайджана (67% ВВП). На пятом месте расположилась Шри-Ланка с показателем 38%.

Приведенные данные свидетельствуют об очень низком уровне эффективности борьбы с обращением теневых капиталов в нашем государстве, что негативно сказывается на финансовом благосостоянии страны, уменьшении объема налогов, при этом несоблюдение законодательства и порядка государственного финансового контроля подрывает стабильность системы государственного регулирования в целом.

Современное российское федеративное устройство Российской Федерации предполагает определённую степень самостоятельности и ответственности отдельных её субъектов в управлении делами на собственной территории. Основным, можно сказать, исходным правилом регулирования тех или иных общественных отношений

на региональном уровне, является соответствие законодательства субъекта федеральным отраслевым законам. Однако, необходимо понимать, что Россия — это крупнейшее по географическому признаку, многонациональное государство. Национальные, геополитические особенности территорий субъектов и проживающего на них населения, расположенных в одиннадцати часовых поясах, различающихся природных и иных условиях, имеющих непосредственное влияние на развитие экономики и финансовых отношений, обуславливают специфические особенности, в том числе и в секторе теневой экономики.

Вопросы проявления теневой экономики и методов её диагностики в Уральском федеральном округе и входящих в него регионах (в том числе, Тюменской области, ЯНАО, ХМАО-Югре) широко освещались научными сотрудниками Уральского федерального университета [4]: первым проректором по экономике и стратегическому развитию Г. А. Агарковым, ведущим научным сотрудником А. А. Куклиным. В своих исследованиях, названные авторы отмечали, что методика выявления и борьбы с теневой экономикой должна учитывать характерный для региона промысел, например, для ЯНАО и ХМАО-Югры — это добыча нефти и газа, для Тюменской области (особенно в южной части) — это сельское хозяйство.

По сводным данным на 2003 год, суммарный по всем секторам деятельности ущерб от теневой в Тюменской области составлял порядка 33,2 млрд. рублей, в ХМАО-Югре 101,8 млрд рублей, в ЯНАО — 64,2 млрд. рублей. В исследованиях 2013 года, учеными отмечалась тенденция к повышению теневой экономики в указанных регионах, однако на современном этапе федеральные эксперты уже призывают регионы использовать опыт Тюменской области по борьбе с теневой экономикой [6], что подтверждается и лидирующей позицией нашего региона по уровню жизни.

Вместе с тем, нельзя отрицать, что проблема по-прежнему существует и необходимость дальнейших теоретических и практических разработок в области борьбы с названным явлением не утратила своей актуальности.

Анализируя существующие теоретические положения, а также результаты работы отечественных и зарубежных экспертов в данной сфере, автор приходит к выводу о том, что приоритет должен быть отдан экономическим мерам по противодействию теневому сектору. Прежде всего, это разрушение инфраструктуры теневой экономики, в частности, масштабной системы перевода средств в неучтенный наличный оборот. В настоящее время в регионах России действуют предприятия, предлагающие услугу по переводу средств из легального оборота в не-

учтенный наличный посредством заключения фиктивных контрактов, операций с векселями. Эти действия являются как следствием несовершенства рыночной инфраструктуры в России, так и не-законопослушности предпринимателей.

При этом, необходимо учитывать, что экономические меры тесно связаны с необходимостью совершенствования законодательной базы. Прежде всего, требуется усовершенствование законодательства, регламентирующего меры по борьбе с коррупцией, ибо её уровень явно свидетельствует о неэффективности действующего регулирования. Следует также совершенствовать налоговое

законодательство в направлении снижения затрат налогоплательщиков и государственных органов на выполнение своих обязанностей.

Значительно сократить теневую экономику через совершенствование законодательной базы, возможно также посредством экспертизы проектов нормативных документов, регулирующих хозяйственную деятельность и налогообложение как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации, на предмет последствий в сфере теневой экономики, такая деятельность должна относиться к функционалу Федеральной налоговой службы и Счетных палат.

Литература:

1. Барсукова, С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ/С. Ю. Барсукова — М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2004.
2. Агарков, Г. А. Теневая экономика региона: моделирование, анализ, противодействие/Г. А. Агарков; под ред. А. И. Татаркина, А. А. Куклина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008.
3. Кизон, Е. А. Соотношение сущности понятий «теневая экономика» и «неформальная экономика» с точки зрения современной практики их применения/Е. А. Кизон, Д. Г. Маслов // Новый университет. — 2012. — № 12 (22). с. 81-86.
4. Куклин, А. А., Агарков Г. А. Теневая экономика региона: особенности проявления и методы диагностики // Экономика региона. 2005. № 1. с. 39-53.
5. РБК: Россия вошла в пятерку стран с крупнейшей теневой экономикой // <https://www.rbc.ru/economics/30/06/2017/595649079a79470e968e7bff> (дата обращения 23.06.2020).
6. Правда УрФО: Федеральные эксперты оценили работу Тюменской области с теневой экономикой // <https://pravdaurfo.ru/news/federalnye-eksperty-ocenili-rabotu-tyumenskoj-oblasti-s-tenevoy-ekonomikoy> (дата обращения 23.06.2020).

Реформа российского законодательства в сфере регистрации прав на недвижимое имущество: от идеи к практике реализации

Игнатов Евгений Анатольевич, студент магистратуры
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Статья посвящена анализу новелл в области государственной регистрации прав на недвижимое имущество, осуществленных в связи с совершенствованием действующего гражданского законодательства, сформулированы идейные основы реформы, установлен проблемно-практический вектор нововведений, и выделены актуальные направления совершенствования регистрационной политики учета и оборота недвижимости в РФ.

Ключевые слова: государственная регистрация прав, недвижимое имущество, реформа законодательства, Единый государственный реестр недвижимости, актуальные проблемы.

Reform of Russian legislation in the field of registration of rights to real estate: from idea to implementation practice

Ignatov Evgeny Anatolyevich, student
Far Eastern Federal University (Vladivostok)

The article is devoted to the analysis of short stories in the field of state registration of rights to real estate carried out in connection with the improvement of existing civil legislation, the ideological foundations of the reform are formulated, the problematic and

practical vector of innovations is established, and the current directions for improving the registration policy for real estate registration and turnover in the Russian Federation are identified.

Keywords: state registration of rights, real estate, reform of legislation, the Unified State Register of Real Estate, current problems.

Актуальность настоящего исследования обусловлена радикальными изменениями российской правовой системы в области государственной регистрации недвижимого имущества и сделок с ним. Поскольку каждому, кто приобретает объекты недвижимости, необходимо пройти процедуру государственной регистрации, то значимость данной темы будет сложно переоценить.

Государственная регистрация является методом государственного регулирования оборота недвижимого имущества путем фиксации сведений о возникновении, изменении, переходе и прекращении права собственности и других вещных прав лица на определенные объекты недвижимости. 2017 год является переломной вехой в области государственной регистрации. Это связано, прежде всего, с тем, что с 1 января 2017 года вступил в силу и начал действовать новый Федеральный закон от 13 июля 2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — новый ФЗ «О государственной регистрации») [1]. Вместе с тем, утратил силу, действовавший с 1998 года Федеральный закон № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [2].

Предпосылками к принятию нового нормативно-правового акта явились следующие события. 18 декабря 2009 года Министерство экономического развития Российской Федерации утвердило концепцию создания единой федеральной системы в сфере государственной регистрации прав на недвижимость и государственного кадастрового учета недвижимости. Это явилось началом реализации ряда мероприятий, направленных на создание и развитие данной системы. Кроме того, в 2013 году Правительство Российской Федерации распоряжением от 28 июня 2013 года утвердило концепцию развития целевой программы и установило период ее реализации с 2014 по 2019 год. И уже в сентябре 2014 года Правительство Российской Федерации в Государственную Думу вносит проект нового Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», в котором предполагается интеграция и аккумулирование двух информационных систем.

В рамках данной реформы были поставлены следующие цели:

- предупредить возможные сложности, возникающие при оформлении сделок с недвижимостью [3];
- интегрировать и аккумулировать две крупнейших информационных системы, содержащие сведения об объектах недвижимости;
- упростить процедуру государственной регистрации, сделать ее в максимальной степени доступной и простой;
- исключить дублирование информации и ликвидировать расхождения данных об одном и том же объекте.

Одним из главных изменений стало объединение Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП) и Государственного кадастра недвижимости (ГКН) в целях упрощения и автоматизации регистрационных действий. Сводом сведений об учтенных объектах недвижимости, который систематизировал сведения двух дублирующих друг друга реестров, стал Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), который теперь ведется в электронном виде. Между тем, такой принцип организации ускоряет процедуру государственной регистрации, в виду того, что отпадает необходимость обращаться и за регистрацией права на объект недвижимости и за кадастровым учетом такого объекта.

ЕГРП и ГКН хоть и функционировали отдельно друг от друга, но в действительности содержали сведения об одних и тех же объектах недвижимости. В рамках мероприятий по развитию и реализации федеральной программы центральной задачей стояло объединить информационную систему, содержащую характеристики объекта недвижимости, в точности вид объекта, кадастровый номер, описание местоположения и др. с системой, содержащей информацию о зарегистрированных правах на такие объекты недвижимости [4]. Такая интеграция двух информационных хранилищ позволила решить одновременно несколько проблем, во-первых, это исключение дублирования информации путем рационализации подхода к хранению сведений о недвижимости и, во-вторых, упрощение процедуры получения информации об объектах недвижимости.

Создание Единого государственного реестра недвижимости предполагает переход на цифровой документооборот и призван заменить письменный правоподтверждающий документ в этой области — выдачу свидетельства о государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Теперь же правоподтверждающим документом выступает выписка из Единого государственного реестра недвижимости. Очевидно, что государственно-правовая политика цифровизации документооборота в РФ призвана упростить порядок, усилить защиту прав заинтересованных лиц. Так, выписка из ЕГРН не только подтверждает факт и сроки нахождения объекта недвижимости в собственности гражданина и прочие сведения на момент ее выдачи, но и помогает избежать получения недостоверной информации об объекте недвижимого имущества. Таким образом, единственным доказательством зарегистрированного права теперь является запись в информационной системе базы данных Единого государственного реестра недвижимости, а не документ на бумажном носителе. Между тем, еще одним преимуществом выписки из ЕГРН явилось то, что ее можно получить посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Реализация другого направления государственно-правовой политики — «принципа единого окна» в сфере государственных и муниципальных услуг, воплощена в тепер и в системе регистрации прав на недвижимость. Так, государственная регистрация прав и государственный кадастровый учет осуществляются одним федеральным органом исполнительной власти — Росреестром. Ранее проверка законности оснований, а также государственная регистрация прав на объекты недвижимости осуществлялась Федеральной кадастровой палатой (ФКП). В настоящее время кадастровая палата функционирует в системе Федеральной службы государственной регистрации и выполняет функции оператора информационной системы ведения ЕГРН, осуществляет прием заявлений, предоставляет выписки из реестра недвижимости, в общем, действует в рамках компетенции Росреестра [5].

Анализ положений новелл регистрационного закона в области учета и регистрации прав на объекты недвижимости позволяет выделить очевидные достоинства.

Во-первых, возможность подачи заявления для осуществления регистрационных действий не только посредством личного обращения, но и через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» на официальном сайте регистрирующего органа или через портал Государственных услуг;

Во-вторых, отсутствие необходимости совершения сделки в отношении недвижимого имущества в месте расположения такого объекта, как это было ранее. В силу положений нового закона совершить сделку можно находясь в любом субъекте Российской Федерации. Мы полагаем, что такое нововведение, действительно упростило процедуру регистрации прав на недвижимость, позволив гражданам сократить время и средства для территориального перемещения в место приобретения имущества и совершения сделки;

В-третьих, сокращение сроков регистрации прав. Ранее для осуществления регистрационных действий требовалось десять рабочих дней со дня приема заявления, по новым правилам регистрация прав занимает семь рабочих дней;

В-четвертых, уменьшение перечня документов, необходимых для регистрации прав. Теперь положения нового федерального закона наделяют Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) обязанностью самостоятельно, в порядке межведомственного взаимодействия, запрашивать у уполномоченных органов учредительные документы юридического лица.

В-пятых, наиболее существенным изменением регистрационного законодательства выступает персональная имущественная ответственность регистратора за добросовестность осуществления действия по внесению сведений о правах заявителей в реестр (отсутствие описок, опечаток и недостоверных сведений)

Таким образом, указанные нововведения действительно упростили процедуру регистрации сделок с недви-

жимостью, а также позволили системе государственной регистрации перейти на более высокий и совершенный уровень развития. Критический анализ норм Федерального закона № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» показал, что смыслом реформирования законодательства в сфере недвижимости было повысить эффективность оборота объектов недвижимого имущества, снизить существенный риск при инвестировании в такие объекты, а также обеспечить стабильность и качество предоставляемых государственных услуг.

Несмотря на большое количество достоинств реформы, которые способствовали улучшению процедуры государственной регистрации, есть и недостатки, проблемы правоприменения, которые неблагоприятно отразились на участниках рынка недвижимого имущества.

Во-первых, значительно возросло число оснований для приостановления государственной регистрации прав. Новый федеральный закон предусматривает пятьдесят один случай для приостановления регистрационных действиях, среди которых есть достаточно спорные основания, не зависящие, на наш взгляд, от заявителя. Например, не представлены документы, запрошенные Росреестром или его территориальными органами, по межведомственным запросам или же поступила информация об отсутствии, запрашиваемых документов [6];

Во-вторых, возросла стоимость оплаты, предоставляемых услуг, если свидетельство выдавалось единожды и входило в стоимость государственной пошлины, то выписка из ЕГРН предоставляется за плату и актуальна только в течение тридцати дней с момента ее получения.

В-третьих, не устранены противоречия в части регистрации прав и сделки, по тексту закона в ряде случаев идет отождествление этих регистрационных действий. Так в ст. 51 № 218-ФЗ посвященной аренде недвижимого имущества, найма жилого помещения, безвозмездного пользования (ссуды) объектом культурного наследия, государственная регистрация аренды недвижимого имущества осуществляется посредством государственной регистрации договора аренды (ч. 1 статьи), а государственная регистрация обременения жилого помещения, возникающего на основании договора найма такого жилого помещения, осуществляется на основании заявления сторон договора (ч. 2 статьи). Как видим, в одном случае обременение (аренда недвижимого имущества) предполагает государственную регистрацию факта-основания — сделки, в другом случае обременение (наем жилого помещения) предполагает государственную регистрацию самого права (обременения). В ст. 46 № 218-ФЗ, посвященной особенностям государственной регистрации прав в отношении единого недвижимого комплекса и предприятия как имущественного комплекса, в ч. 3 статьи речь идет не о государственной регистрации договора купли-продажи предприятия, а о государственной регистрации ограничений прав и обременений всех объектов недвижимости наряду с государственной регистрацией перехода права. Полагаем подобная дифференциация и противоречивость является итогом реформы гражданского

законодательства в части отказа от регистрации сделок с недвижимостью и внесения соответствующих изменений в в основной кодифицированный имущественный акт — ГК РФ, однако убеждены, что законодатель остановился на половине пути своих изменений, не завершил их, и породил споры в правоприменении.

На наш взгляд, концепция создания единой федеральной системы в сфере регистрации недвижимости носит социально-политический характер, поскольку за-

трагивает интересы муниципальных образований, государства, частных и юридических лиц, а также направлена на соблюдение прав и законных интересов добросовестных участников оборота недвижимого имущества. Между тем, несмотря на реформу регистрационного права и принятие нового закона о государственной регистрации недвижимости, последний, с точки зрения цивилистической, и юридико-технической, требует определенной доработки.

Литература:

1. О государственной регистрации недвижимости: федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 25.05.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/
2. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15287/
3. Бадулина, Е.В. Система государственной регистрации недвижимости в России: этапы становления и перспективы развития [Электронный ресурс]/Е.В. Бадулина // Интернет-журнал «Имущественные отношения в Российской Федерации». — 2017. — № 7 (190). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-gosudarstvennoy-registratsii-vedvizhimosti-v-rossii-etapy-stanovleniya-i-perspektivy-razvitiya/viewer>
4. Бадулина, Е.В. Федеральный закон о государственной регистрации недвижимости: предпосылки принятия и некоторые новеллы [Электронный ресурс]/Е.В. Бадулина // Интернет-журнал «Имущественные отношения в Российской Федерации». — 2015. — № 10 (169). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalnyy-zakon-o-gosudarstvennoy-registratsii-vedvizhimosti-predposylki-prinyatiya-i-nekotorye-novelly/viewer>
5. Вылегжанина, В.В. Актуальность и перспективы объединения Единого государственного реестра прав и Государственного кадастра недвижимости в Единый государственный реестр недвижимости [Электронный ресурс]/В.В. Вылегжанина // Интернет-журнал «Интерэкспо Гео-Сибирь». — 2015. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-i-perspektivy-obedineniya-edinogo-gosudarstvennogo-reestra-prav-i-gosudarstvennogo-kadestra-vedvizhimosti-v-edinyy/viewer>

Некоторые особенности принципов адвокатской этики

Калантай Артем Намигович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе рассмотрены основные положения принципов адвокатской этики. Автор в статье выводит общую дефиницию адвокатской этики, приводит основные принципы. В работе подчёркивается необходимость соблюдения принципов адвокатской этики.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская этика, этика, адвокатура.

Some features of principles of lawyer ethics

The paper considers the main provisions of the principles of advocacy ethics. The author in the article derives a general definition of advocacy ethics, gives the basic principles. The work emphasizes the need to comply with the principles of advocacy ethics.

Keywords: lawyer, lawyer ethics, ethics, advocacy.

Под этикой понимается наука о морали, а также учение о нормах морали и нравственности в том виде, в каком они были сформированы в обществе. Следует об-

ратить внимание на то, что этика — это гораздо более богатое по своей сути понятие, чем мораль. Объективно сказанное можно причислить не только к этике, но и любой

другой науке, если сравнивать её с предметом, который изучает данная наука [2].

Этика присуща всем профессиям, в том числе и адвокатуре. Юридическая этика содержит адвокатскую этику как составную часть, которая складывается из системы особых нравственных норм и требований, реализующихся по итогам осуществления адвокатской деятельности.

Если вербализовать понятие «адвокатская этика», то можно утверждать, что она представляет из себя определённую систему представлений, обоснованных научно, о морально-нравственных проблемах деятельности адвоката и их оценок.

Анализируя вопросы этики адвоката, можно сделать заключение о том, что адвокатская этика является отдельным видом профессиональной этики. Специфичность действий для единых норм нравственности в рамках процесса осуществления адвокатом своих функций, связанных с защитой. Причина, почему этика адвоката акцентирует на себе внимание всех членов общества, — это напряженность и неоднозначность коллизий, возникающих в практике адвоката.

В особенности следует отметить, что адвокатская этика представляет собой не правовую науку, а нравственную. В этом случае ей поручено выполнение следующих задач: согласно специфике и требованиям определенной профессии обязательно нужно сформировать конкретные нравственные установки; при выборе способов действий в случае конфликтных ситуаций адвокат должен вооружиться нравственными ориентирами; с целью анализа возможных способов действий, адвокат должен обладать целостным опытом адвокатской практики; все проведённые мероприятия способствуют формированию частных и общих норм адвокатской этики [3].

Вышесказанное свидетельствует о том, что предмет этики адвоката понимается как предписываемое корпоративными правилами должное поведение члена сообщества адвокатов в конкретных случаях. Это случаи, когда нормы права не создают для адвоката определенные правила поведения.

Данную идею можно выразить и немного иным способом: поведение адвоката в тех ситуациях, где он выступает в соответствии с профессиональным долгом и представляет адвокатуру, то есть в ситуациях, когда он принимает участие в любого вида судебном процессе: уголовном, административном, гражданском или арбитражном, а также участвует в качестве представителя самой адвокатуры в государственных, административных и иных аналогичных органах.

В том случае, когда адвокат не имеет обязательства по осуществлению представительных функций, он может руководствоваться теми этическими нормами и правилами, которых придерживается обычный человек.

По представлению самих адвокатов относительно нравственных ориентиров, им следует опираться на принципы, направленные на формирование у представителей профессии конкретных нравственных качеств, к которым

относятся порядочность, добросовестность и этичность, связанные с ведением дел.

Помимо этого, адвокатам необходимо стремиться к вершинам профессионализма и мастерства, развивать самокритичность и скромность, ответственность и принципиальность, щепетильность и умеренность в вопросах гонорара.

Глубокое уважение к закону, интересам правосудия и объективность — нравственные качества адвоката, связанные с его профессиональной деятельностью.

Этическая направленность адвокатской деятельности, при учете ее прагматической части, может быть описана как действующая нормативная система с взаимосогласованными внутренними предписаниями и имеющая свою определённую структуру [1]. По этой причине структура адвокатской этики минимально должна содержать как частные, так и общие нравственные требования.

Рассуждая об отношениях адвоката-защитника непосредственно с подзащитным, то можно сказать, что подобные отношения могут являться элементом всех комплексов этики. Вопросы, связанные с упорядочиванием этих моментов, могут быть взаимосвязаны со всеми тремя комплексами отношений и эти вопросы остаются в качестве центральных и являются ведущими частями нормативной системы адвокатской этики. При попытке обобщения норм этики адвокатуры, можно увидеть, что они могут быть частными и общими. Именно общие нормы и входят в состав норм адвокатской морали.

Отметим, что сущность этики адвокатуры складывается из следующих факторов: адвокат во время осуществления своей деятельности обязан действовать согласно установленным моральным принципам; в обществе существуют определённые моральные и нравственные нормы, находящие свое выражение в сформулированных принципах. В частности, эти нормы придают принципам этики адвокатуры соответствующий смысл и осуществляют контроль над ними; адвокатская этика разрабатывает некоторые способы поддержки исполнения соответствующих правил этики, которые адвокатское сообщество при помощи конкретных методов воплощает в реальность.

Федеральное законодательство, которое связано с адвокатской деятельностью, содержит определенное количество необходимых положений, направленных на упорядочивание норм нравственности и правил морали и этики. Таким образом, этот закон при выстраивании обязанностей адвоката фиксирует, что адвокат должен добросовестно, разумно и честно защищать права и интересы своего доверителя всеми средствами, что не запрещены законодательством РФ [4].

Фактически, данный закон не упорядочивает и не выражает понятия, среди которых добросовестность, честность и разумность. С целью усвоения таких понятий нужно обратиться к категориям и понятиям, разработанным адвокатской этикой.

Во время осуществления своей деятельности адвокат должен вести себя добросовестно и честно, а также руко-

водствоваться безупречными принципами, быть специалистом, обладающим превосходной квалификацией.

Одна из адвокатских обязанностей заключается в активном и уверенном отстаивании интересов своих доверителей, в защите свободы своих клиентов всеми возможными способами. Для того, чтобы решить указанные вопросы, адвокат вправе пользоваться любыми средствами и методами, не запрещенными действующим законодательством напрямую. При этом важнейший и главный документ, на который адвокат обязан опираться в процессе осуществления своей деятельности, — Конституция Российской Федерации.

К одной из неизменных черт деятельности адвокатов относится уважительное отношение к достоинству, правам и чести лиц, обратившихся к нему за помощью, — доверителей, коллег и других лиц.

К нормам этики адвоката следует относить и другие манеры поведения, которыми должен обладать адвокат, включая стиль одежды, который соответствовал бы условиям делового общения.

Создавая систему этических норм и принципов, адвокаты не должны забывать о профессиональном долге, связанном с исполнением функций защиты в ходе судебных процессов. Нормы этики, которые формировало и продолжает формировать адвокатское сообщество, должны помочь в деятельности как отдельных адвокатов, так и адвокатского сообщества в целом. В этом смысле нормы и правила утверждают не только то, что нужно делать, но и то, каким образом более качественно осуществить выполняемые задачи, потому как ненадлежащее поведение, нарушающее нормы этики, отразится как на репутации и самого адвоката, так и на репутации адвокатского сообщества. Как следствие таких действий — потеря доверия и сокращение количества обращений, что, тем самым, умаляет права граждан.

Принципы и нормы этических начал адвокатской практики способствуют конкретизации действующих правовых норм и имеющихся пробелов в правовом регулировании. В законодательных актах не редко упоминаются такие термины, как «добросовестность», «справедливость», «достоинство» и других, идентичные данным. Кроме того, закон не выявляет значение этих терминов. В связи с этим важно само значение адвокатской этики, приходящей на помощь в подобных правовых ситуациях. В частности, она толкует указанные понятия и, подобным образом, усиливает регулятивный потенциал правовых норм.

Изучая те этические принципы, которыми адвокат обязан руководствоваться в уголовном судебном процессе, не лишним будет подчеркнуть, что помимо судебных заседаний адвокат участвует и вступает в контакт с многочисленными государственными органами и те принципы, которыми руководствуется адвокат во время судебного разбирательства, не должны особенно отличаться от иных сфер общения.

К органам, с которыми адвокат вступает в общение, относятся, кроме судебных, также органы следствия и до-

знания, а после того, как приговор уже вынесен, и органы исполнения наказания. Похожей тактики адвокат должен придерживаться и общаясь с прокуратурой, налоговыми и другими контролирующими органами.

Отношения адвоката со всеми сотрудниками и должностными лицами упомянутых органов должны быть построены на принципах признания их общественной пользы деятельности этих органов и уважения.

В обязанности адвоката относится неукоснительное и строгое соблюдение правил, действующих в данных государственных органах, но сказанное по большей части относится к работе органов следствия, дознания, судов и исполнения наказания.

Считается, что основное место работы адвоката — суд. В этой связи этика адвоката должна уделять больше внимания нормам поведения защитника в ходе разрешения спора и судебного разбирательства.

В ходе разбирательства в суде главная задача адвоката — соблюдать порядок, установленный в зале суда. В том числе, это означает и порядок ответов на вопросы суда, которые делаются в спокойной и вежливой форме. На вопросы председательствующего нужно давать четкие и полные ответы, а также подчиняться всем его распоряжениям.

Этика адвокатской деятельности, связанная с отношениями адвоката и суда и иными участниками судебного разбирательства, должна включать в себя следующие положения.

Адвокат участвует в заседаниях не только уголовных судов, но и в арбитражных, гражданских, административных процессах. Во всех этих судопроизводствах обязанностью адвоката является всемерно способствовать суду в вынесении решения обоснованного и законного, чем являются приговор, решение или постановление. Для достижения поставленной задачи, адвокат должен принимать активное участие в судебном разбирательстве, что означает активно исследовать представленные доказательства, заявлять суду необходимые отводы, излагать доводы по делу, используя, представленные в суд материалы дела и другие факты.

Каждое слово, которое произносит адвокат в суде, любое его действие должно быть взвешено, обдуманно и аргументировано.

Один из факторов профессиональной этики адвоката — получение и распределение нагрузки на адвоката так, чтобы уже имеющаяся нагрузка не оказывала влияния на участие адвоката в других заседаниях. В процессе определения даты назначения слушания дела адвокат имеет право заявить ходатайство о перенесении даты слушания на другую дату, в случае, если в назначаемый день адвокат будет занят в другом заседании суда. Однако не должно произойти ситуации, когда суд в течение долгого времени пытается найти в графике адвоката свободную дату. По меньшей мере, такая ситуация является проявлением неуважения к суду.

Проблемы в адвокатской этике связаны с нарушением данных обещаний, включая адвокатскую присягу, ненадлежащее исполнение либо неисполнение вообще

возложенных на адвоката обязанностей, действия, которые могут подорвать собственный авторитет адвоката, а также всего адвокатского сообщества. Такие действия признаются дисциплинарными проступками, что влечёт за собой применение мер морального и дисциплинарного воздействия.

Регламентирующие нормы профессиональной этики регулируют обязанности адвоката во время участия и присутствия на заседаниях суда. Тогда адвокат должен соблюдать нормы судопроизводства, установленные конкретным процессуальным кодексом. Должно быть проявлено уважение к суду и другим участникам процесса, обеспечено выполнение требований Закона в отношении прав, которые предоставлены ему нормами права. В тех случаях, когда обнаруживаются подобные нарушения, незамедлительно ходатайствовать об их устранении.

Адвокат имеет право возражать против необоснованных действий председательствующего и других участников процесса, но должен он это делать в корректной форме, руководствуясь нормами права.

В настоящее время, к сожалению, нередки факты некорректного отношения к лицу, носящему звание адво-

ката, либо к доверителю, которого он представляет в судебном процессе, включая такое отношение со стороны суда.

Проанализированные положения подтверждает необходимость перемен в качестве психологического климата во взаимоотношениях между адвокатами, прокурорами и судьями. Несомненно, адвокат должен выстраивать свою модель поведения в судебном процессе достойным образом, однако его публичные заявления должны быть также достойными, особенно те, что относятся к суду.

Манера поведения адвоката во всех ситуациях должна быть совершенной и не противоречить предусмотренным для лиц данной профессии критериям допустимости. Адвокат обязан вести себя достойно вне зависимости от того, «выиграл» дело или же «проиграл» его.

В обобщенном виде фундаментальное правило выстраивания взаимодействия адвоката и суда должно звучать так: адвокат имеет обязанность посредством своей деятельности, выражений, публичных выступлений благоприятствовать формированию в социуме выражающего уважение отношения к судебной-правовой системе как в целом, так и к отдельным ее представителям.

Литература:

1. Акульшина, Ю. М., Ляхова А. И. Некоторые проблемные аспекты адвокатской этики // Научный альманах. 2017. с. 380-38.
2. Горбушин, Ю. А. Адвокатская этика как основа адвокатской деятельности // Восточно-европейский научный вестник. Ижевск, 2015. С. 42.
3. Резепкин, А. М. Принципы организации и деятельности адвокатуры РФ // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 31. с. 117-123.
4. Саакян, М. А. Критерии важности профессиональной адвокатской этики // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 11 (27). с. 295-300.

Принципы судебной деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации

Корелова Екатерина Михайловна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье автор рассматривает основные отраслевые принципы судебной деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Исходя из особой специфики данного судопроизводства и отсутствия специального закона, автор проводит анализ законодательных актов различных субъектов Российской Федерации, устанавливающих принципы данного вида судопроизводства; выделяет схожие черты и различия судебной деятельности органов региональной конституционной (уставной) юстиции, а также дает правовую оценку действующему законодательству.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, конституционное судопроизводство, судебная система РФ, принципы судопроизводства.

Изучение процессуальных особенностей осуществления правосудия в конституционных (уставных)

судах субъектов Российской Федерации позволяет выявить специфические черты данной деятельности, суще-

ствуется необходимость установить схожие черты и различия, существующие в конституционном (уставном) процессе в органах конституционной (уставной) юстиции субъектов РФ. Является ли судопроизводство в данных органах конституционным или же это иной вид судопроизводства? Если в каждом конституционном (уставном) суде имеются свои процессуальные особенности рассмотрения дел, то позволяет ли это говорить о существовании в них собственных видов судопроизводства?

Прежде всего, необходимо отметить, что юридической наукой сформулировано довольно устойчивое и обоснованное понятие «принципов права» — это основополагающие идеи, закрепленные в официальных источниках права или получившие признание в юридической практике и отражающие закономерности развития общественных отношений [18].

Принципы по сфере применения классифицируются на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Именно отраслевые принципы обуславливают отличие одной отрасли права от другой, её индивидуальность. Поэтому изучение в первую очередь отраслевых принципов конституционного (уставного) судопроизводства, на наш взгляд, помогут установить специфику данного вида судопроизводства.

В законах о конституционных (уставных) судах всех субъектов РФ устанавливаются принципы независимости, коллегиальности, гласности, состязательности и равноправия сторон, то есть корреспондируют принципам судопроизводства в Конституционном Суде Российской Федерации [2]. Указанные принципы являются общепризнанными, их влияние довольно хорошо освещено в юридической науке. При этом имеется некоторая неопределенность в вопросе их применения. Так, одни субъекты РФ называют указанные принципы в качестве принципов судопроизводства¹, вторые объединили принципы деятельности и судопроизводства в одну главу², третьи, указывая их в качестве принципов деятельности, дублируют указанные принципы в положениях о судопроизводстве³.

Указанные расхождения в законодательном регулировании принципов деятельности конституционных (уставных) судов наводят на мысль о различии подходов к их пониманию, следовательно, различии подходов в их применении, что нельзя назвать правильным.

Так, например, принципы состязательности и равноправия сторон, коллегиальности относятся именно к части принципов, посвященных судопроизводству. Их нельзя отнести к принципам, посвященным иной деятельности органов конституционной (уставной) юстиции.

Принцип независимости судей Конституционного Суда Российской Федерации прямо установлен ст. 29 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Руководствуясь этим принципом, при разрешении конкретных дел судьи

действуют исходя из собственных убеждений и правовой позиции, которая должна быть освобождена от политической составляющей.

А. Н. Приварина указывает: «Конституционные судьи принимают решения в условиях, исключающих постороннее воздействие на свободу их волеизъявления, и не вправе запрашивать или получать от кого бы то ни было указания по вопросам, принятым к предварительному изучению либо рассматриваемым Конституционным Судом РФ» [20].

Федеральный конституционный закон «О судебной системе в Российской Федерации» установил: в Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные правовые акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей».

Указанные положения установлены и для органов конституционной (уставной) юстиции субъектов РФ.

Кроме того, принцип независимости должен применяться не только по отношению к судьям при осуществлении ими своих полномочий, но и к конституционным (уставным) судам как органам государственной власти. Попытки препятствования деятельности данных органов могут осуществляться путем приостановления деятельности, упразднения, сокращения финансирования.

Ряд специалистов отмечают, что «наличие конфликта между законодательным и судебным органом — это вполне объяснимое и нормальное положение дел с точки зрения теории разделения властей. Более того, это свидетельство фактического функционирования принципа разделения властей, а также признак реальной демократии» [19].

Упразднение одной ветвью власти другой, тем более без соблюдения надлежащих юридических гарантий для граждан и судей — явный признак «узурпации» власти и антидемократического режима управления [21].

При этом конфликт обусловлен конкуренцией органов власти и не должен затрагивать политику и служить интересам отдельных субъектов. Так, ярким примером нарушения принципа независимости судебной власти служит упразднение в 2014 году Уставного суда Челябинской области, приостановление деятельности и дальнейшее упразднение Конституционного суда Республики Бурятия, Конституционного суда Республики Тыва. Стоит отметить, что упразднение органов конституционной (уставной) юстиции обычно происходит по инициативе исполнительной власти при поддержке власти законодательной. Данный факт дает возможность предположить, что указанными действиями исполнительная власть субъекта РФ пытается снизить контроль за своей деятельностью, ограничить влияние системы сдержек и противовесов, а поддержка в таких действиях, исходящая от законодательной власти свидетельствует о её зависимости от власти исполнительной. Учитывая правовые пробелы в передаче пол-

1 Напр., Дагестан, СПб,

2 Напр., Калининград, Свердловская область,

3 Напр., Башкирия, Карелия. Коми, Марий Эл

номочий органов конституционной (уставной) юстиции при их упразднении иным органам, то велик риск появления произвола со стороны законодательного и исполнительного органов власти того или иного субъекта РФ.

А. Н. Привариной высказано следующее мнение: «Коллегиальность является гарантией надлежащего осуществления конституционного судопроизводства, достижения целей правосудия, дает возможность избежать судебной ошибки, что особенно важно, если учесть, что итоговое решение Конституционного Суда не подлежит обжалованию. Организационные формы коллегиального разрешения дел в конституционном судопроизводстве могут быть различны. В Конституционном Суде РФ коллегиально решаются все важнейшие вопросы: принятие или отказ в принятии обращения к рассмотрению; назначение дела к слушанию; определение судьи-докладчика; прекращение производства по делу; вынесение итогового решения; выступление Председателя с заявлением от имени Суда; осуществление права законодательной инициативы; направление Федеральному Собранию послания Суда и другие вопросы. Коллегиальность гарантируется следующими правовыми средствами: установление кворума, согласно которому Конституционный Суд правомочен принимать решения в пленарных заседаниях при наличии не менее двух третей от общего числа судей, а в заседании палаты — при наличии не менее трех четвертей ее состава; равноправие и независимость судей, обязательность их участия в судебном заседании и голосовании по итоговому решению» [20].

Принцип коллегиальности так же нашел свое отражение в законодательстве о конституционных (уставных) судах субъектов РФ, решения в которых принимаются большинством голосов судей, в одних субъектах это три четверти состава, в других — две трети. Решения органов конституционной (уставной) юстиции так же не подлежат обжалованию и имеют значение для широкого круга лиц, поэтому применение данного принципа абсолютно оправданно. При этом значительными полномочиями в организации деятельности суда обладают председатели судов. Полагаем, что принцип коллегиальности является скорее принципом судопроизводства, нежели принципом всей судебной деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ.

Согласно ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом [1], статьей 31 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» установлен принцип гласности [2]. В законах о конституционных (уставных) судах субъектов РФ он так же имеет место.

В конституционных (уставных) судах субъектов РФ рассмотрение дел в заседаниях проводится открыто. Все желающие вправе присутствовать на судебном заседании по рассмотрению конкретного дела, фиксировать его ход. При этом в некоторых случаях возможно проведение за-

крытых судебных заседаний, однако, в законодательстве субъектов РФ нет единства в определении перечня случаев, которые свидетельствуют о проведении заседания в закрытом режиме.

Так, в соответствии со статьей 58 Закона о Конституционном суде Республики Башкортостан, Конституционный Суд Республики Башкортостан назначает закрытое заседание в случаях, предусмотренных федеральным законом.

На закрытом заседании присутствуют судьи Конституционного Суда Республики Башкортостан, стороны и их представители. Возможность присутствия других участников процесса определяется председательствующим по согласованию с судьями. Дела на закрытых заседаниях рассматриваются с соблюдением правил конституционного судопроизводства [14].

Рассмотрение дел в заседаниях Конституционного Суда Республики Коми проводится открыто. Закрытые заседания допускаются лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом. Решения, принятые как в открытых, так и в закрытых заседаниях, провозглашаются публично [12].

Рассмотрение дел в заседаниях Уставного суда Свердловской области открытое. Проведение закрытых заседаний допускается лишь в случаях, установленных федеральным законом. Дела в закрытых судебных заседаниях рассматриваются с соблюдением общих правил судопроизводства в Уставном Суде. При разбирательстве дела в закрытом судебном заседании присутствуют стороны и их представители, а в необходимых случаях также свидетели, эксперты и переводчики. При этом постановления Уставного Суда во всех случаях провозглашаются публично.

Конституционный Суд Республики Северная Осетия-Алания назначает закрытое заседание в случаях, когда это необходимо для сохранения охраняемой законом тайны, обеспечения безопасности граждан, защиты общественной нравственности [7]. Аналогичный подход наблюдается в Республике Саха (Якутия) [6], Ингушетии [5].

В законах о конституционных судах республик Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Чечня установлено, что проведение закрытых заседаний допускается лишь в случаях, предусмотренных законом о конституционном суде той или иной республики. Перечень случаев проведения закрытых судебных заседаний данными актами предусмотрен аналогичный: необходимость сохранения охраняемой законом тайны, обеспечение безопасности граждан, защита общественной нравственности.

При этом, как указывалось выше, норма Конституции РФ устанавливает, что слушание дела в закрытом заседании допускается лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом. При этом в перечень указанных законом входят ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», процессуальные кодексы: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс, Граж-

данский процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Указанные нормативно-правовые акты не применяются при регулировании судопроизводства в конституционных (уставных) судах, имеется пробел в законодательном регулировании, так как федерального закона, устанавливающего случаи проведения закрытых судебных заседаний в данных судебных органах не принято, а, исходя из положений Конституции, самостоятельно установить их субъект РФ не уполномочен. Хотя, стоит отметить, что субъекты РФ, осуществляя правовое регулирование данного вопроса были единодушны в подходе к нему, взяв за основу положения ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Доступность судопроизводства включает и свободу выбора языка общения в конституционном судопроизводстве. Производство в конституционных судах ведется на государственном языке (на государственных языках). Участникам процесса, не владеющим государственным языком, обеспечивается право давать объяснения на родном языке и пользоваться услугами переводчика. Услуги переводчика предоставляются конституционными судами и оплачиваются в установленном законом порядке.

В законах о конституционных судах республик положения о языке судопроизводства различны, так республиках Башкортостан, Татарстан, Коми, Марий Эл, Северная Осетия, Адыгея судопроизводство может вестись на русском или на одном из государственных языков. Однако, представляется правильным принятие решений и их опубликование на русском языке, при этом лишь при необходимости текст решения должен быть переведен на государственный язык республики. Указанный вывод соответствует положениям статьи 13 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» и сложившейся практике. Учитывая значимость для широкого круга лиц, а также отсутствие необходимой терминологии в некоторых языках народов РФ, логично было бы исключить положения о возможности принятия решений конституционными судами республик РФ не на русском языке, предусмотрев возможность переводы текста решения, при необходимости, по аналогии с гражданским и уголовным процессом.

Принцип состязательности применительно к конституционному судопроизводству означает, что судебное разбирательство инициируется определенными субъек-

тами, но не Судом, и процесс происходит в форме состязания между сторонами. При этом в Конституционном Суде стороны отстаивают общие интересы, связанные с охраной Конституции, но с разных позиций ее понимания. Дополняет принцип состязательности принцип равноправия сторон, участвующих в конституционном процессе. Стороны пользуются равными процессуальными правами и возможностями по отстаиванию своих позиций. Они на равных основаниях вправе заявлять возражения и ходатайства, знакомиться с материалами дела, осуществлять иные процессуальные действия. Имея равные процессуальные права, стороны несут и равные процессуальные обязанности. При этом, исходя из важного общественного значения конституционно-правовых споров, при принятии решения суд не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении. Легальные принципы конституционного правосудия не исчерпывают собой всех принципов конституционного судопроизводства, есть принципы, которые вытекают из природы судебного конституционного процесса, хотя законодательно они не закреплены. К ним можно отнести: доступность и справедливость правосудия, конституционность и законность, принцип установления объективной истины, диспозитивность, принцип процессуальной экономии и другие [20].

Кроме того, в законодательном определении некоторых иных принципов конституционного (уставного) судопроизводства единства в субъектах РФ не наблюдается.

В заключение можно сказать, что судебная деятельность конституционных (уставных) судов субъектов РФ имеет значительное количество специфических черт, свои отраслевые принципы конституционного (уставного) судопроизводства и деятельности. Однако имеется недостаточная регламентация применения данных принципов, их декларативность. Стремление субъектов РФ установить дополнительные полномочия для органов конституционной (уставной) юстиции нельзя назвать оправданным с точки зрения юридической доктрины, так как главной задачей судов всей судебной системы РФ является отправление правосудия. Дополнительные полномочия, при определенных условиях, так же могут повлечь за собой нарушение таких принципов как беспристрастность, состязательность и равноправие сторон, независимость.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации».
3. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».
4. Конституционный Закон Чеченской Республики от 24 мая 2006 года № 2-РКЗ «О Конституционном Суде Чеченской Республики».

5. Конституционный Закон Республики Ингушетия от 28 декабря 2001 года № 10-РКЗ «О Конституционном Суде Республики Ингушетия».
6. Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15 июня 2002 года 16-з № 363-П «О Конституционном Суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве».
7. Конституционный закон Республики Северная Осетия-Алания от 15 июня 2001 года № 17-РЗ «О Конституционном Суде Республики Северная Осетия-Алания».
8. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 12 декабря 1997 года № 38-РЗ «О Конституционном Суде Кабардино-Балкарской Республики».
9. Закон Санкт-Петербурга от 24 мая 2000 года № 241-21 «Об Уставном суде Санкт-Петербурга».
10. Закон Республики Карелия от 7 июля 2004 года № 790-ЗРК «О Конституционном Суде Республики Карелия».
11. Закон Республики Адыгея от 17 июня 1996 года. № 11 «О Конституционном Суде Республики Адыгея».
12. Закон Республики Коми от 31.октября 1994 года. № 7-РЗ «О Конституционном Суде Республики Коми».
13. Закон Республики Татарстан от 22 декабря 1992 года № 1708-ХП «О Конституционном суде Республики Татарстан».
14. Закон Республики Башкортостан от 27 октября 1992 года № ВС-13/7 «О Конституционном Суде Республики Башкортостан».
15. Закон Республики Марий Эл от 11 марта 1997 года № 14-З «О Конституционном суде Республики Марий Эл».
16. Областной закон Свердловской области от 06 мая 1997 года № 29-ОЗ «Об Уставном Суде Свердловской области».
17. Уставный закон Калининградской области от 2 октября 2000 года № 247 «Об Уставном Суде Калининградской области».
18. Матузов, Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник (Юристъ, 2004) 245 с., с. 193–194
19. Савоськин, А. В., Казанцев А. О. Возможно ли упразднение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации? // Актуальные проблемы российского права. № 6 (43). 2014. с. 1108–1114. Из-во Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
20. Приварина А.Н. Конституционное судопроизводство как самостоятельный вид юрисдикционного процесса // Марийский юридический вестник. 2008. №6.
21. Карасев А.Т., Савоськин А.В. К вопросу об упразднении Уставного суда Челябинской области. //Проблемы права № 2 (45)/2014. с. 36-40

Юридическая характеристика договора займа

Кривошея Сергей Александрович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье автор рассматривает изменения, произошедшие в договоре займа с 1 июня 2018 г. Автором раскрываются основные изменения юридической характеристики договора займа в виду принятия поправок внесенных ФЗ № 212 от 26.07.2017 г., а также возникающие из этого проблемы на которые могут быть нацелены научные исследования для дальнейшего изучения договора займа в российском законодательстве и правоприменительной практике и выработке на них решений. Автором проанализированы изменения, произошедшие с 1 июня 2018 г.; сделаны выводы, что согласно изменениям, можно квалифицировать договор займа как реальный, так и к консенсуальный и другое.

Ключевые слова: договор займа, ФЗ № 212 от 26.07.2017 года, заёмщик.

Взлестальное определение договора займа ФЗ № 212 от 26.07.2017 года были внесены изменения. В результате понятие договора сформулировано следующим образом «По договору займа одна сторона (займодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить займодатцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг. Если займодатцем в договоре займа является гражданин, договор считается заключенным с мо-

мента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу» [1].

В результате внесенных изменений поменялась юридическая характеристика договора займа.

Во-первых, договор займа в редакции до изменений считался заключенным с момента передачи денег или других вещей и следовательно являлся реальным по заключению. Но после внесения поправок, новая редакция ГК РФ предусматривает два вида договора займа — реальный и консенсуальный. И если реальный договор займа является заключенным с момента выдачи займа

или другого предмета, и до этого момента займодавец не несет никаких обязательств перед заемщиком, то консенсуальный договор может заключать только юридическое лицо при условии обязанности передачи денег через определенный договором срок. Такой договор будет считаться заключенным с момента согласования суммы займа, а не с момента передачи денег.

Данное разграничение позволило отказаться от заключения предварительного договора потому что, заключив консенсуальный договор займа, заемщик, не получивший деньги, сможет в судебном порядке потребовать исполнения обязательства в натуре, также компания-займодавец сможет отказаться исполнять договор полностью или частично. Этим правом можно будет воспользоваться при наличии обстоятельств, которые очевидно свидетельствуют о том, что заемщик не вернет заем в срок.

В качестве примера можно привести то, что данная консенсуальная модель позволяет привлечь денежные средства, заранее обеспечив выдачу займа в нужный момент договором, а также снизить риски займодавца от выдачи невозвратного займа средства в определенный момент. Но данная конструкция деления договора займа на реальный и консенсуальный имеет ряд недостатков относительно того, какую из двух конструкций следует применять в отношении индивидуальных предпринимателей и в частности, заключен ли договор займа в реальной модели, если передана лишь часть оговоренного имущества, применима ли здесь ст. 311 ГК (право кредитора не принимать исполнение обязательства по частям)? Может ли сторона отказаться от принятия части? [2, с. 5]

Также следует отметить то, что отсутствие консенсуального займа в прежней редакции ГК являлось по сути ключевым отличием регулирования договора займа и кредитного договора.

Во-вторых, самым существенным признаком договора займа следует признать специфику объекта данного договора, в качестве которого выступают денежные средства и иные вещи, определяемые родовыми признаками [3, с. 7] и ценные бумаги, которые до этого были предметом займа, но не были отражены на законодательном уровне. Но введя в предмет займа ценные бумаги, законодатель не уточнил, какие ценные бумаги могут выступать его предметом. И если относительно документарных ценных бумаг на практике вопросов не возникает, то в отношении бездокументарных ценных бумаг займ будет являться незаконным, так как они не являются вещами. Всё это усложняет заключение договора займа, предметом которого являются ценные бумаги и кроме упоминания в п. 1 ст. 807 ГК РФ законодатель никак не позаботился о внедрении механизма осуществления указанной сделки в рамках главы 42, в связи с этим, расширение предмета можно считать до конца так и не урегулированным [4, с. 207].

Также если по договору будут переданы ценные бумаги в обмен на другие ценные бумаги, то перед нами ни будет уже, ни договор займа, а договор мены [5, с. 62]. Возникает также вопрос относительно возврата ценных бумаг.

Законодатель предусмотрел обязанность возврата «таких же ценных бумаг», но квалифицирующих критериев, по которым ценные бумаги будут определяться «такими же» при этом не предусмотрел.

Также законодатель допустил возможность использования договора займа для привлечения денежных средств: «Заемщик — юридическое лицо вправе привлечь денежные средства граждан в виде займа под проценты...» (п. 6 ст. 807 ГК РФ). Таким образом, законодатель полностью проигнорировал цель договора займа — временное заимствование родовых вещей, что приводит к смешению рассматриваемой договорной конструкции с договором банковского вклада.

В-третьих, договор займа может быть возмездным так и не возмездным.

Возмездность займа означает наличие обмена благами между сторонами соответствующего договора. Так, по договору займа заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества либо таких же ценных бумаг, а также займодавец имеет право на получение с заемщика процентов за пользование займом. При этом по общему правилу, договор займа является безвозмездным договором, если договор заключен между гражданами, в том числе ИП, на сумму, не превышающую ста тысяч рублей и предметом займа являются вещи.

В-четвертых, бесспорным фактом является деление договора займа по характеру обязательств на односторонне обязывающий в случае с реальной модели заключения договора займа так как обязанность лежит только на одной стороне — заемщике и это обязательство вернуть долг, а также на двусторонне обязывающий в случае с консенсуальной модели заключения договора займа в виду обязанности займодавца выдать предмет займа, что совпадает с точкой зрения Д. И. Мейера, который указывал на возможность заключить двусторонне обязывающий договор займа, по которому будет возможно принудить займодавца к предоставлению предмета займа. Также об этом высказывались А. Г. Карапетов, А. И. Савельев, П. Н. Вишневецкий и другие [6, с. 19].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы относительно юридической характеристики договора займа:

1. то, что его можно квалифицировать как реальный, так и консенсуальный;
2. предметом займа являются деньги, вещи, определенные родовыми признаками и ценные бумаги;
3. договор займа может быть возмездным так и не возмездным;
4. бесспорным фактом является деление договора займа по характеру обязательств на односторонне обязывающий в случае с реальной модели заключения договора займа так как обязанность лежит только на одной стороне — заемщике и это обязательство вернуть долг, а также на двусторонне обязывающий в случае с консенсуальной модели заключения договора займа.

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410; Собрание законодательства РФ. 2019. № 12, ст. 1224.
2. Аналитическая справка «Договоры займа и кредитные договоры. Регулирование и судебная практика в Российской Федерации». — М.: АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований» 2018. 27 с.
3. Гарифуллина, О. Ф. Реальность и консенсуальность договора займа // Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 6. г. Омск. — НН: ИЦРОН, 2019. — № 6. — с. 7–8.
4. Гречишкин, Д. С., Кусова О. В. Новеллы гражданского законодательства относительно договора // Общественные и экономические науки. — 2018 — № 5(5). — с. 203–209.
5. Соломина Наталья Геннадьевна Договор займа: изменения действующего законодательства // Вестник ОмГУ. Серия. Право. — 2017. — № 4 (53). — с. 60–64.
6. Харибатов, А. И. Система прав и обязанностей сторон заемного обязательства в Современном праве. // Право и управление. XXI век. — 2019. — т.15. — № 1 (50). — С. 18–24.

О некоторых тенденциях коррупциогенной ситуации в России

Маткаримова Джамия Курметовна, студент

Научный руководитель: Вишневецкая Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автором анализируются причины и следствия изменения коррупциогенной ситуации в России.

Ключевые слова: коррупция, социальная природа преступности, коррупциогенные факторы, рыночная коррупция, сетевая коррупция

Проблема противодействия коррупции в Российской Федерации была объявлена приоритетной одновременно с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. [1] Однако несмотря на принимаемые меры, коррупция была и остается фактором, волнующим российских граждан. Такое положение дел подрывает доверие общества к органам публичной власти, является причиной социальной напряженности.

Поскольку коррупция в российском обществе носит системный характер, для ее преодоления требуется искоренение обстоятельств, подталкивающих на совершение правонарушений данной категории. Ужесточение уголовно-правовой политики в рассматриваемой области, хотя и обладает положительным результатом, не может играть роль единственного средства борьбы с коррупцией.

Выработкой универсальных критериев для оценки предрасположенности общества к преступности в целом, и к проявлениям коррупции в частности, были озадачены философы Аристотель, а также его учитель Платон (320–350 лет до н. э.).

Аристотель, в комплексе причин преступлений выделял такие явления общественной жизни, как бедность населения, подталкивающая многих на совершение разного рода корыстных посягательств; расслоение людей по уровню социальной обеспеченности, материального достатка и необоснованная привилегированность одних за счет других. В том же ряду причин преступности важное место отводилось политическому бесправию населения. Аристотель

считал, что величайшие преступления совершаются в силу стремления к избытку, а не ради удовлетворения самых насущных, жизненно необходимых потребностей. Отрицая наличие прирожденных черт преступника, он полагал, что для устранения причин преступности необходимы справедливое государственное устройство, стабильность законов, возвышение (главенство) их над деятельностью должностных лиц, противодействие коррупции, активность населения в борьбе с преступлениями, развитие экономики.

Сходные идеи относительно социальной природы преступности высказывал и Платон. По его мнению, основной ее причиной являются междоусобие и противоречия между бедными и богатыми. В связи с этим он даже обращался к законодателю с предложением установить пропорциональные пределы бедности и богатства, что, на его взгляд, могло восстановить мир и спокойствие среди населения, предотвратить нарушение законов. Обладая правом законодательных предписаний, Платон предложил законодателю действовать профилактически, опережать возможные негативные события, и с этой целью принимать законы, угрожающие наказанием и препятствующие их нарушению. [2, с. 162]

Указанные выводы были частично закреплены в Конвенции Организации Объединенных наций против коррупции и имплементированы в российскую правовую систему. Так, принципы противодействия коррупции, установленные статьей 3 Федерального закона «О противодействии коррупции», имеют под собой твердый философский фундамент. Однако, для действенного про-

тивоедействия коррупции недостаточно формального провозглашения новой антикоррупционной политики.

Факторами, обуславливающими уровень коррупции в современном российском обществе, являются:

1) Состояние социального (общественного) контроля.

Часть 3 статьи 3 Федерального закона «О противодействии коррупции» [3] устанавливает в качестве антикоррупционного принципа публичность и открытость органов власти. С целью создания механизма реализации данного принципа была запущена единая информационная система в сфере закупок. Для общественного контроля стали доступны планы и план-графики закупок, разрабатываемые в целях обеспечения государственных и муниципальных нужд. С помощью инструментов сервиса обеспечивается невозможность размещения уведомления о проведении электронных аукционов без связи с конкретной позицией план-графика. Заинтересованные лица получили возможность заблаговременной подготовки к участию в закупках, а также возможность обжалования незаконно установленных ограничений (требований) до момента начала подачи заявок.

Так, например, администрацией муниципального района в целях осуществления программы «Переселение граждан из аварийного жилищного фонда на территории муниципального района «Уддорский» в 2013–2018 годах» было запланировано [4] приобретение 10 квартир. Однако, в позициях план-графика содержались сведения о установленном ограничении — приобретение квартир допускалось исключительно у застройщиков. С учетом того, что на территории населенного пункта, в котором должны располагаться объекты закупки, действовал лишь один застройщик, ограничения создавали ему преимущественное положение. Кроме того, планируемая цена закупки в 2–3 раза превышала обычно устанавливаемую цену на аналогичные объекты. В связи с этим, за неделю до публикации уведомления о подаче заявок на сайте единой информационной системы в сфере закупок, индивидуальным предпринимателем в территориальный орган ФАС России была подана жалоба. По результатам рассмотрения жалобы должностное лицо администрации района было привлечено к административной ответственности, а незаконно установленные ограничения устранены.

Таким образом, переход к проведению государственных (муниципальных) закупок в электронной форме позволил внести прозрачность в процесс расходования бюджетных средств. Общественный контроль осложнен при проведении закупок у единственного поставщика и при удовлетворении засекреченных государственных нужд. Органы прокуратуры и федеральной антимонопольной службы ориентированы на проверку обоснованности применения закрытых способов определения поставщика.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции // Собрание законодательства РФ. 2006. N 26. ст. 2780

Предпринятые меры способствовали переходу коррупционных правонарушений к сетевой модели.

2) Переход от рыночной коррупции к сетевой;

Под рыночной коррупцией понимается явление, выражающееся в непропорциональном использовании чиновником своего положения в личных целях, в тех случаях, когда выгодоприобретателем может являться лицо из случайного круга.

Сетевая коррупция характеризуется ограниченным кругом лиц, допущенных к получению коррупционных услуг. Для вступления должностного лица в коррупционные отношения при такой модели, заинтересованные лица должны иметь неформальную рекомендацию или состоять в родственных, дружеских или партнерских отношениях с чиновником. При этом коррупционные услуги могут оказываться не только с целью получения материальной выгоды. Такая модель коррупции отличается устойчивостью к ужесточению уголовной политики, повышенной латентностью.

Причинами перехода к сетевой коррупции мы считаем:

1) Реализация мер по борьбе с коррупцией и установление публичности при государственных заказах повысило риск наступления негативных уголовно-правовых последствий до неприемлемого для потенциального коррупционера. В таких условиях недобросовестные чиновники предпочитают длительное сотрудничество с лично знакомыми руководителями коммерческих предприятий.

2) Сращивание государственного аппарата с бизнес-структурами.

Прокурорская практика свидетельствует, что наиболее распространенными нарушениями в области непринятия мер к урегулированию конфликта интересов являются [5, с. 19]:

— участие в деятельности закупочных комиссий служащих, заинтересованных в вопросе выбора победителя;

— осуществление функций государственного управления аффилированными организациями.

Помимо этого, федеральная антимонопольная служба [6] отмечает тенденцию на установление «госкапитализма» в российской экономике. Во многих потенциально конкурентных сферах частный бизнес отсутствует или недостаточен. Органы власти продолжают создавать условия ограничивающие конкуренцию, так, за период 01.01.2016–01.01.2019 было возбуждено 3636 антимонопольных дел и выдано 8863 предупреждения.

В подобных условиях коррупционные отношения мимикрируют под правомерное исполнение служащим своих обязанностей. Коррупционеры, не принимая формализованных решений в пользу выгодоприобретателей, создают для них преимущественные условия (преимущественный доступ к информации, установление характеристик объектов закупок под возможности конкретного поставщика и т. п.)

2. Криминология. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / П. В. Агапов [и др.]; под общей редакцией О. С. Капинус. — Москва: Издательство Юрайт, 2018. — 303 с.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 15.02.2016) // Собрание законодательства РФ. 2008. N 52 (ч. 1). ст. 6228; 2019. N 30. ст. 4153
4. План закупок администрации МР «Удорский» от 20.07.2018 г. N201801073000027002 [Электронный ресурс] URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
5. Предупреждение конфликта интересов на государственной службе средствами прокурорского надзора: пособие / А. Д. Ильяков, Е. В. Семенова, Е. А. Орлова; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2016. — 68 с.
6. Доклад состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2018 год [Электронный ресурс] URL: https://fas.gov.ru/documents/685117#_Точ10132539 (Дата обращения: 09.12.2019)

Зарубежное законодательство об ответственности за рабский труд

Меджидли Аллахверди Айдын оглы, студент магистратуры
 Научный руководитель: Кобзева Елена Васильевна, кандидат юридических наук, профессор
 Саратовская государственная юридическая академия

Цель: проанализировать зарубежное законодательство об ответственности за рабский труд. В ходе написания статьи применялся метод сравнительно-правового анализа. Автор освещает законодательство в отношении применения рабского труда в романо-германской, континентальной и мусульманской правовых семьях, отмечая при этом явные недостатки и упущения законодателя. Автор приходит к выводу, что рабский труд до сих пор применяется в различных странах мира, в одних случаях его основой служит попустительство властей, а в других — пробелы в праве (либо намеренное «упущение» в законе).

Ключевые слова: наказание, преступление, принуждение, принудительный труд, свобода труда, уголовная ответственность.

Foreign legislation on liability for slave labor

Majidli Allahverdi Aydin ogly, student
 Scientific adviser: Kobzeva Elena Vasilyevna, candidate of legal sciences, professor
 Saratov State Law Academy

Goal: analyze foreign legislation on liability for slave labor. In the course of writing the article, the method of comparative legal analysis was used. The author highlights the legislation regarding the use of slave labor in Romano-German, continental and Muslim legal families, noting the obvious shortcomings and omissions of the legislator. The author concludes that slave labor is still used in various countries of the world, in some cases it is based on the connivance of the authorities, and in others — gaps in the law (or a deliberate «omission» in the law).

Keywords: punishment, crime, coercion, forced labor, freedom of labor, criminal responsibility.

Международное сообщество строго порицает проявления рабского труда, уделяя им в законодательстве существенное место. Конвенция относительно рабства 1926 г. в ст. 1 ввела понятие «рабство», под которым предлагает понимать «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности» [1].

Дополнительная конвенция ООН об упразднении рабства, работоторговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. в п. «b» ст. 7 дает определение лицу, находящемуся в подневольном состоянии — это «лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся

в результате институтов или обычаев, сходных с рабством» [2]: долговой кабале, крепостном состоянии, сюда относятся и обычаи и института брака, которые ограничивают права женщин и детей, носит экономическую направленность.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в п. 1 ст. 4 раскрывает положение о запрете рабства и подневольного состояния.

Российское законодательство данному вопросу посвятило норму не так давно, в УК РФ ст.127² появилась лишь в 2003 году, в ней законодателем установлена уголовная ответственность за использование рабского труда, под ко-

торым предлагается понимать «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае если лицо по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)» [3].

В Соединенных Штатах Америки, как нигде в мире, весьма двояко решается данный вопрос, находя свое отражение в Конституции США. Когда Соединённые Штаты объявили рабство вне закона, приняв 13-ю поправку к Конституции, они внесли в неё одну фразу, позволяющую продолжать порабощение заключённых. Она гласит: «Не разрешаются ни рабство, ни принудительные работы, за исключением наказания за преступление, за которое обвиняемый должен ответить должным образом»... [4]. По сути, это означает, что государство или федеральное правительство запросто может принудить человека к рабскому труду, часто называемому «тюремным», и они пользовались этой возможностью более 150 лет. Заключённых обеспечивают работой во время содержания под стражей, но им часто платят так называемое «рабское жалованье», которое составляет сущие копейки. И хотя многие люди считают, что заключённые не заслуживают освобождения от рабского труда, потому что они нарушили закон, некоторые всё же придерживаются иной точки зрения, выступая в защиту основных прав человека [16].

Один из способов, с помощью которых миллионы людей получают выгоду от этой формы труда — борьба с ежегодными лесными пожарами в Калифорнии. Заключённым, которые добровольно вызываются тушить пожары, платят один доллар в час (плюс ещё два доллара за день), и хотя они являются добровольцами, которые получают деньги, опасные условия и отсутствие надлежащей финансовой компенсации равносильны рабскому труду. «Сегодня более 2000 заключённых-добровольцев, в том числе 58 несовершеннолетних правонарушителей, борются с лесными пожарами по всей территории штата Калифорния. Они выполняют жизненно важные обязанности, уничтожая густую растительность и оставляя голую землю, чтобы остановить распространение огня» [15]. Также в Америке весьма распространённой является «аренда заключённых» в качестве рабочей силы.

С 1807 года в Великобритании была законодательно запрещена работорговля, а вот рабовладение было отменено спустя 26 лет. Запретили продавать «живой товар» вовсе не потому, что это стало невыгодно. Причина борьбы с работорговлей и рабовладением лежала в плоскости морали и религии, которые популяризировали христианские активисты — как квакеры, так и представители англиканской церкви. Английские купцы, лишившиеся прибылей, переориентировались на поставки западноафриканского пальмового масла для изготовления мыла. Однако за последние пять лет увеличившееся число иммигрантов в Соединённое королевство пополнило поток дешевого рабского труда. Запрет на работорговлю отражен и в нормах уголовного законодательства, а именно в Акте о запрете торговли рабами [8] и Законе об уголовном праве 1967 г. [10]

В свою очередь, в Законе об уголовном праве Израиля [9] регламентирована ответственность за «принудительную работу», т. е. работу, не основанную на добровольном желании лица. Однако санкция данной нормы весьма щадящая — ответственность в ней предусмотрена всего 1 год лишения свободы.

Представляет интерес норма УК Таиланда, посвященная ответственности за эксплуатацию человека, незаконно лишённого свободы: за данное преступление виновный приговаривается к тюремному заключению на срок до пяти лет и к штрафу в размере до 10 тыс. бат [4].

В законодательстве стран континентальной правовой системы зачастую нет специальных норм об ответственности за использование рабского труда или обращение в рабство, однако установлена уголовная ответственность за преступное принуждение к любым действиям (бездействию). В качестве примера можно привести положения § 240 Уголовного кодекса Германии [14, с. 205], в этой норме предусматривается ответственность за принуждение. Как отмечает А. Э. Жалинский, «в доктрине немецкого уголовного права состав уголовно наказуемого принуждения рассматривается как основной и исходный для большой группы преступлений. Безусловно, рабский труд является по своей сути принудительным, а его использование виновным есть результат принуждения потерпевшего» [13, с. 403]. Следовательно, в уголовном праве Германии за использование рабского труда должен действовать принцип аналогии, в соответствии с которым должна применяться мера, предусмотренная в § 240 за преступное принуждение. При этом данная норма содержит квалифицированный состав преступления, устанавливая различные санкции в зависимости от характера совершаемого деяния и лица, в отношении которого оно было совершено. В этой норме особое внимание уделено защите беременных, за принуждение которых предусмотрены самые жесткие санкции, а само такое преступление отнесено к категории особо тяжких.

Обращаясь к уголовному законодательству Швеции, можно отметить, что положения ст. 4 гл. 4 «О преступлениях против свободы и общественного спокойствия» гласят так же о незаконном принуждении. Но следует учитывать и тот факт, что в ст. 1 обозначенной главы имеется «наказание за захват и похищение или лишение свободы человека с намерением принудить его к работе, а ст. 3 устанавливает наказание за поставление лица в неблагоприятное положение, что может выражаться помимо прочего в принуждении поступить на трудовую службу» [11]. Данные нормы являются наиболее «жесткими» в континентальной правовой семье.

Французское уголовное законодательство считает обращение в рабство преступлением против человечества и как следствие предусматривается ответственность в виде пожизненного заключения. Наиболее инновационными положениями по регулированию ответственности за принуждение к рабскому труду являются такие страны Австралии, Норвегии и Сан-Марино, где есть прямые законо-

дательные указания на ответственность за использование рабского труда. Например, в УК Австралии рабству в различных его проявлениях посвящено аж несколько статей, с различной дифференциацией ответственности [5].

Оценивая законодательство мусульманских стран (например, ОАЭ [6]), можно отметить, что в мусульманском праве запрещается обращать должника в рабство за неплату долгов, но его можно заставить отработать свой долг кредитору. Во многих государствах мусульманское право конституционно считается основой законодательства. Однако, на сегодняшний день в мусульманской правовой семье можно выделить две формы рабства — патриархальное и трудовое. Патриархальное рабство сохранилось в Африканских странах, и проявляется в форме архаических обычаев, при том, что официально рабский труд здесь так же запрещен, власти закрывают глаза на происходящее. Работа является неотъемлемой частью жизни мусульман. И учитывая, что ислам является образом жизни мусульманина, то, как он выполняет свою работу, каким образом зарабатывает себе на жизнь, отно-

сится к своим рабочим, является проявлением его поклонения и веры.

Уголовное законодательство Турции [7] предусматривает ответственность в виде тяжкого заключения на срок от пяти до десяти лет и тяжким денежным штрафом в размере не менее одного миллиарда лир за действия, относящиеся к удержанию, вербовке, перевозке людей без их согласия, в целях эксплуатации, включающей принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов, данное деяние предусматривает ответственность.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что рабский труд до сих пор применяется в различных странах мира, в одних случаях его основой служит попустительство властей, а в других — пробелы в праве (либо намеренное «упущение» в законе). Так, в Соединенных Штатах Америки, которые громче всех заявляют о необходимости соблюдения прав и свобод человека, о демократии и борьбе с рабством, на самом деле очень широко применяется рабский труд заключенных.

Литература:

1. Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 года, с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года (Заклучена в г. Женеве 25.09.1926) // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. с. 5–8.
2. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Заклучена в г. Женеве 07.09.1956) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 1990. с. 205–211.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954.
4. Конституция США [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 15.05.2020).
5. УК Тайланда [Электронный ресурс]. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran.html> (дата обращения: 15.05.2020).
6. УК Австралии [Электронный ресурс]. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/uk-avstralii.html> (дата обращения: 15.05.2020).
7. УК ОАЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/02000016511> (дата обращения: 15.05.2020).
8. УК Турции [Электронный ресурс]. URL: <http://pravoturka.ru/ugolovniy-kodeks-turcii/> (дата обращения: 15.05.2020).
9. Акт о запрете торговли рабами [Электронный ресурс]. URL: http://britain4russians.net/culture_Slave-Trade-Act-1807.html(дата обращения: 15.05.2020).
10. Закон об уголовном праве Израиля 1977 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.israelinfo.co.il/articles/analitik/926> (дата обращения: 15.05.2020).
11. Закон об уголовном праве 1967 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/contents> (дата обращения: 15.05.2020).
12. Акимова, Ю. Ю. Использование рабского труда (уголовно-правовой аспект): монография. М.: Российская академия правосудия, 2011. 196 с.
13. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право. — М.: Гос. ун-т — высш. шк. экономики, 2004. 560 с.
14. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 584 с.
15. Международная защита прав и свобод человека: сб. докум. М., 1990. 384 с.
16. Полонский, И. Американский ГУЛАГ: бесплатный труд заключённых в США набирает обороты [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/142200-amerikanskiy-gulag-besplatnyy-trud-zekov-v-ssha-nabiraet-oboroty.html>(дата обращения: 15.05.2020).

Об объекте использования рабского труда

Меджидли Аллахверди Айдын оглы, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются положения международных правовых актов и нормативных правовых актов Российской Федерации, посвященные рабству и использованию рабского труда. Приводятся различные позиции ученых о непосредственном объекте использования рабского труда.

Ключевые слова: свобода труда, рабский труд, принудительный труд, использование рабского труда, принуждение, уголовная ответственность.

About the object of using slave labor

Majidli Allahverdi Aydin ogy, student
Saratov State Law Academy

The article deals with the provisions of international legal acts and normative legal acts of the Russian Federation on slavery and the use of slave labor. Various positions of scientists about the direct object of using slave labor are given.

Keywords: freedom of labor, slave labor, forced labor, use of slave labor, coercion, criminal liability.

Проблема рабства, рабского труда и работорговли стоит весьма остро перед разными странами на протяжении многих веков. Современное международное законодательство уделяет данному вопросу пристальное внимание, так как объектом этих преступлений в первую очередь является общественная безопасность.

Представляется необходимым осветить нормы международных правовых актов, касающиеся рабского труда. Так, в ст. 1 Конвенции относительно рабства 1926 г. под рабством предлагается понимать «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности» [1].

Дополнительная конвенция ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. в п. «b» ст. 7 дает определение лица, находящегося в подневольном состоянии — это «лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся в результате институтов или обычаев, сходных с рабством» [5]: долговой кабале, крепостном состоянии, сюда относятся и обычаи института брака, которые, имея экономическую направленность, ограничивают права женщин и детей.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в п. 1 ст. 4 содержит положение о запрете рабства и подневольного состояния.

Российское законодательство данному вопросу посвятило норму не так давно. Ст. 127² УК РФ появилась лишь в 2003 году, в ней законодателем установлена уголовная ответственность за использование рабского труда, под которым предлагается понимать «использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае если лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)».

Анализируя данную уголовно-правовую норму, можно сделать вывод, что использование труда должно носить взаимовыгодный материальный характер, однако рабский труд базируется на экономической выгоде лишь одной стороны, ставя вторую сторону данных отношений в заведомо невыгодные условия. В соотношении со смежными составами преступлений в данном случае перво-степенным будет считаться не ограничение свободы личности, а ограничение именно свободы труда.

В рамках данной статьи УК РФ под свободой труда следует понимать в первую очередь право выбора человеком вида деятельности, в которой он будет применять свои способности, право выбора сроков начала и окончания работы (заключение и расторжение трудовых отношений), право отказаться от выполнения каких-либо обязанностей. Все это явно отличает свободу труда от рабского труда, в котором субъект преступления владеет, пользуется и распоряжается результатами труда другого человека.

Понятие свободы труда в свою очередь закрепляется в ст. 37 Основного Закона [6] государства, которая понимает под ней право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также запрет принудительного труда. Исходя из этого, можно сделать вывод, что свобода труда обнаруживается в большей степени в потенциале трудоустройства гражданина и свободного выбора им сферы реализации своих трудовых способностей.

Немаловажным является и содержание ст. 2 Трудового кодекса РФ, в которой свобода труда закреплена в качестве основополагающего принципа трудового права. Следует отметить, что данная норма заимствована из Конвенции МОТ № 29 от 28 июня 1930 г. «Относительно принудительного или обязательного труда» с учетом некоторых положений Конвенции № 105 1957 г. «Об упразд-

нении принудительного труда» [3]. На основании данного международного акта «под принудительным или обязательным трудом понимается всякая работа или служба (для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг), требуемая от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания» [4].

Различные мнения высказываются теоретиками уголовного права относительно непосредственного объекта использования рабского труда. Например, Е. В. Евстифеева под непосредственным объектом понимает «физическую свободу человека, а также право распоряжаться собой по собственному усмотрению» [11]. В свою очередь С. В. Громов под объектом использования рабского труда понимает «право человека на свободный труд» [10]. А. В. Хабаров полагает, что «объектом использования рабского труда является личная свобода человека, который не может быть объектом права собственности (иных имущественных прав) другого лица, а также свобода труда, запрет принудительного труда» [13]. А. Г. Блинов считает, что «буквальное толкование диспозиции ст. 127² УК РФ говорит о том, что уголовный закон запрещает только использование рабского труда, а не обращение

или поставление человека в состояние рабства» [9]. Интересной представляется точка зрения А. А. Арямова, который градирует объект преступления по данной норме на основной и дополнительный, при этом, по его мнению, в качестве основного объекта выступает именно свобода личности, в свою очередь дополнительный объект — это «отношения, которые складываются по поводу реализации человеком своего права на свободный труд в справедливых и благоприятных условиях» [8].

Наиболее полное и точное определение, по нашему мнению, было дано Г. А. Есаковым, который непосредственным объектом использования рабского труда признает «отношения по охране личной (физической) свободы человека (включая свободу труда), его честь и достоинство» [12].

Таким образом, в статье раскрывается сущность объекта использования рабского труда, были затронуты точки зрения российских ученых по данному вопросу, отсутствие единого мнения об объекте «рабского труда» породило множество нерешенных проблем, которые создают препятствия в правоприменении и требуют дальнейшего разрешения в доктрине уголовного права.

Литература:

1. Конвенция относительно рабства, подписанная в Женеве 25 сентября 1926 года, с изменениями, внесенными Протоколом от 7 декабря 1953 года (Заключена в г. Женеве 25.09.1926) // Действующее международное право. Т. 3. — М.: Московский независимый институт международного права, 1997. с. 5–8.
2. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Заключена в г. Женеве 07.09.1956) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. с. 205–211.
3. Конвенция № 105 Международной организации труда «Об упразднении принудительного труда» [рус., англ.]: заключена в г. Женеве 25.06.1957 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 50, ст. 4649.
4. Конвенция № 29 Международной организации труда «Относительно принудительного или обязательного труда»: принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ // Ведомости ВС СССР. 1956. № 13, ст. 279.
5. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством: заключена в г. Женеве 07.09.1956 // Международная защита прав и свобод человека: сб. докум. М.: Юрид. лит., 1990. с. 205–211.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 21.07.2014, № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. доп. от 07.04.2020, № 112-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, ст. 2954; Рос. газета. 2020. 9 апр.
8. Арямов, А. А. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / Отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2014. 487 с.
9. Блинов, А. Г. Обращение в рабство как форма эксплуатации человека // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: сб. науч. тр. Саратов, 2014. с. 229–232.
10. Громов, С. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений — торговля людьми и использование рабского труда // Российский следователь. 2015. № 3. с. 26–28.
11. Евстифеева, Е. В. Теоретические проблемы уголовно-правовой ответственности за торговлю людьми: дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 197 с.
12. Есаков, Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2007. 745 с.
13. Хабаров, А. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Ч. 1. Тюмень, 2015. 364 с.

Причинно-следственная связь при привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника при банкротстве

Михайлюкова Валерия Сергеевна, студент
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В настоящем эссе будут рассмотрены следующие вопросы: что из себя представляет субсидиарная ответственность при банкротстве? Кто относится к лицам, контролирующим должника? Как доказать ответственность лиц, контролирующих должника, и при чем тут причинно-следственная связь?

Финансовый кризис заставил законодателя ужесточить средства полного для удовлетворения кредиторов. В настоящее время чаще всего кредиторы первой и второй очереди получают хоть какое-то удовлетворение требований, когда как кредиторы третьей очереди получают суммы близкие к нулю. Напомню, что первая и вторая очереди — это требования граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, и требований о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору соответственно. Когда как третья очередь кредиторов — это не выплаченные обязательные платежи, например, перед ФНС, или невыплаченная задолженность перед банками по кредитным договорам [1].

В связи с этим в 2017 г. законодатель и ФНС представил три документа, касающиеся субсидиарной ответственности при банкротстве: 1) Федеральный закон № 266-ФЗ, который ввел новую главу о субсидиарной ответственности под номером 3.2, 2) постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53 от 21.12.2017, разъясняющее эту главу, и 3) письмо ФНС от 16.08.2017, также разъясняющее эту главу.

Что из себя представляет субсидиарная ответственность при банкротстве?

Если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника. При этом, пока не доказано иное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица [2].

Кто относится к лицам, контролирующим должника?

Под контролирующим должника лицом понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом праводавать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий [3].

Законодатель не ограничивает статус лица контролирующего должника только бывшим директором, бухгалтером или владельцем доли акций компании, то есть лицами, которые зафиксированы документально как принимающие решения. Список открыт, то есть фактически, при наличии надлежащих доказательств, лицом, контролирующим должника можно признать даже то лицо, которое является «серым кардиналом» [4]. Например, согласно Постановлению девятого Арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 г. № 0 9А П-24715/2015 по делу № А4 0-119763/10 статус лица контролирующего должника был установлен с помощью свидетельских показаний. Или еще один пример, что кроме обычно используемых доказательств можно применять и сообщения в СМИ, как это было в деле № А 40-56167/2016 АК Б «Инвестторгбанк», где Гудков В. В. (бывший председатель правления банка) давая интервью газетам, электронным порталам и журналам высказывался о проблемах банка [5].

Как доказать ответственность лиц, контролирующих должника, и при чем тут причинно-следственная связь?

При подготовке в суд заявления о привлечении к субсидиарной ответственности лица заявителю необходимо обосновать, почему действие и (или) бездействие лица, контролирующего должника, привело к невозможности полного погашения требований кредиторов. То есть кроме того, что необходимо обосновать, что именно решения конкретных лиц привело к ухудшению положения должника, но также необходимо привести доказательства конкретных решений и действий, которые вели к специальному ухудшению положения должника [6]. Данная конструкция называется «презумпция наличия причинно-следственной связи». Указанная презумпция должна подтвердить связь между действием (бездействием) контролирующего должника лица и невозможностью полного погашения требований кредитора при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

1) Совершение или одобрение лицом сделки или нескольких сделок должника, которая привела к ухудшению имущественного состояния должника.

Из условий сделки должно быть точно понятно, что сделка привела к негативным последствиям [7]. Также необходимо проверять и те сделки, которые явно выходят за рамки сроков, которые установлены в п. 1 ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», так как в условиях сделки могут быть условия, откладывающие срок исполнения, например на те же три года, то есть когда негативные последствия наступили задолго после подписания соглашения.

Неправомерные действия (бездействие) контролирующего лица могут выражаться, например, в принятии ключевых деловых решений с нарушением принципов добросовестности и разумности, в том числе согласование, заключение или одобрение сделок на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом, дача указаний по поводу совершения явно убыточных операций, назначение на руководящие должности лиц, результат деятельности которых будет очевидно не соответствовать интересам возглавляемой организации, создание и поддержание такой системы управления должником, которая нацелена на систематическое извлечение выгоды третьим лицом во вред должнику и его кредиторам, и т. д.

Суду всегда надлежит исследовать совокупность сделок и других операций, совершенных под влиянием контролирующего лица, способствовавших возникновению критических последствий, ее негативному развитию и переходу в стадию объективного банкротства [8].

Опровержимые презумпции доказывания основания привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов. Если ранее пункт 4 статьи 10 содержал три опровержимые презумпции того, что именно действия (бездействие) КДЛ довели должника до банкротства, то после внесения изменений пункт 2 статьи 61.11 содержит пять презумпций. Добавлены две новые презумпции: за утрату или недостоверность корпоративной документации, а также за недостоверность сведений в ЕГРЮЛ и Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (далее — ЕФРСФДЮЛ).

Первая презумпция привлечения к субсидиарной ответственности: пунктом 3 статьи 61.11 предусмотрена норма, направленная, прежде всего, на устранение тех проблем, когда до внесения изменений сначала необходимо было признать недействительной сделку, а только потом обращаться с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности [9]. Вторая презумпция. Существенность вреда, причиненного недействительной сделкой. В подпункте 1 пункта 2 статьи 61.11 для целей оспаривания сделок введено новое оценочное понятие — существенный вред (ранее статья 10 предусматривала просто наличие вреда).

Вторая презумпция привлечения к субсидиарной ответственности (подпункт 2 пункта 2 статьи 61.11). В случае применения презумпции, предусмотренной подпунктом 2 пункта 2 статьи 61.11, к ответственности привлекается не только директор, как лицо, которое должно организовать ведение бухгалтерского учета и хранения документов, как это было ранее, но и лица, которые обязаны этот учет и хранение вести непосредственно.

Третья презумпция привлечения к субсидиарной ответственности (подпункт 3 пункта 2 статьи 61.11). Само по себе наличие не нормативного правового акта или приговора суда, которым руководитель должника признан виновным в совершении административного, налогового и/или уголовного правонарушения, не освобождает заявителя от обязанности доказывания оснований для привлечения к ответственности.

Четвертая презумпция привлечения к субсидиарной ответственности (подпункт 4 пункта 2 статьи 61.11). Закон о банкротстве дополнен новой презумпцией, которая связывает не возможность полного погашения требований кредиторов с отсутствием или искажением корпоративной документации [10].

Пятая презумпция привлечения к субсидиарной ответственности (подпункт 5 пункта 2 статьи 61.11). Кроме того, Закон о банкротстве дополнен презумпцией, предполагающей, что не возможность полного погашения требований кредиторов прямо связана с отсутствием или недостоверностью сведений, подлежащих отражению в ЕГРЮЛ и ЕФРСФДЮЛ.

Вывод. Чтобы привлечь лицо к субсидиарной ответственности при банкротстве необходимо установить и доказать наличие следующих обстоятельств:

- У привлекаемого к ответственности лица имеется статус контролирующего должника лица;
- Существуют негативные последствия, которые привели к нереальности полного удовлетворения требований кредиторов;
- Причинно-следственная связь между действием и (или) бездействием лица, контролирующего должника и негативными последствиями.

Кроме того, нужно подметить, что нет универсальных правил установления причинно-следственной связи, система должна гибко подходить к этому вопросу и не устанавливать правила и ограничения в этом вопросе.

Литература:

1. Гришина, О. П. О привлечении бывшего руководителя к субсидиарной ответственности // Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. N 7. с. 28–34.
2. Доля, Г. Субсидиарная ответственность топ-менеджеров компании за налоги и невыплату заработной платы персоналу // Трудовое право. 2018. N 6. с. 19–28.
3. Новикова, Е. Субсидиарная ответственность директоров обанкротившихся фирм за долги // Трудовое право. 2018. N 2. с. 57–74.
4. Никитин, А. Ю. Кто ответит за банкротство организации // Главная книга. 2017. N 19. с. 89–92.
5. Штукмастер, И. Кто ответит за долги компании, если она платит не в состоянии // Налоговый учет для бухгалтера. 2017. N 9. с. 27–36.

6. Кислов, Д. Кто ответит за налоговые грехи компании // Новая бухгалтерия. 2019. № 3. с. 28–39.
7. Семенихин, В. В. Ответственность организаций и их руководителей. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2018. 1014 с.
8. Литовцева, Ю. Нюансы привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности // Юридическая работа в кредитной организации. 2018. № 3. с. 39–46.
9. Осипенко, О. В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. 448 с.
10. Степанов, Д. И., Михальчук Ю. С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М.: Статут, 2018. 207 с.

Психологический и криминологический портрет личности киберпреступника

Самурханов Максим Салманханович, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В статье рассмотрены психологические и криминологические особенности личности киберпреступника. Более подробно рассмотрен портрет личности хакера.

Ключевые слова: киберпреступность, хакеры, компьютерная информация, средства компьютерной техники.

Термин «киберпреступность» также выступает правовой категорией, синонимичной термину «компьютерные преступления». Современная компьютерная преступность носит высокотехнологичный, организованный и латентный характер, причиняя обществу и государству огромный экономический вред, приобретая масштаб угрозы национальной безопасности. В связи с увеличением количества компьютерных пользователей, растет и число пользователей, способных принести ущерб обществу и государству.

Исходя из этого, исследование и выявление криминологического портрета киберпреступника и его личностных характеристик подтверждает свою актуальность. Источником информации об индивидуальных характеристиках личности киберпреступников являются исследования материалов дел о совершении преступлений в сфере компьютерной информации, мониторинги нелегальных форумов в Интернете, исследования научного сообщества, а также установку в Интернете «ловушек для хакеров».

Зарубежный опыт свидетельствует, что сам факт появления компьютерной преступности в обществе многие исследователи отождествляют с появлением «хакеров» (англ. «hack» — рубить, ломать) — пользователей вычислительной системы (обычно сети ЭВМ), занимающихся поиском незаконных способов получения несанкционированного доступа к средствам компьютерной техники (СКТ) и данным в совокупности с их несанкционированным использованием в корыстных целях [1].

Согласно одной из классификаций хакеры делятся на хороших (белых) и плохих (черных). Первые исследуют безопасность системы, ищут и устраняют уязвимости, передают советы программным разработчикам. Вторые —

ищут в системах уязвимые места, заражают компьютеры, используя это в своих интересах.

По последним оперативным данным, хакеры в России объединены в региональные группы, издают свои электронные средства массовой информации (газеты, журналы, электронные доски со срочными объявлениями), проводят электронные конференции, имеют свой жаргонный словарь, который распространяется с помощью компьютерных бюллетеней, в которых также имеются все необходимые сведения для повышения мастерства начинающего — методики проникновения в конкретные системы и взлома систем защиты. Российские хакеры тесно контактируют с зарубежными, обмениваясь с ними опытом по глобальным телекоммуникационным каналам. К представителям хакеров относятся молодые люди — школьники, студенты, увлекающиеся компьютерной техникой и взламывающие различные защитные системы.

Хакеры, как правило, творческие личности, способные идти на риск. Эксперты, исследующие характеристики таких лиц, утверждают, что хакеры — способные молодые люди, которые проводят за компьютером по 12–16 часов в сутки до полного изнеможения. Их внешний вид часто бывает неопрятным. Они прекрасно знают технические особенности операционных систем, языки программирования и возможности периферийного оборудования.

Мы можем наблюдать преобладание молодого поколения среди киберпреступников. Объясняется это тем, что навык владения компьютером они получили еще в раннем возрасте. Также киберпреступления совершаются мужчинами в 5 раз чаще, чем женщинами. 54 % этих людей имеет высшее или неоконченное высшее

техническое образование. 19 % имеют другое высшее или неоконченное высшее образование. Незначительным видится влияние семейного положения на совершение киберпреступлений. Доля, состоящих в браке, составляет 40,6 против 59,4 одиноких людей.

Обращаясь к данным криминологических исследований личности преступника можно заметить, что в системе их ценностей лидирующие позиции отводятся индивидуальным либо кланово-эгоистическим ориентациям. Превыше всего в таких случаях ставятся личное материальное благополучие, свободное проявление своего «Я», создание для этого наиболее комфортных условий, либо клановый, групповой эгоистический интерес [2].

Эксперты бихевиористы, занимающиеся изучением поведения конкретно киберпреступников как социальной группы, делают вывод, что у них могут встречаться психические отклонения — психоз, расстройства личности, интернет-зависимость. Так, исследование мотивов киберпреступников позволяет свести их трем основным группам [3].

- ярко-выраженный корыстный мотив (72 %);
- профессионализм в области компьютерной техники, фанатизм и изобретательность преступника (24 %);
- психические заболевания преступника, информационные болезни и мании (4 %).

Чаще всего хакеры начинают свою деятельность еще во время обучения в университете. Они полагают, что задача вуза — создавать и распространять знания, а не держать их в тайне. Киберпреступники придерживаются этого взгляда независимо от того, являются ли они студентами или нет.

По мнению хакеров, «хорошим» кодом могут пользоваться все, а «плохой» код должен быть исправлен. Программы не должны быть защищены авторским правом или снабжены защитой от копирования. Программный код общепотребимых программ и операционных систем должен быть открытым.

Литература:

1. Волчинская, Е. К. Защита персональных данных: Опыт правового регулирования. М.: Галерея, 2001.
2. Здравомыслов, Б. В. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть. М., 1996.
3. Степнов, Е. А., Корнеев И. К. Информационная безопасность и защита информации: Учеб.пособие. М.: Инфра-М, 2001
4. Здравомыслов, Б. В. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть. М., 1996.

Киберпреступники всегда действуют согласно четким мотивам. Абсолютно все хакеры, как одиночки, так и участники организованных преступных группировок, отчетливо намечают себе цели, которые необходимо достичь. Их деятельность строится на энтузиазме. Они составляют планы и внедряют инновации. Чем же киберпреступления так привлекают отдельных людей? Почти все подобные преступления отличает простота исполнения и минимальный риск. И если все пойдет по плану, то успех преступника превзойдет все его ожидания. Ведь очень удобно грабить тех, кого ты не видишь — отсутствует психологический барьер между преступников и его жертвой. Именно возможность сохранения полной анонимности пользователя системы является основным криминогенным фактором психологического характера, который присущ киберпространству. В подобных условиях преступник видит возможность безнаказанного совершения преступления, отсутствие механизма поимки.

Обращаясь к данным криминологических исследований личности преступника можно заметить, что в системе их ценностей лидирующие позиции отводятся индивидуальным либо кланово-эгоистическим ориентациям. Превыше всего в таких случаях ставятся личное материальное благополучие, свободное проявление своего «Я», создание для этого наиболее комфортных условий, либо клановый, групповой эгоистический интерес [4]. Исследователи указывают, что возрастной диапазон хакеров колеблется от 14 до 45 лет. 54 % киберпреступников — это молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет; 13 % — от 26 до 40 лет.

В заключение обобщим результаты мониторинга личностных и криминологических характеристики типичного киберпреступника: им является мужчина в возрасте от 14 до 45 лет, холостой, высшее или неоконченное высшее техническое образование, ранее не судимый, самоуверенный, яркая личность с высоким интеллектом.

Основные проблемы института необходимой обороны в России и ее сущность

Утеуов Бирустем Сейлханович, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

В статье приведены основные проблемы института обороны России. Существующее уголовное право не имеет конкретного и полного понятия необходимой обороны, поэтому следует проанализировать ряд трактовок для более полного определения. Также не раскрыта проблема правового регулирования в современном законодательстве.

Ключевые слова: необходимая оборона, насилие, защита прав и свобод человека.

The article presents the main problems of the Russian defense Institute. The existing criminal law does not have a specific and complete concept of necessary defense, so a number of interpretations should be analyzed for a more complete definition. The problem of legal regulation in modern legislation is also not disclosed.

Keywords: necessary defense, violence, protection of human rights and freedoms.

Несмотря на то, что институт необходимой обороны был создан давно, в соответствии с законодательством Российской Федерации, ряд вопросов, связанных с этой ситуацией, не решены, устранены преступления за совершенные действия. Это связано с тем, что с каждым годом увеличивается количество научных исследований по конкретному предмету, а также обновляется практика предварительного рассмотрения судов РФ по необходимому делу защиты и превышения пределов «господствует обвинительный уклон» [3, с. 769].

Срочность этого вопроса заключается в том, что необходимая защита является одним из основных инструментов для укрепления закона и порядка, общественной безопасности и законности, защиты прав граждан и предотвращения преступности. Существующее уголовное право не имеет конкретного и полного понятия необходимой обороны, поэтому следует прибегать к юридической доктрине.

В настоящее время существуют две основные проблемы, первая — оценка степени защиты и характера опасности. Как показывает практика, доказать законность защиты очень сложно, когда перед человеком возникают необычные ситуации, природа, степень опасности и, что более важно, когда здоровье близких находится под угрозой, но на нынешнем этапе решения этой проблемы не найдено. Во-вторых, законодатель ограничивает обороняющегося в методах и средствах защиты.

Нормы конституционного права излагают основные положения, которые находят их последующей модификации в других отраслях права. Это та роль, которая составляет Конституцию, потому что, если она не найдет поддержки в конституционной норме, ни одна ветвь закона не может существовать и развиваться самостоятельно. Статья 37 Уголовного кодекса РФ устанавливает ситуацию, исключающую виновность действия — необходимой защитой, по сути, является разработкой и воплощением конституционной нормы в сфере защиты прав человека [9].

В научной литературе предлагаются критерии, определяющие наличие (отсутствие) превышения пределов не-

обходимой обороны (А. П. Дмитренко, И. П. Панфилов, К. И. Попов и др.); анализируется законодательное определение необходимой обороны и практика ее толкования в суде (А. В. Савинов, М. А. Фомин и др.). Однако в теории уголовного права и в сфере законотворчества остаются дискуссионными такие актуальные проблемы применительно к институту необходимой обороны, как проблема правового регулирования в современном законодательстве.

Д. Н. Ушаков, считает, что слово «необходимость» выступает как «крайняя надобность, обязательность, неизбежность чего-либо» [11, с. 523]. Термин «оборона» лингвист объясняет так: «противодействие нападению» или «боевые действия, состоящие в защите от нападающего противника и отражении его» [6].

Различные учёные по-разному определяют понятие необходимой обороны. Так, доктор юридических наук, профессор В. П. Ревин говорит, что необходимая оборона — это правомерная защита личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства [4, с. 326].

И. В. Алёшина, А. И. Плотников и другие авторы считают, что необходимая оборона — это правомерная защита личности, общественных и государственных интересов от общественно опасного посягательства путём причинения вреда посягающему. Такое же понятие применяет и заслуженный юрист Российской Федерации В. И. Гладких [1, с. 75].

Авторский коллектив Томского государственного университета, в частности И. А. Никитина, определяет, что необходимая оборона — это правомерное пресечение общественно опасного посягательства при защите интересов личности, общества или государства путём причинения вреда посягающему [10, с. 50].

Н. Е. Тиханова полагает, что необходимая оборона означает юридическое поведение человека, который защищает юридически защищенные ценности и тем самым причиняет вред посягающему человеку [7, с. 200].

По мнению Т. П. Ретунской, необходимой защитой в уголовном праве является акт насилия в отношении

лица, совершающего социально-опасные действия [5, с. 132].

Основным Законом нашего государства человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью [2]. Каждый гражданин Российской Федерации имеет право на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45 К РФ). Одним из таких способов является необходимая оборона. Институт необходимой обороны закрепляется и регламентируется Уголовным Законом Российской Федерации [9] (ст. 37): «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

Наличие юридически закрепленного определения необходимой защиты, к сожалению, не способствует консенсусу в теории уголовного права в отношении рассматриваемого юридического учреждения. Некоторые авторы считают, что сущностью необходимой защиты является «правовая защита от социально-опасного посягательства [1, с. 86].

Это мнение поддерживают такие исследователи, как А. Н. Попова, В. И. Ткаченко, А. В. Наумов и другие. Следующие авторы предлагают более подробное описание понятия «необходимая оборона». Н. С. Таганцев писал в своих трудах о защите, необходимой для нанесения вреда интересам правоохранительных органов человека, нападающего на вас или других [8, с. 259].

В. И. Ткаченко, полагал, что с точки зрения активных действий необходимая защита — это посягательство, сильное подавление контратаки, и только активная защита может надежно предотвратить нападение на общественные отношения [1, с. 91].

Очевидно, что представленные точки зрения исследователей характеризуют необходимую оборону только как активное действие.

Проанализировав нормы закона, регулирующего изучаемый институт, можно сделать следующий вывод: необходимая оборона имеет двунаправленное присутствие в зависимости от наличия или отсутствия угрозы жизни посягающего лица. С одной стороны, человек может навредить иному лицу, который посягает на первое лицо, защищая себя и свои права или права других, если преступление связано с угрозой насилия или непосредственно насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ).

Литература:

1. Гладких В. И. Уголовное право России. Общая часть. М.: Новосибирский государственный университет, 2012.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)// Информационная справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. с. 34.
4. Побегайло Э. Ф. «Избранные труды». СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. с. 769.
5. Ретунская Т. П. Необходимая оборона как институт уголовного права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2008. № 5. с. 131–140.
6. Симашенков П. Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации // Концепт. — 2015. — № 06 (июнь).
7. Тиханова Н. Е. Условия правомерности необходимой обороны от опасных для жизни посягательств // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические. 2016. № 2–2. с. 199–203.
8. Тологлы Г. Ю. Сравнительная характеристика института необходимой обороны в России и за рубежом // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 12 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.] — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2019. — с. 218–219.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017)// Информационная справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. Уздимаева Н. И. История правовой самозащиты в России // Социально-политические науки. — 2011. — № 1. — с. 50–53.
11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: Дом Славянской кн., 2008.

Зарубежный опыт правового регулирования необходимой обороны

Утеуов Бирустем Сейлханович, студент магистратуры
Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск)

Уголовное право зарубежных стран регулирует условия, исключающие преступный акт несколькими способами. Начиная с самой общей нормы определения, которая закрепляет законность необходимой защиты и заканчивается определенной правовой структурой. В то же время признание права на необходимую защиту от угрожаемых опасностей характерно практически для всех стран мира [3, с. 218].

Поэтому вопрос определения превышения пределов необходимой защиты в уголовном законодательстве РФ в настоящее время недостаточно разработан и требует совершенствования правового регулирования. Возможно, законодатель должен обратить внимание на карательное регулирование этого вопроса в зарубежных странах и принять свой положительный опыт в решении этой проблемы [1, с. 52].

Поэтому в некоторых зарубежных странах рассмотрено более подробное решение необходимых оборонных мер. В законодательстве зарубежных стран основные положения, касающиеся необходимой обороны, содержатся в отдельных разделах. Например, в законодательстве Испании и Германии необходимые нормы самообороны гораздо мягче, чем в РФ по отношению к пострадавшим. В Германии и Испании человек не будет привлечен к уголовной ответственности, если это было покушение на его жизнь.

В Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия говорится, что необходимая защита является основой, которая устраняет уголовную ответственность. И Уголовный кодекс Испании содержит положения «не облагаются уголовной ответственностью лица, которое действует для защиты своей личности и прав, а также для защиты личности или прав другого лица» [5].

С принятием 27 сентября 2012 г. Верховным Судом Российской Федерации Постановления № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, которое совершило преступление», была реализована серьезная потребность судебно-следственной практики в новых полноценных пояснениях правовых позиций высшей судебной инстанции по данной категории дел.

Из всей системы связей с общественностью выделение этих условий исключает преступление акты позволяют людям более полно выполнять свои естественные права, гарантированные Конституцией Российская Федерация поощряет решимость и активность при выполнении своих обязанностей.

Такой, более широкий, подход к рационализации проанализированных условий может быть применен к каждому человеку для каждого конкретного случая, решить

эти проблемы, действовать в соответствии с вашей жизненной позицией, защищать от негативного воздействия окружающей среды, формирования общества, без риска уголовного преследования государством.

Критерием для определения социальной опасности действия не должны служить черты личности человека, совершившего преступный акт.

Решение № 2 19. в статье он пытался определить критерии социально опасного нападения, связанного с опасным для жизни насилием защитника или другого человека. Это решение Пленума Верховного Суда РФ, в частности:

— причинение вреда здоровью, представляющего реальную угрозу жизни защитника или другого лица (например, травмы жизненно важных органов));

— применение метода изнасилования, представляющего реальную угрозу жизни защитника или другого лица (использование предметов, используемых в качестве оружия или оружия, утопление, поджог и т. д.) [2, с. 15].

В Великобритании применяется защита, необходимая для защиты себя, своего имущества, других и защиты интересов общества и государства. В связи с этим законом человеку разрешено прибегать к власти, чтобы предотвратить преступление, но только в разумных пределах, либо при производстве законного ареста преступника или подозреваемого, либо при оказании помощи в таком аресте [3, стр.15]. В Великобритании был разработан законопроект об уголовном праве, который кодифицирует действующее в настоящее время законодательство.

Согласно этому законопроекту, человек может обратиться к власти только в том случае, если это разумно разрешено при обстоятельствах, он считает, что это происходит реалистично в следующих ситуациях: чтобы защитить себя или других от травм, нападений или незаконного ареста; чтобы защитить себя или другого человека с его согласия во-вторых, от вторжения, то есть от нарушения имущественных прав; для защиты имущества или его изъятия, снос или снос, предусмотренный уголовным законодательством; для защиты имущества другого лица от его аналогов [2] для предотвращения преступности или нарушения общественного порядка. Человек, который действует на основе перечисленные в законе, согласно этому законопроекту, лишены защиты, если он это знает или догадывается, что он реализует что касается того, как полицейский выполняет свой долг, если приложение не думает, что это так сила необходима в это время, чтобы предотвратить травму или травму другого человека. Заявленная защита законопроект не распространяется на человека, если его поведение спровоцировало нападение, за исключением случаев законное поведение человека,

спровоцировавшего такую атаку. Проект уголовного закона не регулирует отдельные вопросы.

В Уголовном кодексе многих других стран вопрос о границах законности защиты прав и интересов государства и общества напрямую не решен. Как правило, законодатель говорит о защите жизни, здоровья, личной целостности и других прав человека. Такие формулировки включают в себя Уголовный кодекс Австрии [2], Албании, Андорры, Гондураса и так далее. Однако мы можем согласиться с тем, что в законодательстве этих стран подразумевается государство с «другими лицами». В Уголовном кодексе британских стран общего права объект изнасилования (как и многие другие понятия) описывается очень подробно, хотя иногда и повседневно. Во многих странах мира характер изнасилования определяется в Уголовном кодексе как незаконное изнасилование, нападение на наличные деньги.

В Уголовном Кодексе Албании, Бразилии, Колумбии, Кот-д'Ивуара, Панамы, Румынии говорится о несправедливом (*injusta*) нападении; в Уголовном Кодексе Армении [2], Беларуси, Казахстана, Киргизии-об общественно опасном посягательстве. Мы считаем, что правильнее идентифицировать принятое изнасилование как социально опасное, поскольку на практике возможна необходимая защита от действий безумного человека, который, конечно, не действует незаконно. С другой стороны, защитник не всегда может определить незаконный характер изнасилования во время его совершения. При этом Уголовный кодекс Индии, Сингапура и некоторых других стран Британского общего права специально предусматривает право психически больного и молодого человека на самооборону.

В некоторых случаях законодатель напрямую допускает необходимую сторону против будущего изнасилования, если это кажется неизбежным (Уголовный Кодекс Бразилии, Венгрии, Индии, Исландии, Колумбии, Кубы, Панамы, ряда штатов США) [5].

Особенностью создания ряда иностранных уголовно-правовых систем является то, что законодатель является своего рода Карине, требующей защиты в случае незаконного въезда иностранного лица в жилье (склад товаров) или попыток такого проникновения (Уголовный кодекс Алжира, Бельгии, Колумбии, Коста-Рики, Кот-д'Ивуара, Литвы, Мадагаскара, Марокко, Мексики, Молдавии, Никарагуа, Туниса, Украины [4]). В то же время в Уголовном кодексе некоторых стран особенно опасно ночное проникновение. Некоторые уголовные кодексы, среди прочего, указывают на признаки нападения, такие как реальность, то есть наличие реальности (Албания, Молдова, Мексика, Румыния, Сан-Мари деко). Обычно этот знак встречается только в доктрине уголовного права. Условия законности защиты указывают не только на характер изнасилования, но и на некоторые особенности хотя защитник считает возможным включение в уголовные дела инструкций по необходимым вопросам защиты Коды — это не все иностранные депутаты.

Таким образом, уполномоченные лица почти всех стран мира рассматривают необходимую защиту как социально полезное действие, что вполне естественно, потому что это субъективное право каждого и, естественно, должно рассматриваться как одно из самых важных способов борьбы с преступностью—это инструменты, которые каждый может использовать для прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, необходимая защита служит эффективным инструментом для социальной стигматизации опасных действия и особенно признаки преступления, такие как угроза непосредственно убитым или раненым изнасилование имеет более страшный эффект на месте, чем вероятность осуждения. Институт необходимой обороны выполняет профилактическую функцию в некоторой степени, поскольку угроза быть убитым или раненым непосредственно на месте посягательства является весьма устрашающим обстоятельством.

Литература:

1. Аджиманбетов, Т. А. Проблемы применения института необходимой обороны: совершенствование законодательной основы // Теология. Философия. Право. 2018. № 1 (5). с. 52–60.
2. Дядюн, К. В. Право на необходимую оборону: проблемы реализации // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2014. № 5 (6). с. 7.
3. Егорова, Н. А., Гордейчик С. А. Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, которое совершило преступление // *Законность*. 2013. № 2. с. 15–20.
4. Тиханова, Н. Е. Условия правомерности необходимой обороны от опасных для жизни посягательств // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические*. 2016. № 2–2. с. 199–203.
5. Толстикова, М. Л. Состав убийства при превышении пределов необходимой обороны в системе преступлений против жизни // *Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XLII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 7(42)*. URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/7\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/7(42).pdf) (дата обращения: 26.05.2020)

Проблемы реализации прав граждан при проведении публичных мероприятий на территории Российской Федерации

Чаплинский Владимир Борисович, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

В статье рассмотрены основные нормативно-правовые акты, регулирующие проведение публичных мероприятий на территории Российской Федерации, раскрывается порядок действий органов власти по проведению публичных мероприятий, а также основные проблемы, связанные с их организацией.

Ключевые слова: публичные мероприятия, митинги, пикеты, право и порядок.

Вопросы регулирования публичных мероприятий, как в России, так и в других странах мира никогда не теряли своей актуальности. В настоящее время, во многих странах политико-правовая ситуация характеризуется активным использованием гражданами права на проведение публичных мероприятий как способа выражения общественных интересов и защиты своих прав и свобод. Россия в этом случае не является исключением, развитие института прав и свобод граждан в различных сферах, в свою очередь приводит к развитию системы организации и проведения массовых (публичных) мероприятий как инструмента изъяснения своих прав. Учитывая нарастающий характер развития публичных мероприятий, а также тот факт, что данная тематика рассматривается в трудах многих научных деятелей России, (таких как, Гриценко Е.В, Иванова К. А., Карташов В.Н) вопросы правового регулирования являются наиболее актуальными в современной России.

Правовая основа проведения публичных мероприятий на территории Российской Федерации

Так, в соответствии с 31 статьёй Конституции Российской Федерации одним из наиболее важных политических прав это «право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» [1]. Данная статья тесно переплетается с положениями 18 статьи Конституции России, определяющих, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл содержания и применения законов. Помимо этого, на территории России действует Федеральный закон от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в данном законе, даётся развёрнутое объяснение общих положений, а также порядок организации и проведения публичных мероприятий.

Так в соответствии со статьёй 2 Федерального закона № 54-ФЗ Публичное мероприятие определяется как «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе

с использованием транспортных средств» [2, см. ст. 2]. Основываясь на официальных определениях, таких понятий как собрание, митинг, демонстрация, шествие и пикетирование, можно сделать вывод, что законодательная власть разграничивает отдельные формы публичных мероприятий на основе нескольких основных критериев, а именно: критерий места проведения мероприятия (специально отведённое либо не специально отведенное), критерий особенности действий участников публичных мероприятий (с перемещением либо без него), критерий численности участников публичного мероприятия (массовый либо противоположный ему характер) а также критерий целей, которые разделяют участники публичного мероприятия (рассмотрение особенно значимых вопросов, выражение настроения общественности и привлечение внимания общественности к проблеме).

Также стоит выделить что в статье 7 Федерального закона № 54-ФЗ также поэтапно раскрывается порядок действий для организации публичного мероприятия. Данный процесс начинается с подачи в орган власти специальных сведений, которые необходимо предоставить для проведения всех необходимых проверок и вынесения заключения. К таким сведениям относятся:

- 1) цель публичного мероприятия;
- 2) форма публичного мероприятия;
- 3) место (места) проведения публичного мероприятия, маршруты движения участников, а в случае, если публичное мероприятие будет проводиться с использованием транспортных средств, информация об использовании транспортных средств;
- 4) дата, время начала и окончания публичного мероприятия;
- 5) предполагаемое количество участников публичного мероприятия;
- 6) формы и методы обеспечения организатором публичного мероприятия общественного порядка, организации медицинской помощи, намерение использовать звукоусиливающие технические средства при проведении публичного мероприятия;
- 7) фамилия, имя, отчество либо наименование организатора публичного мероприятия, сведения о его месте жительства или пребывания либо о месте нахождения и номер телефона;

8) фамилии, имена и отчества лиц, уполномоченных организатором публичного мероприятия выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия;

9) дата подачи уведомления о проведении публичного мероприятия» [2, см. ст. 7].

Организатор публичного мероприятия обязан не позднее, чем за три дня до дня проведения публичного мероприятия (за исключением собрания и пикетирования, проводимого одним участником) информировать орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления в письменной форме о принятии (непринятии) его предложения об изменении места и (или) времени проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия. После же этого организатор обязан обеспечивать соблюдение условий проведения публичного мероприятия, указанных в уведомлении о проведении публичного мероприятия или изменённых в результате согласования с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления [2 см. ст. 5].

Как можно заметить, на первый взгляд, все перечисленные пункты федерального закона достаточно просты и не нуждаются в лишних комментариях, тем не менее в различных регионах нашей страны раз за разом возникают трудности и противоречия в проведении подобных мероприятий, которые в некоторых случаях приводили к серьёзным последствиям как для участников, так и для органов власти, согласовавших подобные мероприятия.

Дальнейший разбор темы предполагает необходимость раскрытия двух основополагающих документов, регулирующих право людей на проведение мирных мероприятий.

К данным документам относится:

1) Всеобщая декларация прав человека:

Статья 20

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.

2. Никто не может быть принуждаем вступать в какую-либо ассоциацию.

2) Конвенция о защите прав человека и основных свобод:

Статья 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья

не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооружённых сил, полиции или административных органов государства.

Также необходимо отметить тот факт, что права человека не подлежат никаким ограничениям, кроме тех, что предусмотрены законом в интересах безопасности и охраны здоровья граждан.

Проблемы организации и проведения Публичных мероприятий

Несмотря на тот факт, что в Российской Федерации право человека на участие в публичных акциях закреплено в самых значимых нормативно-правовых актах, проблемы с их организацией всё ещё имеют место на внутригосударственном уровне. В большинстве случаев основной причиной является неправильное толкование российского законодательства о публичных мероприятиях органами государственной власти на федеральном и на региональном уровне.

В свою очередь, данная проблема вызвана неспособностью властных органов на должном уровне заниматься регулированием законодательства в сфере проведения публичных мероприятиях. Так, государственным органам власти потребовалось почти 6 лет (с 2010 по 2016 год), чтобы решить проблему неопределённости в вопросе о том, в какой из форм публичных мероприятий может быть организована акция с использованием транспортных средств. Официально такая возможность появилась в 2010 году с внесением в понятийный аппарат Федерального закона № 54-ФЗ. Однако нововведение практически сразу же стало причиной появлению правовой неопределённости в вопросе о том, в каких именно формах возможно проведение публичных мероприятий с применением транспорта. Разногласия и споры длились вплоть до 2016 года, пока раздел о демонстрациях Федерального закона № 54-ФЗ не дополнили указанием на возможность осуществления передвижения с использованием транспорта.

И также можно вспомнить весьма дискуссионную тему, о возможности проведения общественных мероприятий на территориях, принадлежащих физическим лицам. В 2012 году федеральные органы власти предоставили субъектам Российской Федерации возможность выбора создания регионального перечней мест где, в которых проведение публичных мероприятий находится под запретом. В итоге во всех субъектах Российской Федерации в обязательном порядке запретили проводить общественные мероприятия в зданиях вокзалов, аэропортов и в других культурных учреждениях.

Так, в соответствии с законом Приморского края от 25.02.2011 № 742-КЗ о публичных мероприятиях в Приморском крае, запрещается проведение собраний, митингов, шествий, демонстраций:

1. в зданиях вокзалов, аэропортов, торгово-развлекательных центров, образовательных организаций, медицинских, физкультурно-спортивных организаций,

на рынках, а также на прилегающих к ним территориях — на расстоянии 100 метров от любой точки периметра соответствующих зданий, а если здание имеет огражденную территорию — от любой точки периметра ограждения;

2. в расположении воинских частей, военных организаций и учреждений;

3. в культовых зданиях и сооружениях, иных местах и объектах, специально предназначенных для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества), а также на прилегающих к ним территориях — на расстоянии 100 метров от любой точки периметра соответствующих зданий, сооружений мест, объектов, а если здание, сооружение, место, объект имеют огражденную территорию — от любой точки периметра ограждения;

4. в зданиях, в которых располагаются культурные, спортивные, развлекательные центры (во время проведения в них культурных, спортивных, развлекательных и иных мероприятий);

5. на остановках общественного пассажирского транспорта, тротуарах, детских и спортивных площадках;

6. в зданиях, в которых располагаются учреждения, осуществляющие деятельность в сфере предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также на прилегающих к ним территориях — на расстоянии 100 метров от любой точки периметра соответствующих зданий, а если здание имеет огражденную территорию — от любой точки периметра ограждения;

7. в зданиях, в которых располагаются органы государственной власти Приморского края, органы местного самоуправления. [4 п. 2 ст. 2].

Суть данного решения заключается в необходимости получения разрешения у собственника территории, на которой, планируется проведение мероприятия. Формально данное введение не противоречит положениям Федерального закона № 54-ФЗ, но всё же является определённого рода обременением и препятствием в доступе к свободе проведения публичных мероприятий, так как обязывает организаторов представлять дополнительные документы, не требуемые, с точки зрения федерального законодательства.

Кроме этого, можно отметить тот факт, что при реализации своих прав на проведение публичных мероприятий граждане нередко сталкиваются с проблемами, обусловленными наличием пробелов в законодательстве, что не раз становилось предметом обращений граждан в Конституционный суд Российской Федерации, а также в Европейский суд по правам человека. При этом стоит отметить, что в последние годы действия данных инстанций в некоем роде походят на «борьбу», которая носит больше политический, нежели, правовой характер.

Как было отмечено некоторыми правовыми деятелями, на любом решении органа судебного конституционного контроля неизбежно отражается необходимость разрешения возникающих политических конфликтов. Одной из наиболее острых проблем также является обилие оце-

ночных и нечётких по содержанию терминов и конструкций, позволяющий трактовать их неоднозначно. Так неопределённый характер процесса согласования проведения публичных мероприятий, является центром многих дискуссий, данный вопрос даже рассматривался в Конституционном суде России. Неопределённость в данном случае усматривается в противоречиях статей закона. Так, статья 7 Федерального закона № 54-ФЗ закрепляет уведомительный порядок процесса согласования проведения публичных акций, однако в то же время статья 12, носит разрешительный характер. По мнению, многих исследователей разрешительный порядок проведения публичных мероприятий должен быть чётко установлен законом через конкретизацию требований для получения разрешения, в противном случае у органов государственной власти появляется возможность субъективного суждения в процессе согласования проведения публичных мероприятий, что недопустимо, так как ведёт к ограничению свобод.

Кроме этого, также существует определённая проблема в статье 8 Федерального закона № 54-ФЗ, где при перечислении требований к месту проведения публичного мероприятия говорится о необходимости отсутствия «иной угрозы безопасности участников» публичного мероприятия. На практике такая формулировка вкупе со ссылкой на угрозу безопасности даёт возможность органам власти при согласовании места проведения мероприятия определять «иную угрозу» безопасности на своё усмотрение. Нет чёткости в требовании закона о запрете проведения мероприятий в определённых местах, если это создаёт «помехи движению пешеходов, транспортных средств». И это при том, что практически любое мероприятие может создать помехи транспорту и пешеходам. Продолжая анализировать законодательство в сфере проведения публичных мероприятий также можно обратить внимание на отсутствие чётких регламентов для проведения спонтанных, стихийных мероприятий. Оно может возникать в ситуациях, когда соблюдение законодательно установленных сроков невозможно, при этом планируемое мероприятие имеет особую значимость для людей, которые в свою очередь всё равно принимают в нём участие. В настоящее время общий порядок проведения публичных мероприятий в России предполагает, что субъекты Российской Федерации на своём уровне должны предусмотреть специальные места для коллективного проведения и обсуждения общественно значимых вопросов, а также массового присутствия граждан. Использование специальных мест предполагает, что подача уведомления о его проведении в органы власти необязательна. Если проанализировать опыт зарубежных стран, то можно узнать, что проведение данных мероприятий свойственно многим государствам, при этом в некоторых из них предусмотрены специальные институты срочных и спонтанных публичных мероприятий. Интерес к данному институту в России появился в связи с Постановлением европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ),

от 07.02.2017 года, по делу «Лашманкин и другие против РФ» [11]. В соответствии с делом заявители направляли в органы власти России официальные уведомления о планируемых мероприятиях. В проведении данных мероприятий им было отказано. В то же время им предложили альтернативные места (и время) которые, по их мнению, не соответствовали целям их мероприятий, в связи с чем оно не состоялось.

В связи с данными обстоятельствами ЕСПЧ сформировал следующую правовую позицию:

Во-первых, такие мероприятия должны быть ответом на какое-то важное (требующее немедленной реакции) событие, которое нельзя было предвидеть.

Во-вторых, смысл проведения подобных мероприятий связывается с необходимостью довести до общественности определённое послание, которое будет ослаблено, если следовать стандартным процедурам проведения мероприятий.

В-третьих, спонтанные мероприятия допустимы до тех пор, пока они являются мирными по своей природе.

Стоит заметить, что в Российской практике есть только один положительный пример в отношении института спонтанных публичных мероприятий. В том постановлении речь шла о проведении спонтанной встречи с избирателями. Конституционный суд указал, что встречи с избирателями могут быть квалифицированы как спонтанные только в том случае, если избиратели требуют проведения этой встречи, а депутат же не может провести встречу при таких условиях, так как федеральное законодательство такой возможности не предусматривает [12]. На данном деле положительные заключения судов заканчиваются.

На основании изученных судебных актов, можно выделить две основные правовые проблемы проведения подобных мероприятий.

1. Отсутствие достоверных источников информации, подтверждающих легальность или спонтанность какого-либо мероприятия.

Многие участники присоединяются к мероприятию уже в процессе его проведения, в то же время они не обладают о нем достоверной информацией, но при этом в случае задержания несут полную ответственность. Как показывает опыт, незнание лицом, участвующим в мероприятии о наличии или отсутствии уведомления органа исполнительной власти города о его проведении, не является основанием для признания лица невиновным.

2. Отсутствие в законе раздела о проведении срочных публичных мероприятий.

Помимо разного рода противоречий в законодательстве, также стоит отметить случаи неправомерного ограничения законных прав и интересов всех участников акций. В наше время, практика установления ограниченных прав в отношении законных интересов организаторов и участников публичных акций исходя из неприемлемости высказываемых гражданами взглядов, является весьма распространённой.

Одним из таких случаев является некорректное выявление круга рисков. В период организации и проведения публичных мероприятий, органами власти для обеспечения безопасности населения во время проведения публичных мероприятий, постоянно ведётся процесс выявления круга рисков. В данный период, одним из наиболее опасных действий со стороны органов власти выступает возможность возникновения ситуации с «подменной угроз». Подобное явление возникает в ситуации, когда связанные с мероприятием угрозы под влиянием каких-либо факторов (в том числе под влиянием чьих-либо субъективных взглядов) ложно расцениваются, в итоге чего законные интересы участников и организаторов публичных мероприятий могут быть неправомерно ограничены. Такой подход, в котором оцениваются взгляды определённых лиц, не одобряемый с позиции общества и власти является дискриминационным.

Например, в качестве неправомерного вмешательства в свободу собраний следует рассмотреть практику возврата гражданам для исправления недостатков уведомлений о проведении публичных мероприятий, при условии, что данные недостатки не влияют на уровень опасности. Прекращение публичного мероприятия может быть связано с несоответствием обстоятельств его проведения условиям указанным в уведомлении. Тут неправомерность действий имеет место лишь в случае, если как таковое несоответствие само по себе не увеличивает уровень угрозы во время проведения публичного мероприятия [8].

Помимо уже перечисленного, наложение неправомерных ограничений на проведение публичных мероприятий может быть осуществлено в связи с недооценкой либо переоценкой рисков, связанных с грядущим или уже проводимым мероприятием. То есть в случае преувеличения угроз, ограничения неизбежно будут носить неимоверно высокий, не вызываемый необходимостью характер. Как правило, власти допускают переоценку рисков, связанных с публичными мероприятиями в ситуации, когда был сформирован вывод о высоком уровне его опасности при отсутствии какой-либо реальной угрозы. Так в суде особенно часто рассматриваются подобные дела, ввиду того, что правоохранительные органы зачастую оперируют ложными выводами о том, что публичное мероприятие могло приобрести насильственный характер. Причём вывод о возможном нарушении порядка часто формируется при отсутствии на то объективных оснований. Помимо этого, на проведение публичного мероприятия может быть наложено неправомерное ограничение, которое явилось следствием недооценки властными органами уровня риска. Так, ложный вывод государственного органа о планируемом или уже проводимом мероприятии, может служить основой для неправомерного бездействия способствующего увеличению уровня опасности на проводимой акции, что в конце концов может стать причиной принятия в отношении организатора и участников жёстких ограничительных мер. В 2016 году

Европейский суд по правам человека, в так называемом деле «Фрумкин против России» (шестиве 2012 года «Марш миллионов», от Большой Якиманки к Болотной площади) сделал вывод, что на проведённом мероприятии имело место нарушение прав участников, так как Российские власти не предприняли необходимых мер по предотвращению зачатков противоправных действий, что обернулось эскалацией и нарушением общественного порядка.

Неправильное определение источника риска также является причиной возможного ограничения прав граждан на публичных мероприятиях. Грамотное определение данного риска очень важно по той причине, что ограничение проводимой общественной акции можно расценивать как законное только в том случае, если его можно применить адресно, по отношению к тому, от кого непосредственно исходит опасность. Данный подход находит своё подтверждение во многих зарубежных странах как, например, в США, где при рассмотрении дел, которые связаны с ограничением свобод, суд исходит из принципа индивидуальной ответственности за имевшее место противоправное поведение [9].

Вероятность возникновения неправомерных ограничений возникает в случае, если оценка рисков, связанных с организацией акций, производится в условиях широких дискреционных полномочий какого-либо из властных органов. Подразумевается, что непрозрачность условий оценки связанных с публичным мероприятием рисков способствует неправомерному ограничению свобод. В российской практике органы власти допускают неправомерные ограничения прав участников массовых мероприятий путём направления организаторам обоснованных предложений об изменении места или времени проведения мероприятий. Учитывая тот факт, что все предъявляемые обоснованные требования являются неопределёнными по своему содержанию-то будет вполне справедливо утверждать, что должностные лица наделены широкими полномочиями в оценке рисков, связанных с организацией и проведением публичных мероприятий.

Очередным фактором неправомерного ограничения прав и законных интересов участников публичных мероприятий является сбой при выборе органами власти средств минимизации рисков при проведении мероприятий. Так, начиная с 2012 году практически на всей территории России активно начала применяться практика проведения мероприятий в специально отведённых местах. Данный факт был связан с отказом органов власти согласовывать проведение мероприятий вне специальных мест, а также прекращение мероприятий ввиду их проведения на территориях, которые не относятся к специальным для этого отведённых. В большинстве случаев такие ограничения всегда являлись произвольными и тем самым противозаконными.

Перечисленные примеры неправомерности ограничения прав на проведение публичных мероприятий, как и общая неопределённость границ полномочий властных структур уже много лет вызывает шквал кри-

тики со стороны отдельных членов научного сообщества, рассматривающих подобные неточности как нарушение свободы собраний [9].

Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что неправомерность ограничения прав и законных интересов участников публичных мероприятий в большей степени является неким сбоем системы на этапах оценки, выявления и выбора средств минимизации рисков. Так, некорректная оценка рисков связана с переоценкой, недооценкой или же в неправильном определении источника угроз, сопровождающих публичные мероприятия. На этапе же выявления рисков зачастую имеет место использование личностных взглядов в качестве исключительного основания для формирования рисков. При выборе же средств минимизации рисков сбой происходит, в случае, если из всех доступных способов преодоления угрозы используется самый чрезмерный и наиболее снижающим гарантии прав и свобод собраний.

В заключение всего вышеизложенного можно отметить, что организация и проведение публичных мероприятий в любом правовом государстве невозможно без законного соблюдения прав и интересов всех участников планируемых мероприятий. Право собираться мирно для решения важных для общества вопросов, является одним из показателей уровня развития свободного государства.

В настоящий момент, Россию, к сожалению, ещё нельзя отнести к категории стран с наиболее отлаженным законодательством в сфере гражданского волеизъявления и проведения публичных (массовых) мероприятий. Необходимо учитывать тот факт, что с каждым годом уровень протестной активности в России увеличивается, а происходит это не только ввиду политических и социальных причин, но и по причине нечёткости законодательной базы, допускающей нарушение искомых прав и свобод людей.

На конец 2019 года в России насчитывается 12 регионов (включая города федерального значения) с высокой протестной активностью, на два больше чем в предыдущие несколько лет.

Проиллюстрируем это на рис. 1.

Тенденция к общему развитию протестных движений в России будет только увеличиваться. Именно по этой причине, органам государственной власти Российской Федерации, необходимо уделить особое внимание сложившейся ситуации и пересмотреть существующие подходы к регулированию системы проведения публичных мероприятий. Под этим в первую очередь автор подразумевает постепенный уход от применения одних лишь ограничительных мер в процессе реформирования законодательства. Следует в большей степени обратить внимание на иностранный опыт и путём сравнительного анализа выработать необходимые рекомендации для внесения свежих предложений по развитию данной области. Было бы целесообразно подвергнуть научному осмыслению вопросы расширения ряда глав и статей в Феде-

Рис. 1. Рейтинг протестной активности российских регионов [13]

ральном законе № 53-ФЗ. В особенности это глава посвящённая гарантиям реализации гражданами права на проведение публичных мероприятий, особенно хочется выделить возможность расширения данного раздела установлением ограничений для уполномоченных лиц на рассмотрение уведомлений о публичных мероприятиях, а именно недопустимостью оценки одним лишь

властным субъектом целесообразности планируемого публичного мероприятия, а также соответствия условий публичного мероприятия цели, для достижения которого оно проводится. Именно осмысленный и научный подход к изучению данной проблемы в итоге позволит выделить основные неровности отечественного законодательства и привести его идеальный порядок.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) Электронный ресурс: <http://www.constitution.ru/>
2. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ;
3. Федеральный закон от 09.03.2016 № 61-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1488.
4. Закон Приморского края от 25.02.2011 года № 742-КЗ «О публичных мероприятиях в Приморском крае» (с изменениями на 4 декабря 2019 года)
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020)
6. Страхова, Е.Р. «Необходимость совершенствования ответственности за нарушение порядка организации или проведения публичного мероприятия» 2019 год, 200 с;
7. Иванов, А. О. «Пределы ограничения права на публичные мероприятия в Российской Федерации» Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб., 2015. — 25 с.-Библиогр;
8. Симонова, С.В. Конституционно-правовое регулирование публичных мероприятий в Российской Федерации: Автореф. Дис. кандидат. Юр. наук. Москва, (МГЮА), 2017. — 240 с;
9. Питько, Т.В. Право на публичные мероприятия как способ борьбы за социальную справедливость/Т.В. Питько // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015. — № 6. — с. 121-124.

10. Величанская, Ю.Н. Свобода общественного мнения как конституционно-правовая категория: дис.... канд. юрид. наук. М., 2016.
11. Постановление ЕСПЧ от 07.02.2017 г. «Дело «Лашманкин и другие (Lashmankin and Others) против Российской Федерации»». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Конституционного Суда от 10 ноября по делу 2017 г. № 27-П // Российская газета. 2017. 24 ноября. № 267.
13. Доклад АНО «Институт региональной экспертизы», 2019 г.

Правовые основы деятельности военной полиции вооруженных сил

Чувашова Александра Анатольевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе рассмотрены особенности правового регулирования деятельности военной полиции вооруженных сил. Автором представлен анализ законодательной базы, регламентирующей деятельность военной полиции вооруженных сил, а также выявлены некоторые проблемы, которые требуют решений.

Ключевые слова: военная полиция, законодательство, устав военной полиции, военнослужащие.

Legal basis for the activities of the military police of the armed forces

The article discusses the features of legal regulation of the activities of the military police of the armed forces. The author presents an analysis of the legislative framework governing the activities of the military police of the armed forces, and also identifies some problems that need to be addressed.

Keywords: military police, legislation, military police charter, military personnel.

Охрана правопорядка и законности в государстве является основным критерием поддержания суверенитета страны. Также данная охрана обеспечивает защиту прав и свобод всех субъектов права. Общество, правоотношения и жизненный уклад страны динамически развивается, что отражается в систематическом изменении законодательства, появлением новых правоотношений. Любая сфера жизнедеятельности охватывает большую совокупность норм права, которые охраняются государственными органами власти. Одним из таких органов является военная полиция.

Военная полиция имеет давнюю историю, но в свете современного периода времени данный орган является молодым. Военная полиция входит в систему правоохранительных органов власти и подчиняется в порядке иерархии органов исполнительной ветви власти Министерству обороны Российской Федерации. Основной задачей данного органа является обеспечение и укрепление правопорядка и воинской дисциплины.

Военная полиция как специальный правоохранительный орган появился в РФ в 2014 году с принятием с принятием Федерального закона № 7-ФЗ от 3 февраля 2014 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации» [1]. Указанным нормативно-правовым

актом, в том числе, внесены изменения в ФЗ № 61-ФЗ «Об обороне» [2].

В ФЗ № 61-ФЗ «Об обороне» содержится определение военной полиции, а также закреплены основные задачи и функции рассматриваемого органа [3]. Таким образом, можно предположить, что основным и фундаментальным правовым актом, регламентирующей деятельность военной полиции вооруженных сил является ФЗ № 61-ФЗ «Об обороне».

Кроме того, стоит отметить, что правовые положения военной полиции нашли свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее — УПК РФ) [4]. УПК РФ наделяет начальников органов военной полиции полномочиями органа дознания. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 40 УПК РФ начальники органов военной полиции относятся к органам дознания [5]. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ начальникам органов военной полиции наделены правами, схожие с правами дознавателей, но с учетом особенностей, которые распространяются на военную сферу. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 157 УПК РФ начальники органов военной полиции наделены полномочиями, которые свойственны органам расследования. Полномочия дознавателя в военной полиции реализуются офицерами, состоящими в должности дознавателей

Согласно Инструкции «О процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской

Федерации, других войск, воинских формирований и органов» начальник органа военной полиции Вооруженных Сил как орган дознания, обладающий полномочиями начальника органа дознания, в пределах предоставленной ему уголовно-процессуальным законодательством компетенции вправе возложить отдельные процессуальные полномочия органа дознания на подчиненных ему должностных лиц [6].

Стоит отметить, что Приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 января 2015 г. № 50 осуществлено разграничение полномочий органов дознания между органами военной полиции и командирами воинских частей, которое действует с 1 декабря 2015 г. [7].

С учетом того, что деятельность по расследованию преступлений, совершенных военнослужащими, является специфической, считаем верным и положительным регулированием деятельности военной полиции отдельными нормативно-правовыми актами, а также статьями, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве.

Стоит также упомянуть Устав военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации [8]. Считается, что данный источник права является главенствующий при регулировании полномочий сотрудников военной полиции. В уставе точно отражены направления деятельности, функции, полномочия и организацию службы военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации.

Правовое регулирование деятельности военной полиции обладает отличительной чертой — особенностью

его субъектов и источников, обусловленные разнообразием задач, которые решает полиция [9].

Стоит отметить и проблемные аспекты правового регулирования деятельности военной полиции вооруженных сил.

На сегодняшний день у военных следственных органов практически отсутствует оперативная поддержка со стороны оперативно-розыскных органов, предусмотренных Законом об ОРД [10]. Кроме того, отсутствуют нормы, посвященные особенностям оперативно-правовой деятельности в военной сфере. Вместе с тем, в соответствии с Уставом военной полиции она уполномочена принимать меры по розыску военнослужащих и военного имущества Вооруженных Сил, а также осуществлять иные оперативно-розыскные меры.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что военная полиция Вооруженных Сил РФ является чем-то вроде квазиоперативно-розыскным органом.

С учетом изложенного, представляется, что было бы целесообразно урегулировать вопрос оперативно-розыскной деятельности военной полиции в рамках Закона об ОРД.

Подводя итог, можно сделать вывод, что на сегодняшний день законодателем проработаны основные положения деятельности военной полиции вооруженных сил. Безусловно, правовая база установила особенности деятельности военной полиции вооруженных сил, но вместе с тем, законодательство не лишено проблем, которые требуют решений.

Литература:

1. Федеральный закон от 03.02.2014 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам деятельности военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации» // Российская газета, № 24, 05.02.2014.
2. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об обороне» // Российская газета, № 106, 06.06.1996.
3. В.М. Корякин, С.А. Минтягов. Военная полиция Вооруженных сил Российской Федерации: теоретико-правовые и практические аспекты деятельности. М: Юридическая литература. 2017. с. 55.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
5. Аршинов, Е. А. Организационно-правовые основы деятельности органов дознания военной полиции вооруженных сил РФ // Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности: сборник научных трудов магистрантов и преподавателей. Челябинск, 2020. с. 9-13.
6. Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2014 № 150 (ред. от 20.07.2017) «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // СПС Консультант плюс.
7. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 января 2015 г. № 50 // СПС Консультант плюс.
8. Указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 (ред. от 06.05.2020) «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС Консультант плюс.
9. Некрасова, Ю. О., Третьякова В. С. Основные направления деятельности полиции в Российской Федерации // В сборнике: актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч.. 2020. с. 143-145.
10. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета, № 160, 18.08.1995.

Проблема толкования термина «коррупция»: особенности отечественных и зарубежных подходов

Шурыгин Филипп Филиппович, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Цель исследования — определение наиболее верного подхода к толкованию термина «коррупция».

Автор исследует особенности отечественных и зарубежных подходов к формулированию определения такого явления как коррупция в системе государственного управления.

Ключевые слова: коррупция, уголовное законодательство, преступление, девиантное поведение, политическая элита, государственный служащий, корыстная цель, имущественная выгода, бюрократический аппарат, взятка.

Гипотеза: До сих пор не существует сколько-нибудь удовлетворительного, с точки зрения большинства исследователей, определения коррупции. При правовом исследовании коррупции в органах государственной власти необходимо учитывать социологический аспект этого многогранного негативного явления.

Коррупция (от лат. *corrumpere* — «растлевать») — термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. Наиболее часто термин применяется по отношению к бюрократическому аппарату и политической элите. Соответствующий термин в европейских языках обычно имеет более широкую семантику, вытекающую из первичного значения исходного латинского слова.

В данной работе проводится исследование крайне негативного социального явления как «государственная» коррупция, в которой всегда одной из сторон служит лицо, находящееся на государственной службе. Данная ситуация обусловлена тем, что именно коррупция в государственных органах признается ведущими учёными (правоведами всего мира) в качестве наиболее опасной формы совершения коррупционных правонарушений, так как именно она непосредственным образом влечёт за собой подрыв авторитета государственных органов и ведёт к дезорганизации управленческой деятельности, ущемлению прав и законных интересов граждан, подрыву доверия населения к власти.

Должностная преступность сегодня стала массовым социально-правовым явлением, включающим совокупность должностных преступлений и лиц, их совершивших. Коррупционная преступность представляет угрозу для российского общества. Она ослабляет государственное влияние на многие сферы социальной жизни. Наиболее часто должностными лицами совершаются такие преступления, как присвоение или растрата, служебный подлог, злоупотребление должностными полномочиями и их превышение, получение и дача взятки. Все эти преступления относятся к коррупционным.

В настоящее время прослеживается интересная ситуация, когда по существу государственными и муници-

пальными служащими совершаются коррупционные деяния, однако в некоторых странах понятие коррупции до сих пор чаще определяется через категории социологии и политики, а не права. Например, уголовное законодательство США, Франции [1], ФРГ [2], Японии [3] не содержит определения термина «коррупция». В отдельных странах существуют чёткие формулировки, определяющие суть коррупции. Например, согласно статье 382 Уголовного Кодекса КНР от 1 октября 1997 года (глава 8) коррупция — это присвоение, хищение, получение мошенническим путём и другими способами общественного имущества государственными служащими (а также лицами, которым поручено управление и хозяйственное распоряжение государственным имуществом) с использованием своих служебных преимуществ [4].

Что касается стран, в которых отсутствует законодательно закреплённое понятие коррупции государственных служащих, ученые-правоведы пытаются сформулировать понятие и дать доктринальное толкование термину «коррупция».

На сегодняшний день наблюдается отсутствие законодательного определения коррупции в законодательстве многих стран и значительное различие формулировок термина «коррупция» на международном уровне.

По мнению Д. Бейли коррупция представляет собой «злоупотребление властью в личных целях» [5].

Н. Ф. Кузнецова рассматривает коррупцию как коммерческий подкуп одних лиц другими в негосударственных структурах [6]. Взятка — это подкуп чиновника [7].

Это далеко не полный список тех определений коррупции, которые формулируются учёными. Целесообразно рассмотреть как формулируют определение коррупции высшие государственные деятели. Например, в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 2002 г. отмечалось, что возможности страны блокируются «громоздким, неповоротливым, неэффективным государственным аппаратом... Главная проблема — не в количестве этих структур, а в том, что их работа плохо организована. Нынешние функции государственного аппарата не приспособлены для решения стратегических задач... Нынешняя организация работы госаппарата, к сожалению, способствует коррупции.

Коррупция — это не результат отсутствия репрессий... а прямое следствие ограничения экономических свобод. Любые административные барьеры преодолеваются взятками. Чем выше барьер, тем больше взяток и чиновников, их берущих» [8]. В Послании Федеральному Собранию на 2003 г. Президент РФ вновь обратился к проблеме коррупции, отметив, что «российская бюрократия оказалась плохо подготовленной к выработке и реализации решений, адекватных современным потребностям страны. И она неплохо приспособилась извлекать так называемую «административную ренту» из своего положения» [9].

В ежегодных посланиях Федеральному Собранию Президент Российской Федерации назвал коррупцию:

— врагом номер один для свободного, демократического и справедливого общества [10];

— одним из главных барьеров на пути развития России [11].

Отечественные исследования понятия коррупции

Определения коррупции, предлагаемые российскими и зарубежными специалистами, различаются подходами к изучению существующей проблемы. А.С. Никифоров считает, что «изначальная семантика слова и соответствующее ей общепринятое понимание термина дают основания считать коррупцией разложение государственного аппарата, общественных и частных служб, извращение возложенных на них функций и т.п. в результате подкупа их должностных лиц» [12].

Российские и западные учёные пошли разными путями в определении понятия коррупции. Первые использовали в качестве основного метод обобщения в нём всех известных способов коррупционных деяний, связав его с понятиями «должностного лица» и «корыстной выгоды» и фактически сделав упор на криминологический аспект изучения данной проблемы. Коррупция понимается ими исключительно как правонарушение, ассоциируемое с общественно вредным виновным деянием, противоречащим требованиям правовых норм. Вторые предложили опираться на политологический аспект и расширить рамки представления о коррупции до девиантного поведения политической элиты.

Криминологический подход неоднократно использовался российскими парламентариями и нашёл отражение

в ряде проектов федерального закона «О борьбе с коррупцией»¹.

В соответствии со статей 1 Федерального закона Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция — это

«а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица».

Рассмотрим недостатки данного определения подробнее.

Во-первых, законодатель очередной раз пошёл по неверному с точки зрения юридической техники пути, перечисляя конкретные деяния, признаваемые коррупционными, а затем делает расширительное, пояснение, что в понятие «коррупция» входит и «иное незаконное использование...», что напоминает обычную формулу «и т.п.». Во-вторых, представляется неверным акцент на перечислении именно уголовно-наказуемых деяний, который игнорирует признание большей роли за начальными фактами проявления коррупции, наказуемых в административном и дисциплинарном порядках. Рассматривая вторую часть легального определения, которая начинается со слов «иное незаконное использование...», обратим внимание на употребление термина «использование», которым законодатель ограничил круг актов, признаваемых коррупционными, поместив внутрь круга лишь действия, т.е. активность субъекта по отношению к объекту посягательства, а за его гранью остались бездействия, также коррупционные по своей сути.

Другим недостатком второй части легального определения коррупции является чёткая формулировка корыстных целей должностных лиц, как имущественной выгоды. Такое ограничение понятия коррупции явля-

1 1) 1993 г. (16 апреля) - опубликован первый официальный проект Закона РФ «О борьбе с коррупцией» и проекты законов РФ «О внесении изменений и дополнений в УК РСФСР» в целях усиления борьбы с коррупцией (руководители рабочих групп Б.В. Волженкин и А.И. Долгова). 1993 г. - принят Верховным Советом РФ Закон РФ «О борьбе с коррупцией» (оставлен без рассмотрения Президентом РФ и до настоящего времени не подписан).
 2) 1995 г. - принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации Федерального Собрания РФ второй официальный проект Федерального закона РФ «О борьбе с коррупцией» (повторно отклонён Президентом РФ).
 3) 1997 г. - принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации третий проект Федерального Закона «О борьбе с коррупцией» (отклонён Президентом РФ).
 4) 2001 г. (8 февраля) - принят в первом чтении Законопроект «О борьбе с коррупцией» Государственной Думой РФ и оставшийся, в конечном счёте, на этой стадии.
 5) 2002 г. (20 ноября) принят в первом чтении проект закона «О противодействии коррупции», обсуждение которого длилось практически год. В итоге, законопроект 2002 г. стал весьма и весьма симптоматичным. Именно он позволяет судить о том, какова динамика изменений представления государства об основах антикоррупционной политики. Эти изменения фактически сводятся к следующему. Коррупция стала пониматься законодателями более комплексно и детально. Между тем, понимание глубины данного явления пока вылилось всего лишь в терминологический спор, порой запутывающий осознание проблемы. Возникло понимание того, что противодействие коррупции невозможно посредством одной лишь борьбы с ней. В этой области необходимо создание институтов предупреждения чиновничьего произвола, действие которых гораздо более продуктивно в перспективе. Постепенно утверждается представление о том, что противодействие коррупции не может быть уделом только государственных структур. Любой из элементов государственного аппарата (даже антикоррупционный по своим задачам) потенциально может быть субъектом коррупционных отношений. В силу этого, государственный контроль за деятельностью должностных лиц должен быть дополнен контролем со стороны гражданского общества.

ется законодательной недоработкой. Ранее существовавший законопроект «Основы законодательства об антикоррупционной политике» формулировал коррупцию как «подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряжённое с получением выгоды (имущества, услуг или льгот и/или преимуществ, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу» [13]. Указание на возможность получения лицом с использованием положения иных видов благ и выгоды, нежели имущественного характера, содержится во многих международных актах и внутренних правовых актах зарубежных стран. Так Межамериканское соглашение против коррупции 1996 г. подчёркивает возможность получения публичным должностным лицом не только «предметов денежно-кредитного значения», но и «другой выгоды в виде покровительства, обещания или преимущества для себя или для любого третьего лица или объекта» [14].

Вывод: в России коррупция понимается исключительно как правонарушение, ассоциируемое с общественно вредным виновным деянием, противоречащим требованиям правовых норм.

Зарубежные исследования понятия коррупции

Помимо российского опыта определённый интерес представляют исследования коррупции, проведённые зарубежными учёными, анализ которых позволяет сделать вывод об использовании ими совершенно иного подхода в освещении данной проблемы. Здесь наиболее преуспела западная политология, содержащая более десятка определений коррупции. Их общей основой выступает представление, согласно которого коррупция есть «девиантное политическое поведение, выражающееся в нелегитимном использовании господствующей политической элитой государственных ресурсов в целях укрепления своей власти или обогащения» [15].

Принципиальное отличие западного подхода от российского состоит в том, что коррупция в нём увязывается не только с корыстными действиями отдельных лиц или групп, но и с существующей политической системой. При этом основным участником коррупционных отношений выступает господствующая политическая элита, представляющая собой привилегированный слой общества — ограниченный круг лиц, активно влияющих на происходящие социальные процессы посредством использования механизма политической власти, где действия коррупционеров часто лежат вне правовых отношений. Существует несколько современных западных элитарных теорий, определяющих политическую элиту в качестве потенциального участника коррупционных отношений. Среди них: концепция Г. Лассуэлла, считавшего, что к элите стоит относить лиц, владеющих наибольшим состоянием или престижем; А. Дюпре, относящего к ней людей с высоким положением в обществе и, в силу этого, оказывающих влияние на социальный прогресс; А. Этциони,

определявшего принадлежность к элите в обладании властными полномочиями и В. Геттсмэна, чей критерий элитарности заключался в занятии ведущих позиций в политической, экономической и культурной жизни [16].

Таким образом, западные исследователи предлагают выделить следующие признаки коррупции:

- коррупция представляет собой девиантное поведение господствующей политической элиты;
- нелегитимный характер поведения господствующей политической элиты;
- нелегитимное поведение вызвано стремлением политической элиты к использованию государственных ресурсов в целях укрепления собственной власти или обогащения.

Выделив политическую элиту в качестве основного участника коррупционных отношений, зарубежные учёные отметили, что ей присуща определённая устойчивость, основанная на глубоких внутренних связях её представителей, объединённых общими интересами в обладании рычагами реальной власти и стремлением сохранить на них свою монополию. Особые ценности, взгляды на власть и государство, развитие страны и мира создают у политической элиты своё мировоззрение, весьма далёкое от общественного, которое можно назвать идеологией общественного меньшинства.

При общей положительной оценке такого подхода следует отметить слабость выражения в нём правового аспекта проблемы коррупции. Он более близок к современной политологии и социологии, чем к правведению. Это является его основным недостатком.

Вывод: зарубежные учёные предложили более опираться на политологический аспект и расширить рамки представления о коррупции до девиантного поведения политической элиты.

При рассмотрении различных определений понятия коррупции выяснилось, что коррупция — это прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения, как правило, сопровождающееся нарушением законности. В то же время, до сих пор не существует сколько-нибудь удовлетворительного, с точки зрения большинства исследователей, определения коррупции.

С целью дать наиболее полное определение этому негативному явлению были рассмотрены отечественные и зарубежные подходы к изучению данного негативного явления.

В России коррупция понимается исключительно как правонарушение, ассоциируемое с общественно вредным виновным деянием, противоречащим требованиям правовых норм.

Зарубежные учёные предложили более опираться на политологический аспект и расширить рамки представления о коррупции до девиантного поведения политической элиты.

Российский и западный подходы в исследовании проблемы коррупции следует объединить, что обусловлено её социально-правовой природой.

Литература:

1. Уголовный Кодекс Франции. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104266,100104300,100104881,100104953,100104979> (дата обращения: 02.04.2020).
2. Уголовный Кодекс ФРГ. URL: <http://constitutions.ru/archives/5854/9> (дата обращения: 02.04.2020).
3. Уголовный Кодекс Японии. URL: <http://constitutions.ru/archives/407/4> (дата обращения: 02.04.2020).
4. Шурыгин, Ф.Ф. Уголовная ответственность в Китае за коррупционные преступления // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. Владивосток, 2011. — № 1. — с. 109-115.
5. Бейли, Д. Активные меры против коррупции в полиции. — Москва: ВЦП, 1990. — с. 4.
6. Кузнецова, Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. — Сер. 11: Право, 1993. — № 1. — с. 25.
7. Кузнецова, Н.Ф. Борьба с коррупцией в странах СНГ // Сб. материалов Межд. науч.-практ. конф. «Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы»./под ред. В.В. Лунеева. — Москва: Юристъ, 2001. — с. 344.
8. Послание президента России Федеральному собранию (2002). URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=117059&tid=15307> (дата обращения: 10.04.2020).
9. Послание президента России Федеральному собранию (2003). URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> (дата обращения: 10.04.2020).
10. Послание президента России Федеральному собранию (2008). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.sgi?req=dos;base=LAW;n=81294> (дата обращения: 21.04.2020).
11. Послание президента России Федеральному собранию (2006). URL: <http://www.legis.ru/misc/news/6183/> (дата обращения: 21.04.2020); Послание президента России Федеральному собранию (2009). URL: <http://президент.рф/transcripts/5979> (дата обращения: 10.04.2020).
12. Никифоров, А.С. Контроль над преступностью в России // Государство и право, 1994. — с. 79.
13. Проект федерального закона № 216592-3 «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (ред. внесенная в ГД ФС РФ). Глава № 1, ст. 2. URL: http://www.lawmix.ru/law_project/20620 (дата обращения: 10.04.2020).
14. Межамериканское соглашение против коррупции от 29.03.1996. Статья VI «Действия и коррупция». URL: <http://law.vl.ru/law/corrupt/att4.html#6> (дата обращения: 10.04.2020).
15. Шабанин, В.А. Политика и преступность // Государство и право, 1994. — № 4. — с. 46.
16. Тарусина, И.Г. Элитисты и плюралисты в современной политической теории // Полис: политические исследования, 1997. — № 4. — С 148.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 26 (316) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 08.07.2020. Дата выхода в свет: 15.07.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.